

Валентина Хайрудинова

БАШНИ ВИТАРОВ

Валентина Хайрулдинова

Башни витаров

«Издательские решения»

Хайруддинова В.

Башни витаров / В. Хайруддинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504946-9

Юный зверолов Тимша и охотник Синигир живут в Синем лесу. Они — соперники. Однако таинственный случай заставляет вчерашних недругов вместе отправиться в главный город окрестных земель — Дювон. Уже в начале путешествия планы Синигира и Тимши меняются, а знакомство с углежогом Муром переворачивает их привычные представления о жизни. Вступив в борьбу со злом, герои раскроют тайны прошлого и настоящего, узнают многое о себе и друг о друге, научатся ценить дружбу, любить и прощать.

ISBN 978-5-00-504946-9

© Хайруддинова В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	35
Глава пятая	43
Глава шестая	49
Глава седьмая	58
Глава восьмая	69
Глава девятая	79
Глава десятая	85
Глава одиннадцатая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Башни витаров

Валентина Хайрудинова

© Валентина Хайрудинова, 2019

ISBN 978-5-0050-4946-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

в которой зверолов не догнал охотника, оказался в гостях, где гневался, изумлялся, смеялся, пугал птиц, а также принял решение

Едва рассвело, но густой туман, накрывший Синий лес ночью, уже понемногу начал таять. Вверху, там, где застыли острые шпили огромных древних синих елей, туман превратился в легкую дымку и рассеялся, а по тропинке, по зеленому берегу ручья, по воде он стелился белой пеленой.

Зверолов шагал по лесной опушке, бормоча себе под нос песенку, и размышлял: кто же сегодня попался в ловушки, и станет ли, наконец, их добычей хитрый черный лис, обитающий в норе на Можжевеловой горе. Этот лис... Но додумать, что же «этот лис», зверолов не успел: в тишине раннего туманного утра услышал где-то справа треск ветки, и, обернувшись, увидел совсем близко бредущую вдоль ручья знакомую фигуру.

Тимша замер, насторожился и, вытянув шею, неотрывно следил за человеком в черной куртке и коричневых сапогах. Тот шел не спеша. Вот остановился, повернулся, и юноша уже не сомневался: перед ним охотник. Не сомневался, но отказывался верить!

Между тем охотник вновь двинулся в путь. Пройдя несколько шагов, он вскинул голову, посмотрел в небо, едва начинающее светлеть на востоке, вдруг резко повернул и через мгновение скрылся в завешенной туманом лесной чаще.

Зверолову некогда было изумляться и вообще – думать: он бросился вдогонку. Двигался юноша так бесшумно и быстро, что, казалось, вовсе не касался земли. Мгновенно преодолев расстояние от тропы до леса, Тимша очутился под сенью вековых синих елей. Здесь он остановился и прислушался. Стояла тишина: лес еще не проснулся, даже хвоя на деревьях замерла в предрассветной дреме. Зверолов сделал несколько шагов вглубь лесной чащи.

Но вокруг никого не было: охотник словно растворился в тумане.

Тимша потратил немало времени на исследование леса, но напрасно.

Растерянный и сердитый, он, наконец, направился к Можжевеловой горе, однако ни о черном лисе, ни о ловушках уже не думал: все мысли в голове зверолова крутились вокруг необычайного события. Что Синигир делает ранним утром в лесу? Время охоты наступает позже, потому охотники – любители поспать. Особенно Синигир. Зверолов даже остановился от досады: как мог упустить этого высокомерного хвостуна! Надо было непременно догнать! Но что все-таки охотник делает утром на тропе зверолова?

Вопрос не давал юноше покоя. Не выдержав неизвестности, к тому же по молодости лет и по складу характера будучи открытым и нетерпеливым, Тимша решил спросить охотника напрямую, чтобы расставить все по местам и думать, наконец, о своих делах. Он, оставив на время заботы о ловушках и черном лисе, повернул к мостику через реку, в которую превращался лесной ручей ближе к северу, туда, где на берегу в окружении сосен стоял деревянный двухэтажный дом охотника. Такой жилище имел только один человек в Синем лесу. Зачем Синигиру нужны эти хоромы, зверолов – обитатель леса – не понимал, и (впрочем, не только поэтому) считал Синигира гордецом и хвостуном.

Подойдя к дому охотника, Тимша остановился в крайнем удивлении, рассматривая представившуюся его взору картину: на большом балконе, непривычно растрепанный, в белоснежной, нежнейшего шелка рубашке навыпуск, будто и не покидал свое жилище, стоял Синигир и вертел в руках огромный нож. Солнце уже взошло – яркий его луч победно сверкнул, отразившись от клинка.

– Доброго тебе утра, Синигир, охотник из Синего леса! – крикнул зверолов.

Голос юноши, звонкий и сильный, прозвучал так громко в тишине только наступившего утра, что птицы на ближайших деревьях окончательно проснулись и, сердито засвистев, вспорхнули с веток.

Охотник опустил оружие, глянул вниз на нежданного гостя, несколько мгновений оценивал ситуацию, потом, с нотками удивления в голосе ответил:

– Привет и тебе, Тимша, зверолов.

Звероловы и охотники не дружили издавна, а уж тем более (по ряду причин) не любили друг друга Синигир и Тимша. Звероловы давно решили, что охотникам слишком легко дается добыча: один меткий выстрел – и все. При этом они уж очень, как считали звероловы, кичились своей храбростью и силой. А охотники пренебрежительно относились к звероловам, их ловушкам и капканам, не всегда приятно пахнущим приманкам, а также к их добыче, считая, например, бобров или енотов недостойной мелочью.

– Чему обязан счастьем видеть тебя так рано? – между тем продолжал охотник прояснять обстановку, сложившуюся под балконом.

Зверолов насупился: охотники насмехались над звероловами по поводу их ранних блужданий по лесу. «Спать звероловы ложатся после обеда, чтобы встать до пробуждения птиц», – говорили они. При любом удобном случае охотники шутили: прижав палец к губам, шептали: «Тише, не разбудите зверолова! Утром ему рано вставать и ловить мышей!» Иногда говорили «ежей», но от этого шутка не становилась менее обидной.

Вот и сейчас в вопросе Синигира Тимше послышалась явная насмешка: ясно ведь, что особого счастья от этого утреннего свидания Синигир не испытывал.

– Мы уже виделись сегодня еще затемно. Ты, видно, проснулся еще раньше меня. Может, решил стать звероловом? – сердито ответил зверолов.

Тимша отличался прямоотой и простотой – Синигир поморщился от его слов и тона, каким они были произнесены. Но понимая: гневается зверолов не на пустом месте и находится не в лесу, освобождая свои ловушки от добычи, а под его, Синигира, балконом, тоже неспроста, охотник, желая положить конец непонятной ситуации, перегнувшись через перила, сказал:

– Прошу, зайти в дом. Поговорим спокойно.

Зверолов раздумывал несколько мгновений. Затем любопытство пересилило гордость — Тимша распахнул дверь и, оказавшись в большой светлой комнате, на миг потерял дар речи.

Охотники и звероловы с гордостью украшали свою одежду и дом трофеями, добытыми в лесу. Охотники находились в более выигрышном положении: Тимша понял это с первого взгляда. На стенах огромной комнаты висели двадцать (Тимша сосчитал!) шкур свирепого белого барса; шкуры черного хищника, крайне редко встречающегося, и убитого Синигиром лишь однажды, среди них не оказалось: охотник сшил из нее куртку. Еще комнату украшали когти медведей, нанизанные на бечеву, волчьи оскаленные морды с яркой бирюзой вместо глаз и кабаньи головы с огромными клыками.

Убранство залы говорило об удачливости и смелости охотника Синигира. Тимша невольно вспомнил свою хижину, где стояла пара чучел лисиц и енотов. Хотя по сравнению с хоромами охотника не только лесная избушка Тимши, а, наверное, даже дома Золотого города Дювона будут выглядеть хибарами (Тимша никогда не был в Дювоне, но слышал от других: дома там каменные, высокие, просторные). Но эта мысль зверолова не утешила, наоборот, он рассердился еще больше, но уже на себя, ибо заподозрил, что позавидовал охотнику.

Между тем Синигир спустился с лестницы, вышел навстречу гостю и довольно приветливо спросил:

– Что ты хочешь от меня, зверолов?

Тимша метнул на хозяина огненный взгляд, вскинул голову и резко ответил:

– Чтобы ты объяснил: зачем на рассвете ходил по моим тропам?

Синигир немного подумал, и, вздохнув, заметил:

– Я так понимаю: отрицать это бесполезно?

– Я верю своим ушам, своему носу, а еще больше верю своим глазам!

– Не сомневаюсь, – кротко заверил охотник.

– И правильно делаешь! Скажи: хотел воспользоваться моей добычей? – сердито спросил зверолов.

В это прекрасное утро охотнику вовсе не хотелось ссориться со строптивым гостем, и так как Тимша по понятным причинам вызывал в нем интерес, Синигир решил продолжить беседу мирно. Он рассмеялся, хотя смех прозвучал немного неестественно.

– Ты еще и смеешься надо мной?! – возмутился Тимша.

Улыбка растаяла на устах охотника, но он сказал по-прежнему спокойно и вежливо:

– Не горячись, прошу. Мне, конечно, не нужны твои трофеи.

Тимша грозно нахмурился:

– Хочешь сказать: моя добыча недостойная?

Синигир растерялся, что случилось с ним крайне редко. Не зная, что ответить, чтобы окончательно не обидеть гостя, охотник предложил:

– Давай поднимемся на балкон: там ждет завтрак, и поговорим серьезно.

Тимша еще сердился, но, когда охотник, слегка поклонившись, повторил приглашение, гнев зверолова понемногу начал остывать, уступив место любопытству, а на балконе исчез вовсе.

Завтрак охотника, как и все, увиденное в доме, поразило зверолова, привыкшего к суровой пище и грубому убранству помещений жителей леса. На балконе, на хрупком столике, застеленном белоснежной скатертью, в серебряных тарелочках лежало печенье, в стеклянных вазочках что-то розовело, наверное, варенье, а от какой-то размазни на синем блюдецке шел пар.

– Присаживайся, – поспешно предложил охотник, заметив недоуменный взгляд зверолова.

Тот неуверенно уселся на стульчик из лозы и спросил:

– Не сломается?

– Он крепкий, только кажется маленьким, – охотник постучал кулаком по сиденью второго стульчика и тоже сел.

Если грандиозная нижняя комната сказала о подвигах славного охотника, то увиденное на балконе говорило о чем-то другом, чему Тимша пока не придумал названия. Это «другое» изумило зверолова, погасило его гнев и на некоторое время даже затмило цель прихода.

Он оглядывал убранство столика, едва сдерживая улыбку. Особенно развеселили Тимшу маленькие салфетки тончайшей ткани, расшитые голубыми незабудками.

Синигир уже сто раз пожалел о своем приглашении. Но сделанного не воротишь, а ему хотелось выяснить, зачем соперник придумал историю о его, Синигира, прогулках по лесным тропам – мирная беседа за завтраком, по мнению охотника, помогла бы горячему зверолову успокоиться. «Интересно, за игру ведет строптивый мальчишка?» – наблюдая за Тимшей, размышлял охотник.

Впрочем, знание людей и жизненный опыт подсказывали Синигиру: юноша на нечестный поступок не способен в силу своего правдолюбия и прямоты. А уж в этих качествах Тимши охотник имел возможность убедиться давно.

Да, все звероловы и охотники недолюбливали друг друга, а Синигир и Тимша уже в течение двух лет вели тайное состязание, хотя сами в этом никогда не признались бы.

Тимшу знали в Синем лесу как самого лучшего зверолова, ловкого и умелого, несмотря на очень юный возраст. Обитатели Синего леса все как один твердили: ежи, пойманные Тимшей, прекрасно ловят мышей, крошечные бобошки, наученные звероловом различным фоку-

сам, такие ласковые и послушные, что их заводят десятками, да и все другие зверьки, которых продавал людям Тимша, отличались большой сообразительностью, разве что не говорили. А Синигир, самый сильный и храбрый из охотников, славился своей удачливостью и смелостью, что позволили ему стать самым богатым и известным, пожалуй, не только среди охотников. То и дело жители Синего леса обсуждали, какого хищника подстрелил смелый Синигир, сколько золотых монет стоил ему лук, заказанный у лучшего мастера-оружейника из Бурой пустоши, какой богатый ужин заказал он в «Колючей елке» для приятелей-охотников.

Незримое противостояние началось осенним теплым вечером, когда проглядывают сквозь шпиль елей белые и желтые звездочки, и в лесу нечего делать ни охотникам, ни звероловам, ни собирателям, ни дровосекам. Синие ели, послушные ветру, пели нежную песню осени, а в харчевне «Колючая елка», что стоит на северном перекрестке дорог, сидели за одним из столов охотники.

Конечно, все внимание приковал к себе Синигир, который рассказывал о последнем своем приключении – встрече с медведем:

– Долго в тот день преследовал я огромного оленя-рогача. Вот, наконец, настиг его и стрелой поразил огромного зверя, погрузил на волокушу и хотел уже отправиться в путь, но вдруг вижу: из-за дерева высунулась огромная голова – медведь! Он смотрит на меня в упор, в глазах – злорадия, втягивает ноздрями воздух!

Слушатели, каковыми стали к этому моменту все присутствующие, ибо говорил охотник громко и выразительно, замерли.

– Медведь встал на дыбы и пошел на меня! Мы стояли вплотную друг к другу – до меня донеслось его дыхание. Свирепый зверь готовился обхватить меня мохнатыми лапищами! Что было делать?

Охотник обвел взглядом собравшихся – все молчали, застыв в благоговейном ужасе.

– Тогда я сунул руку в его разинутую пасть!

Синигир поднял вверх руку – рукав рубашки скатился к локтю, и потрясенные посетители увидели едва зажившие шрамы.

Все дружно охнули.

– Левую руку! – продолжал охотник, – а правой – выхватил нож и – раз! Нанес медведю удар прямо в сердце!

Тимша сидел неподалеку спиной к столу охотников. Во время повествования Синигира он лишь качал головой. Нет, Тимша не сомневался в правдивости истории, но ему казалось: говорить о своей храбрости значило хвастаться, а это, по меньшей мере, недостойно настоящего мужчины. Тимшу в силу молодости волновал вопрос о том, каким должен быть настоящий мужчина: себя-то он очень хотел считать таковым.

После рассказанной Синигиром истории зверолова просто распирало от желания высказать охотнику свое мнение. Потому, едва дождавшись, когда под шум одобрительных мужских возгласов и восхищенный женских вздохов торжествующий Синигир уселся на место, Тимша повернулся к столу охотников и произнес:

– Убить свирепого зверя в схватке непросто, а еще труднее не хвалиться этим.

В харчевне повисла нехорошая тишина.

– Ты кто, юноша? Меня ты, как я понял, знаешь, но я тебя – нет, – скорее удивленно, чем сердито спросил Синигир.

– Я зверолов из Синего леса, Тимша! – гордо вскинув голову, звонко объявил юноша.

Вот так они встретились впервые лицом к лицу. Неизвестно, чем бы эта встреча закончилась, если бы не случилось нечто совершенно неожиданное: сразу после представления зверолова в маленьких окнах харчевни вдруг блеснул яркий свет молнии, воздух разрубил удар грома, за ним второй, третий. Завсегдатаи «Колючей елки» оторопели: они боялись грозы,

очень редкой гостыи в этих местах, поэтому присмирели, притихли, забыв на время и о Тимше, и о Синигире.

Синигир решил: недостойно великого охотника связываться с глупым мальчишкой. Он завернулся в широкий, красиво расшитый узорами плащ и отправился восвояси, показав: стихия ему нипочем. Но перед уходом охотник поделился своими мыслями о Тимше с товарищами. Те, когда удары грома прекратились, пришли в себя и охотно передали слова охотника юному зверолову. Тимша, после того, как закрылась дверь за охотником, уже считал себя победителем в едва начавшемся словесном поединке, а, по словам острых на язык охотников, выходило: Синигир посчитал юношу выскочкой и задирой. Тимша выслушал и лишь гордо вздернул подбородок, что означало: «Посмотрим!»

Вот с той встречи и началось соперничество охотника и зверолова, тайное, но захватившее обоих. Хотя положение оказалось неравным: трофеями Синигира стали двадцать медведей за два года, а Тимша...

Но юный зверолов не унывал, слушая про медведей, и рассуждал так:
– Что охотник? Он убивает зверя почти всегда на расстоянии. А зверолов выследит зверя, поймает, а потом еще из ловушки возьмет живым и здоровым. Да обучит для радости и пользы людям!

Тимша прекрасно знал все звериные тропы, время проводил, изучая повадки животных, совершенствуя ловушки, отчего очень скоро стал лучшим звероловом в Синем лесу.

Однажды у него получилось приманить в свою ловушку свирепого барса. Но мало того: Тимше удалось вытащить его из западни живым. Он привез хищника в клетке в деревню, где изумил народ, в особенности детей, которые такого зверя никогда не видели. Все восхищались Тимшей, прекрасно понимая: даже для охотника убить барса – удача, а уж для такого юного зверолова поймать свирепого зверя живым и невредимым – подвиг! Так юный зверолов стал героем наравне с Синигиром – о его славном приключении с барсом говорили повсюду в окрестностях Синего леса. Сам он о схватке с хищником не слишком распространялся, и оттого народу пришлось додумывать, как же все случилось. В конце концов, рассказы эти обросли такими невероятными героическими подробностями, о которых сам зверолов и не подозревал.

Спустя какое-то время Синигир подстрелил матерого волка – грозу пастухов с южного склона Второго холма. Волк, огромный, даже мертвый внушавший страх, был доставлен на всеобщее обозрение в деревню. Тимша сильно подозревал, что охотник намеренно не оставил волка у пастухов, хотя те и просили, даже предлагали щедрое вознаграждение: хотели увековечить это событие, сделав чучело. Но Синигир сам сделал заказ чучельнику – зверь стал украшением «Колючий елки».

Таким образом, противостояние продолжалось. Не видясь месяцами, а при редких случайных встречах едва кивая друг другу, охотник и зверолов, благодаря словоохотливости жителей Синего леса, знали все о своем сопернике. Ну, или почти все.

Чего не ведал Тимша о Синигире, так это о пристрастии охотника к красивой, но хрупкой домашней утвари! Потому, сидя ранним, так необычно начавшимся утром на изящном стульчике и разглядывая маленькие приборы для еды, стоящие на столике, зверолов едва сдерживал смех.

Синигир же продолжал пребывать в некоторой растерянности, наблюдая за гостем. Ох, и ругал себя смелый охотник! Он-то хотел окончательно подавить соперника великолепием своего дома и представить не мог: зверолова, живущего в лесной глухомани, не приведут в восторг, а рассмешат прекрасные и, силы небесные, дорогие вещи, привезенные из далекого Дювона.

– Что же ты? – попытался охотник направить зверолова в правильное русло, – съешь что-нибудь.

Он сделал жест рукой, указывая на угощения в маленьких вазочках и тарелочках.

Тут зверолов не выдержал. Он рассмеялся, да так звонко, что птицы, вернувшиеся на соседствующие с домом деревья, вынуждены были вновь вспорхнуть и улететь с беспокойного места куда подальше.

Синигир нахмурился, но юноша хохотал так заразительно и добродушно, что охотник, не заметив, как это получилось, против воли тоже начал улыбаться.

– Ох, Синигир, охотник из Синего леса, ты полон загадок, – проговорил, наконец, Тимша, немного успокоившись и утирая слезы.

– Ничего загадочного, – проворчал охотник, – позволь спросить: что тебя так развеселило?

– Все, – показал глазами на столик зверолов, хихикнул и икнул.

– Ничего смешного я тут не замечаю, – стараясь сохранить важность и спокойствие, заявил Синигир, – некоторые из этих вещей достались мне в наследство, а кое-что я купил. Почему бы нет? Это красиво.

– Пожалуй, – согласился, продолжая икать вследствие недавнего приступа смеха, юный зверолов, – только твоя огромная рука того и глядишь раздавит эту миленькую, ой, то есть маленькую, кру-же-чку!

Тут Тимша вновь расхохотался, но сумел проговорить сквозь смех:

– И... смотри, не проглоти ненароком ложечку, она такая крохотная!

– Ничего ты не понимаешь. В Дювоне все так живут, – не найдя, что еще сказать развеселившемуся мальчишке, заявил Синигир, который почему-то никак не мог рассердиться на потерявшего всякую совесть зверолова.

– Так это в Девоне. А у нас – лес, – резонно заметил Тимша.

– Ладно, прекратим спор. Хоть тебе и смешно, однако попробуй это печенье.

Синигир хотел заставить зверолова восхититься хоть чем-то на этом злосчастном завтраке! Но сегодня день у охотника не заладился: не получалось с этим заносчивым мальчишкой вести себя гордо, как подобает знаменитому охотнику.

Зверолов, взяв двумя пальцами печенье, спросил:

– О! Еще теплое. Кто пек столь изысканное лакомство?

Ну, надо же! Кто бы мог подумать, что зверолову придет в голову такой вопрос? Охотнику пришлось закашляться и сделать вид, будто он не услышал незваного гостя, за своим безудержным весельем совершенно забывшего о том, зачем он пришел этим ранним утром в дом соперника.

Синигир налил чай из фарфорового чайничка и спросил:

– Так ты говоришь: видел меня еще затемно на лесной тропе?

Охотник с удовольствием отметил, что Тимше сразу расхотелось издеваться над ним. Синигир, уверенный, что сейчас узнает, что же все-таки хочет от него не умеющий скрывать свои чувства зверолов, даже позволил себе непринужденно хлебнуть чаю из миленькой маленькой кружечки.

– Да уж, говорю. Вернее, требую ответа. Что ты делал на моей тропе? – опомнившись, спросил юноша, хотя уже не сердито.

– На ней ведь не написано «тропа Тимши, зверолова»? – заметил Синигир и тут же пожалел о своих словах.

– Так значит все-таки ты! – возмутился зверолов, вскакивая с места.

– Я шучу. Все это... твой рассказ... я не воспринимаю серьезно. Ну, подумай: зачем мне тропа зверолова, почему рано утром я вдруг стану гулять по лесу?

– Да ты только что признался! – горячился Тимша.

– Я же говорю: пошутил. Не только ты можешь позволить себе отпускать остроты, – огрызнулся Синигир, в очередной раз отругав себя за неумение вести разговор с этим невыносимым Тимшей.

– Н-ее-т, – покачал головой зверолов, – ты проговорился. Ты был сегодня утром в лесу.

– Не был.

– Был!

– Не был.

– Был!

– Хорошо, – подумав немного, сказал Синигир, – давай поговорим как настоящие мужчины: серьезно и спокойно.

Это был первый удачный ход охотника за всю встречу. Во всяком случае, так он решил, потому что гость снова уселся и даже начал грызть печенье.

– Почему ты так уверен, что именно я ходил по лесу?

– Да ты только что сам признался!

– Я ни в чем не признавался. Мне не в чем признаваться, – возразил Синигир, – я пошутил. Есть у тебя какие-то еще доказательства? Ты же шел ко мне, не подозревая о моих «признаниях».

Тимша взял, не глядя, еще печенье, сосредоточено, но удивительно быстро его съел и принялся за следующее.

– Доказательства? – переспросил он, наконец, проглотив лакомство, – твоя куртка из шкуры черного барса, какой нет ни у кого в Синем лесу.

– Да, черный барс встречается редко, и не каждый охотник может похвалиться таким трофеем, – приосанился Синигир.

Но зверолов тут же заставил Синигира вновь пожалеть о своих словах: юноша, взяв очередное печенье, спокойно заметил:

– Не каждый настоящий охотник, ты прав, станет хвалиться.

Фраза в устах Тимши приобрела совсем другой смысл – Синигир нахмурился. Охотник, считал выше своего достоинства связываться с мальчишкой и снисходительно относился к насмешкам зверолова, которые лесные обитатели считали своим долгом довести до сведения Синигира. Но любому терпению приходит конец!

Синигир сурово взглянул на собеседника:

– Ты хочешь сказать – я не настоящий охотник?

Зверолов посмотрел на собеседника снизу вверх, взял последнее печенье и миролюбиво ответил:

– Каждый скажет: ты самый лучший охотник в Синем лесу. А кто, ты не ответил, печет такое вкусное печенье? Смотри-ка, я все съел.

Ну, что ты скажешь! Во-первых, Синигир даже под страхом смерти не признался бы, что печенье он пек сам. Во-вторых, в самом деле, никто, и зверолов тоже, разумеется, не может сомневаться в смелости и умении Синигира.

Ах, не так прост этот несносный мальчишка, как выглядит: честные глаза, прямой взгляд и непонятный потрепанный кафтан.

Синигир вздохнул и продолжил задавать вопросы:

– Так ты считаешь черную куртку доказательством?

– Конечно! Во всяком случае, я знаю только одного человека, у которого она есть. А потом – сапоги.

– Что – «сапоги»? – не понял охотник.

Тимша показал на высокие коричневые сапоги, стоящие на скамейке у входа на балкон. Сапоги замечательные: из кожи оленя, расшитые по верху черными нитками и украшенные сзади подстриженными волчьими хвостами. Говаривали, что сапоги Синигиру сшил сапожник из Бурой пустоши, мечтая выдать за знаменитого охотника свою дочь.

– Сапоги-то такие точно носишь только ты, – Тимша вздернул подбородок, – нет, это был ты, и говорить не о чем!

– Да кто угодно мог шить и куртку, и сапоги, желая на меня походить! – воскликнул Синигир с облегчением, – вот и разгадка! Кто-то, может, даже какой-нибудь зверолов, восхищаясь моим ...мною... короче, решил...

– Воспользоваться твоей головой, – невозмутимо закончил Тимша и, осторожно взяв чайник, налил в кружечку чаю, не забыв загадочно усмехнуться.

– Что это значит?

– К куртке и сапогам прилагалась голова: золотые кудри и синие глаза, как говорят местные девушки, – Тимша даже глаза закатил, изобразив молодых жительниц Синего леса, которые все, без исключения, были влюблены в охотника, – ну и все прочее. Хотя я в твоём лице никакой красоты не вижу.

– То есть это был я? – уточнил Синигир, пропустив укол зверолова.

– Это был ты. А теперь скажи, зачем...

– Это был не я! – прервал зверолова охотник, слегка повысив голос, – послушай меня! Вчера я пришел домой позже обычного, вернее, намного, намного позже: засиделся с приятелями в «Колючей елке». Я думаю, до рассвета оставалась пара часов; так вот, я пришел домой, свалился и уснул мертвым сном. Утром, встав с постели гораздо позже восхода солнца, сразу же затопил печь, вымылся, надел чистую рубаху и...

На этом месте Синигир прервал рассказ: он едва не проговорился, что после купания разложил тесто по формам и отправил в печь.

– ...И приготовил завтрак. Потом мне принесли от кузнеца из Бурой пустоши вот этот нож. Потом явился ты. Я не гулял по лесу! Все утро я находился дома. Вот доказательства: чистая рубашка, мокрые волосы, горячая печка, завтрак, нож. Спроси у посыльного – он передал мне нож и взял деньги. Когда бы я успел все это сделать, бегая по лесным тропам, ведь проснулся я не с первым, и даже не со вторым лучом солнца.

– Да-а... – с сомнением протянул юноша и налил себе чаю в крошечную чашечку, – ты скрылся в лесной чаще, и прийти сюда намного раньше меня тебе вряд ли бы удалось.

– Я не скрывался в чаще. Это был не я. Я устал повторять.

– Тогда кто? Кого я видел? В твоей одежде, с твоим лицом – и не ты?!

Синигир прошелся по балкону туда-сюда, отметил про себя, что должен уже отправляться на охоту в северную часть леса, как планировал вчера.

– А тебе не могло все привидеться? Ты...

Синигир опять вовремя замолчал, оставив на кончике языка слова о равнодушном отношении юного зверолова к охотничьим подвигам.

– С чего бы мне такое виделось?

– Но у меня нет другого объяснения, – развел руками Синигир, – ты ведь честный и благородный малый, и всегда говоришь правдиво и прямо (Синигиру очень хотелось добавить, что эта прямота, особенно касающаяся охотников, ему порядком поднадоела, но сдержался), я в этом ни мгновения не сомневаюсь. Но я тоже говорю правду!

– Но, если я прав, и ты прав, что же все это значит? – озадаченно уставился на охотника Тимша.

– У меня нет на этот счет никаких предположений. Если тебе не приснилось, а ты утверждаешь, что не приснилось. Так? – охотник внимательно посмотрел на собеседника.

Юноша потряс головой, всем видом показывая: да, так!

– Ну, вот... непонятно все это. Стоит хорошенько подумать, сохранив пока все произошедшее в тайне.

– Почему? Нет, нужно рассказать. Может, звероловы найдут разгадку?

Тимша уже представлял, как поведает звероловам из Синего леса поразительную новость: охотники теперь шарят по их ловушкам!

– Потому что мы оба глупо выглядим в этой истории! – воскликнул охотник.

– Ну, ты-то – да, конечно, очень глупо выглядишь. А я почему глупо выгляжу?

– Да потому! Я-то верю тебе. Верю: ты видел... только не знаю: что или кого. Но никто не отнесется серьезно к твоему рассказу о том, что охотники по утрам ходят по тропам звероловов.

Тимшу смутила пронизательность Синигира, угадавшего его мысли. Он готов был согласиться с более опытным охотником и только из упрямства спросил:

– Почему?

– Сочтут это мальчишеской выдумкой, чтобы насолить мне, ведь все знают: ты не слишком меня жалуешь.

Ах, Синигир! Все утро он разрушал неудачными словами с трудом создаваемый мостик доверия между собой и соперником. Слова о «мальчишеской выдумке» рассердили почти совсем успокоившегося юношу. Он встал в горделивую позу и, вызываясь вскинув голову, чтобы казаться выше ростом, спросил:

– Так ты уверен, что меня, зверолова Тимшу, посчитают бессовестным вруном, способным из зависти или мести оболгать человека?

Синигир, в который раз за это утро, сам удивляясь своему терпению, (впрочем, терпеливый охотник – удачливый охотник) принялся объяснять вспылчивому гостю:

– Я только хотел сказать, что никто из охотников не поверит, что я способен воровать добычу зверолова. Ты ведь понимаешь: я прав. Но эти слухи могут смутить некоторых – пойдут ненужные разговоры, охотники и звероловы начнут ссориться.

Тимша притих, вновь сел на стульчик из лозы и тяжело вздохнул. Как поступить? Он не знал ответа, в чем честно признался:

– Не понимаю я, что произошло. С одной стороны, я верю: ты говоришь правду.

– Ну, конечно! Зачем мне обманывать? – поспешил облегченно вздохнуть Синигир.

– Но с другой стороны – я видел тебя утром.

Синигир, обхватив голову руками, задумался.

Время шло. Синигир молчал, Тимша разглядывал балкон. Однако, кроме столика, который он изучил в подробностях, ничего интересного он больше не обнаружил, поэтому скоро нарушил молчание:

– Ты как будто не мог находиться в лесу: посыльный, завтрак, рубашка... Но я видел именно тебя! Я верю своим ушам, своему носу, а еще больше – своим...

– Своим глазам, – уныло закончил фразу Синигир, – я уже слышал.

На балконе вновь повисла тишина, нарушаемая лишь веселым пением птиц, которые благополучно вернулись, позабыв о громкоголосом госте.

– Что же нам делать? – через несколько минут хором воскликнули зверолов и охотник.

Но ответ не находился – они опять сидели в задумчивости за изящным столиком и опять молчали.

Пели птицы, во всю мощь сияло солнце на ясном синем небе. Утро вступило в свои права.

Синигир, наконец, решился. Он заговорил, тщательно взвешивая каждое слово – общение с Тимшей давало о себе знать:

– Слушай, ты прав: нам стоит спросить совета у кого-нибудь опытного и мудрого.

– Ты согласен со мной? – польщенный юный зверолов не скрывал радости.

– Но найдем ли мы таких людей в Синем лесу и в его окрестностях? Кто нам поможет? Звероловы? Охотники? Дровосеки? Собиратели? – охотник предлагал собеседнику право выбора.

И смысленный юноша не обманул его ожиданий, сказав:

– Нам нужен кто-то умный и незаинтересованный.

– Верно, – с готовностью согласился охотник, – незаинтересованный.

Синигир зашагал по балкону широкими шагами, так топая, что зверолов стал переживать за судьбу посуды: чашечки и тарелочки позванивали, словно жаловались на неуважительное отношение.

Наконец охотник остановился и заговорил:

– Как ты относишься к путешествиям?

– Никак... я не знаю: никогда не путешествовал, – стараясь скрыть смущение, признался зверолов.

– Пора исправлять положение! Поверь: и за пределами Синего леса есть, что посмотреть.

– Но я не собираюсь... за пределы. Зачем мне путешествовать?

– Ты же сам сказал: нам необходим совет опытного и мудрого человека.

– Ну, сказал. И что же?

– Я предлагаю тебе отправиться завтра же в Дювон, чтобы раскрыть тайну твоего сегодняшнего приключения. Если, конечно, тебя устроит мое общество, и, если задачка не утрачена еще... хм... смысла.

Тимша, привстав, смотрел на Синигира во все глаза – сейчас охотник видел не известного зверолова, поймавшего барса, а любопытного, изумленного заманчивым предложением мальчишку, не заметившего насмешки, содержащейся в последних словах Синигира.

Наконец юноша обрел дар речи, но только, чтобы задать один короткий вопрос:

– В Дювон?

– В Дювон! В Дювон! В чудный великолепный город! О! Ты увидишь огромный дворец с пятью разноцветными таинственными башнями, в которых хранятся древние сокровища. В Дювоне живет верховный Бескид – правитель всех окрестных земель. В Дювоне растут чудесные розы невообразимых размеров и расцветок и красивейшие деревья, есть причудливые фонтаны, замечательные домики с цветными крышами и круглыми окнами. А еще – золотые статуи благородных карагаев – рыцарей-всадников на волшебных конях-котоврасах, прекрасных и ужасных одновременно!

Тимша заворуженно слушал. Конечно, он мечтал увидеть Дювон, прекрасный Золотой город, грезил о походах в Непрístupные скалы или в северные Бурые пустоши, но даже не надеялся, что его желания осуществляются вот так, прямо завтра. К тому же отправиться в дальний путь с Синигиром – сомнительное удовольствие. Но, с другой стороны, охотник – опытный путешественник, с таким в дороге вприсак не попадешь.

– Решайся, решайся, зверолов, – видя на лице юноши отражение внутренней борьбы, настаивал Синигир, – конечно, путешествие потребует отваги и хорошей подготовки.

– Я готов! – не дал зверолов охотнику закончить, – готов. Вот только сейчас я должен идти, посмотреть свои ловушки, ведь солнце уже высоко. Потом соберу все необходимое...

Тимша поднялся, бодро зашагал к двери, быстро сбежал по лестнице, оказавшись в огромной зале, еще раз окинул взглядом трофеи Синигира. «Хорошо все-таки, что он будет моим товарищем в этом путешествии. Синигир – смельчак и силач, хотя нос задирает, и смешные эти кружечки и тарелочки... А печенье-то вкусным оказалось!» – мысли в голове зверолова бежали, путались, спеша обогнать одна другую.

– Завтра встречаемся, как только встанет солнце, у «Колочей елки», – сказал вслед убегающему по шаткому мостику юноше Синигир.

Но тот только рукой махнул, не оглядываясь, однако вдруг остановился, развернулся и звонко крикнул:

– А что для путешествия нужно собрать-то? И еще – что такое «статуи»?

И вновь испуганные птицы, захлопав крыльями и крича, взлетели с веток.

Глава вторая

в которой путешественники делают крюк, Синигир удивляется сам себе, а после узнает о существовании гики, зверолов совершает непонятный поступок, лечит рану и знакомится с углежогом

Солнце еще только послало миру первый розовый несмелый лучик, а по дороге, что желтой лентой протянулась вдоль строя синих елей, уже ехали Синигир и Тимша.

Охотник восседал на рыжем жеребце, который горячился, стремясь перейти в галоп. За спиной у всадника – оружие: лук и колчан, наполненный стрелами, на поясе – короткий кинжал в украшенных драгоценными ониксами ножнах. Синигир погрузился в раздумья о предстоящем путешествии, до сих пор немного удивляясь своему вчерашнему решению. У кого в Дювоне спросить совета по поводу удивительного события, приключившегося с Тимшей в лесу, он не представлял, однако верил: выход всегда найдется. В конце концов, у него есть тетушка Багряна. Хотя, ее, наверное, сложно назвать «незаинтересованной». Но пусть лучше мальчишка будет под присмотром, а не болтает лишнего по Синему лесу, нанося урон безупречной репутации Синигира. Именно эта мысль и сыграла вчера решающую роль в принятии охотником решения отправиться в Золотой город.

Синигир покосился на спутника, который ехал рядом на маленькой повозке, запряженной пестрой довольно упитанной лошадкой по кличке Рожка.

Зверолов тоже намеревался отправиться в путешествие верхом, но необходимость пристроить вчерашнюю добычу и тех зверушек, что жили у него, заставила воспользоваться повозкой до ближайшей деревни. О планах зверолова охотник узнал утром, когда они встретились у «Колочей елки», и предложил сделать крюк, чтобы продать животных в большой деревне в северной части Синего леса. Синигир сделал это не потому, что его волновал заработок зверолова. Он опасался: в близлежащей деревеньке, где зверолов обычно продает добычу, несдержанный юноша может кому-нибудь рассказать со своей обычной горячностью о встрече с охотником на тропе зверолова. А Синигиру не хотелось, чтобы даже тень подозрений легла на его славное имя.

Вчера Тимша, не раздумывая, согласился на предложение Синигира и теперь радовался предстоящему приключению, и даже, припоминая к слову вчерашнее утреннее происшествие, уже не обвинял Синигира, а в недоумении покачивал головой: «Как такое могло быть?» Не насмехался он и по поводу изящной посуды и салфеток, чего охотник в глубине души немного опасался.

День обещал быть прекрасным. Солнце уже взошло и теперь согревало лес, названный Синим из-за множества синих елей, произраставших в нем. Завели первые песни проснувшиеся птицы, зажужжали трудолюбивые пчелки. Свежий ветерок доносил до путников легкий аромат лесных цветов.

Большую часть пути ехали молча: охотник и зверолов не слишком тепло относились друг к другу еще вчера и не совсем привыкли к обществу друг друга, да и думал каждый о своем. Зверолов – о зверушках, о красивом коне Синигира, о предстоящем путешествии, а охотник – о превратностях жизни: еще совсем недавно он бы рассмеялся, если кто-то сказал ему, что он отправится в дальний путь со звероловом Тимшей.

Дорога вела путников на северо-запад, туда, где Синий лес понемногу редет прежде, чем превратиться в Бурюю пустошь.

Ехали долго, но путь был приятным: легкая прохлада бодрила, по обеим сторонам дороги высились великолепные гигантские ели, даря запах хвои, цветы, росшие на освещенных солнцем лужайках, то и дело мелькающих среди деревьев, радовали взор, а лесные разнообразные певчие птицы, окончательно пробудившись, услаждали слух чудесным пением.

Лишь когда солнце уже стало понемногу клониться к горизонту, путники повернули направо – теперь путь их продолжался по лесу, который понемногу превратился в небольшие рощи, полосами пересекавшие широкие полянки, где там и сям красовались разноцветные крыши ульев и прохаживались пчеловоды в плетеных масках.

Через некоторое время путешественники въехали в селение.

На деревенской площади народу оказалось немного: несколько торговцев да пара покупателей.

– Я жду тебя в таверне – пора перекусить.

С этими словами Синигир повернул коня к дому, на крыше которого красовалась вырезанная из дерева лисица с огромным хвостом.

Однако через час, так и не дождавшись зверолова, охотник покинул уютное заведение, где приятно провел время в обществе хозяина, его жены и дочери. Синигир, довольный, сытый и отдохнувший, оглядывал площадь, которая за это время наполнилась народом. В пестрой, галдящей толпе ни повозки, ни пестрой лошадки, ни зверолова охотник не увидел – пришлось Синигиру отправиться на поиски.

Впрочем, продолжались они недолго. Услышав знакомый звонкий голос, охотник, раздвинув толпу, протиснулся поближе к центру события, прислушался. Тимша стоял у повозки, указывая на клетки с лесными зверушками, и говорил:

– Взять зверя живьем и показать, чтобы сотни людей видели, кто водится в Синем лесу, – главная цель зверолова. Не так давно поймал я барса, а это не лисица или енот. Барс – зверь сильный и злобный. Знаете, тяжело поймать барса. – Чего же ты нам этого барса не привез? – насмешливо спросил кто-то из толпы.

– Да что барс! Даже барсука поймать трудно, – продолжал Тимша, – важно не напугать зверя. Вот барсук, например, животное небольшое...

– Барсуков-то мы видали! А вот барс! – волновался народ.

– Но я не привез вам барса, – немного растерянно проговорил зверолов, – он живет теперь у одного умного человека, который изучает его повадки и хочет приручить. А вот у меня есть для вас бобошки!

– Да не нужны нам бобошки и ежи – своих хватает!

– Не может зверолов поймать барса! – выкрикнул кто-то.

Юноша застыл с открытым ртом. В этих краях люди не знали его в лицо и оттого не верили.

– Я поймал его, – негромко возразил зверолов.

– Конечно – «поймал»! Мал еще! – ехидно заметил мужской голос.

– Расскажи-ка, мы сказки любим! – в толпе раздался смех.

«Ну, вот теперь и послушаем, как ты повествуешь о своих подвигах. Надо мной насмешничал, а теперь самому придется похвастаться!» – с некоторым злорадством подумал охотник, наблюдая за юношей.

Однако тот вновь удивил Синигира: молча принялся ставить клетки со зверушками в повозку, перестав обращать внимание на окружающих. Толпа колыхалась, выкрикивала насмешки, а Тимша молчал. И тогда неожиданно для себя Синигир, удивляясь тому, что собирается сделать, окинув взглядом галдящую толпу, решительно шагнул вперед.

– Он поймал барса! Я свидетель. Это зверолов Тимша из Синего леса. Вы не смотрите, что зверолов... – тут охотник стал подбирать слово, чтоб не добавить обиды юноше, – такой молодой. Он поймал в ловушку настоящего матерого зверя – барса, белого, с серыми пятнами,

а зеленые глаза хищника горели, как болотные огни. Лапы у него огромные, хвост длинный. А зубы! Такими зубами руку перекусить ничего не стоит. Сидел зверь в ловушке такой злобный, огромный, скалился и рычал.

Голос Синигира звучал все вдохновеннее, чему способствовала тишина, повисшая над деревенской площадью. Сам он барса, пойманного Тимшей, не видел и не мог понять, как юноше удалось его достать живым из ловушки, что, впрочем, не мешало охотнику говорить громко и уверенно.

– Да это Синигир, охотник из Синего леса! – узнал кто-то, и люди загудели сильнее.

– Раз охотник говорит, значит, правда. Молодец зверолов, хоть и зелен! – донеслись выкрики.

– Да он мальчишка совсем! – возразил кто-то из толпы.

– Но охотник Синигир лгать не станет: выходит, так и есть.

– Я, точно, слышал: совсем юный зверолов поймал барса, – вспомнил вдруг бородатый высокий мужчина, – видно, это он и есть.

Охотник удовлетворенно усмехнулся и повернулся к Тимше, который, не обращая внимания на происходящее, загружал в повозку клетки.

– Ты продал что-нибудь? – спросил Синигир.

Тимша, помотав головой, что, по-видимому, означало «нет», продолжал свое занятие.

Толпа меж тем постепенно таяла – как только Тимша занялся своими клетками, люди утратили к нему интерес.

– Но нам надо что-то делать с твоей добычей, – Синигир замолчал, не окончив фразы, потому что в этот момент Тимша посмотрел на него.

В огромных черных глазах зверолова сверкали и мальчишеская обида, и справедливый гнев, и благодарность. Юношу, конечно, задело как то, что ему не поверили, так и то, что даже здесь знали Синигира, и только слово охотника заставило толпу признать истину. Но речь Синигира произвела на зверолова впечатление: он оценил благородство своего спутника.

Охотник немного растерялся под взглядом зверолова, отвел глаза, принялся помогать: взял одну из клеток со зверушками, однако в тот же миг, вскрикнув, опустил, замахал рукой, продолжая охоту. Любопытные, оставшиеся возле повозки зверолова, захохотали.

– Что стряслось? – загрузив последнюю клетку с коричневыми белками в повозку, оглянулся на Синигира зверолов.

– Какая-то твоя мышь цапнула, – сердито ответил тот, – да так больно!

– Дай посмотрю, – предложил зверолов, – я разбираюсь в укусах.

– Не стоит, – охотник даже спрятал руки за спину, – не такие раны у меня бывали – и ничего. А тут – какая-то мышь! Уже все в порядке.

Люди, окончательно забыв о путешественниках, отправились по своим делам. Площадь гудела, словно пчелиный улей. Люди что-то покупали, что-то продавали. Медленно наступал вечер, розовый горизонт разливал свет на деревенские улицы, на рощи, дорогу.

– Что будем делать? – незаметно потирая укушенную руку, спросил Синигир.

Тимша стоял возле повозки, своим гордым видом показывая, что не намерен продолжать торговлю.

– Таскать с собой животных мы не можем, – заметил охотник.

– Да, они нуждаются в пище, воде и отдыхе, – вздохнул Тимша.

– Ты и сам нуждаешься в том же. Почему не хочешь их продавать?

Зверолов уже не сердился, но торговать в этой деревне он не собирался ни за что, о чем и сообщил спутнику:

– Я добрым людям продаю зверушек, а перед тем, как продать, рассказываю, как за ними ухаживать, что они умеют, как и чем их кормить. А эти люди не слушают меня – я не хочу им никого продавать.

Синигир не стал спорить.

– Вот что мы сделаем, – сказал он, морщась от боли в руке, – проедем еще немного на север, в Бурюю пустошь. Там есть деревня, довольно большая – твоих зверушек местные жители точно купят: для них такие – редкость. А сейчас иди, подкрепись, я подожду тебя здесь.

– В Бурюю пустошь? Тогда не будем терять времени: я-то могу перекусить и хлебом, а то и совсем не есть, а они, —Тимша указал на клетки, – не могут.

– Тогда в путь!

Таким образом, непредвиденные обстоятельства вынудили Синигира с Тимшей отклониться от первоначального маршрута и продвинуться еще дальше на север.

Лес ближе к Бурюю пустоши поредел: кое-где встречающиеся деревья здесь не вырастали высокими, низкорослые кусты имели чахлый вид, а цветы – блеклые краски. Еще через несколько часов путники стали замечать коричневые проплешины: северные окраины Синего леса постепенно переходили в Бурюю пустошь. Стало прохладнее, потянуло сыростью.

Ехать быстро не позволяла поклажа. Но в этом оказался и свой плюс, во всяком случае, для зверолова. Если в начале пути он постоянно оглядывался на утомленных белочек и радовался, что вечер нежаркий, то потом начал вертеть головой по сторонам.

Пустошь вскоре полностью заменила лес – перед путниками простиралась, в некоторых местах поросшая кустиками вереска, кое-где – буро-коричневыми мхами и какой-то бесцветной травой, холмистая местность.

– Буряя пустошь! Вот это да! – восхищенно восклицал юноша каждые несколько минут.

Он беседовал сам с собой – отличительная черта привыкшего к одиночеству лесного жителя. Синигир был рад не вступать в беседу: во-первых, он не знал, о чем можно так запросто беседовать с недавним противником, во-вторых, посещение Бурюю пустоши для него было не в новинку, к тому же Синигир не разделял восхищения спутника унылыми пейзажами. А в-третьих, злосчастная ранка на руке болела все сильнее и сильнее.

Солнце уже почти закатилось за горизонт, когда Синигир попросил Тимшу остановиться.

– Мы ведь спешим! Что стряслось? – спросил зверолов и оглянулся на попутчика.

Увидев его побледневшее лицо, Тимша быстро спрыгнул с повозки. Он бросился к коню охотника и помог совершенно обессиленному Синигиру спуститься на землю, несмотря на протесты последнего, впрочем, довольно слабые.

– Что с тобой? – приговаривал зверолов, доставая из торбы баклажку с водой, – ты захворал?

Синигир припал к баклажке, шумно глотая воду.

– Да у тебя рука опухла! Это гика! Говорят, место укуса печет, как прижженное огнем. Чего же ты молчал?

– Я и подумать не мог, – простонал охотник, разглядывая покрасневшую и припухшую руку, – все твои зверушки такие безобидные, милые.

– Если бы ты сказал раньше! – Тимша взволнованно и очень внимательно принялся рассматривать руку охотника, зашептал что-то, чего спутник не мог разобрать.

– Это опасно? – слабо пробормотал Синигир, – а ведь такая симпатичная белочка!

– Тебе как жителю леса, должно знать: гика красивая, но ее укусы ядовиты.

– В первый раз слышу о гике: я не охочусь на белок, – совсем больным голосом заявил Синигир, – и совсем не знаю их повадок. Скажи, а яд, случайно, не смертелен?

– Нет, хвала небу! Но лучше раньше начать лечение.

Тимша полил на рану немного воды, вполголоса бормоча что-то себе под нос, потом присел рядом с охотником и, еще раз оглядев руку, спросил:

– Далеко деревня? Ты сможешь доехать?

Синигир махнул рукой:

– Еще час езды... если быстро.

– Понятно. Ладно. Дай мне минуту.

И действительно, через минуту зверолов уже укладывал Синигира в повозку, укрывая какой-то шкурой.

– А где клетки? – уже едва ворочая языком, поинтересовался охотник.

– Клетки складываются, вот они, под твоей головой, – Тимша похлопал по прикрытым рогожей деревяшкам возле лица пострадавшего.

– А где же твои бобошки и эта... кусачая гика? – совсем ничего не понимая, прошептал Синигир.

– Побежали, я думаю, домой, в Синий лес.

– Ты их отпустил? Отпустил добычу?! – изумившись, Синигир даже нашел в себе силы приподняться.

Ни охотники, ни звероловы не отпускали пойманного зверя: слишком много сил тратят они на его поимку.

Но Тимша лишь улыбнулся в ответ: похоже, ничего особенного в своем поступке зверолов не видел. Он, напевая, принялся погонять свою толстую пятнистую лошадку, время от времени оглядываясь и спрашивал у Синигира, как тот себя чувствует.

Через час они въехали в деревеньку и остановились у таверны «Большая кружка». Вскоре Синигир, напоенный отваром трав, запас которых нашелся, по счастью, у зверолова в дорожной торбе, и, уложив смазанную средством, что приготовил Тимша, руку вдоль тела, забылся в комнате для постояльцев тревожным сном больного человека.

Зверолов, уложив Синигира и пристроив лошадей в хозяйской конюшне, наконец-то присел и принялся за еду, рассматривая помещение и сидящих за столами посетителей. В Синем лесу все делалось и строилось из дерева, а здесь Тимша впервые увидел стены, потолки и пол и мебель, слепленные из глины.

Посетители тоже отличались от обитателей Синего леса: укутанные в длинные плащи, они не смеялись и не общались громко, как завсегдатаи «Колючей елки», а просто пили и ели из, конечно, глиняных больших кружек (вполне оправдывающих название заведения), иногда негромко переговариваясь. Это были, по-видимому, рудокопы из Бурой пустоши.

– Ты не скучаешь?

От неожиданности зверолов поперхнулся, а Синигир плюхнулся на глиняный стул напротив.

– Раны на теле охотника заживают быстрее, чем я думал, – Тимша сам не ожидал, что его может обрадовать появление недавнего соперника.

– Голова немного кружится, – пожаловался охотник, – но рука почти не болит.

– Дай-ка!

Тимша осмотрел руку и остался недоволен:

– Нужно приложить траву, мышатник. Но растет ли она в этой местности? Эй, хозяин!

Хозяин только развел руками: в травах он не разбирался, и посоветовал поехать к знахарке.

– Она на Черных болотах живет, любые хвори лечит, – с готовностью рассказывал он, – только, конечно, чудная старуха эта знахарка, но дело свое знает.

Тимша встрепенулся:

– Черные болота! Силы небесные! Думал ли я, что окажусь там когда-нибудь!

– Ты и не окажешься там в ближайшее время, – возразил Синигир, – зачем нам знахарка?

Рука, правда, не болит.

– Ты забыл, как тебе было плохо? Место укуса припухло, – заявил Тимша.

– Да что мне станется, – сказал Синигир, кашлянул и, глядя прямо в черные мальчишеские глаза, добавил:

– Я хотел поблагодарить тебя за спасение.

– Да не за что благодарить, – отмахнулся Тимша, однако улыбнулся открыто и приветливо, – ты ведь не мог ехать верхом.

– Ради моего спасения ты пожертвовал добычей.

Тимша шутливо сказал:

– Даже и не думай! Бедняжки хотели есть и пить, вот я их и отпустил – ради них самих.

– О, теперь мне полегчало! Но все равно – я твой должник.

– Твой долг – слушаться меня, пока не выздоровеешь. Завтра утром отправляемся на Черные болота! – важно объявил юноша.

– Признайся: тебе просто хочется там побывать, – добродушно усмехнулся Синигир.

– Ты-то везде путешествовал, хорошо тебе смеяться, – вздохнул Тимша с некоторой завистью, растеряв всю важность.

– Ну, что ж, не стану перечить – болота так болота, – согласился благодарный охотник, хотя на языке так и вертелись слова о том, что Тимша еще очень молод и все путешествия у него впереди.

– Скорее бы утро! – мечтательно произнес зверолов.

– Мы выедем еще до рассвета, – сказал охотник и поспешно добавил, боясь, что его заподозрят в насмешке, – если я смогу проснуться.

– Я разбужу тебя, я всегда встаю затемно! – с воодушевлением пообещал зверолов.

– Тогда я пойду спать, что-то устал я сегодня, – охотник поднялся, опираясь на стол.

– Тебе надо набираться сил. И не забудь выпить отвар, всю кружку, – приказал зверолов спине Синигира и добавил уже негромко сам себе, – только кружка тебе не слишком понравится: она такая огромная!

Он хмыкнул, и вновь тихо сказал себе вслух по привычке одинокого лесного жителя:

– А я немного еще посижу.

Хотя ничего особенного в помещении не происходило, Тимше все было интересно: вот сидят два здоровяка, молча пьют хвойный эль из больших красных кружек, вот вошел новый посетитель, высокий, широкоплечий, не хуже Синигира, закутанный в черный плащ, на голове – широкий капюшон, присел за дальний стол и принялся беседовать с хозяином.

Потом мысли Тимши переключились на отпущенных животных. Зверолов представил, как бегут они по пустоши к родному Синему лесу. Ну и пусть бегут! И гика пусть бежит. А Синигир выздоровеет, никуда не денется. И завтра двинутся они прямо на Черные болота!

Жители Синего леса с опаской относились к Черным болотам, потому, наверное, что мало кто там бывал. Да и что делать собирателем или дровосекам на болотах? И звероловам там делать нечего. Разве что охотники, и то не все, а такие неутомимые и отважные, как Синигир, бродят иногда по топким тропам, выслеживая желтых диких кошек или таинственных болотных кабанов, зверей, которых никто из охотников никогда не видел и не убивал. Даже Синигир.

Между тем оба молчаливых здоровяка поднялись и потопали к выходу. Новый посетитель в плаще с капюшоном тоже встал, но направился не к двери, а напрямиком к столу Тимши. Он шел стремительно – полы плаща разлетались.

Зверолов замер в ожидании – что дальше.

Мужчина подошел, склонил голову и спросил удивительным, чуть глуховатым, но очень приятным голосом, хотя в нем и слышалась нотка железа:

– Прости за беспокойство, юноша. Хозяин сказал, что это твою повозку я видел во дворе. Такая необычная повозка.

Зверолов, словно замороженный, внимал незнакомцу. Ах, как бы хотел Тимша стать обладателем такого голоса! А тот продолжал:

– Если я не ошибаюсь, ты отправляешься на Черные болота? Тогда нам по пути. Не мог бы ты одолжить мне свою повозку, у тебя ведь нет поклажи?

– Мог бы, – откашлявшись, ответил Тимша.

За время короткого разговора зверолов не рассмотрел лица собеседника. Во-первых, он стоял, а Тимша сидел, во-вторых, голову незнакомца покрывал капюшон. Так что юноша увидел лишь твердый подбородок и украшавшую его черную короткую бородку.

– Меня зовут Мур. Завтра утром я жду тебя у крыльца.

Мужчина поклонился и сделал шаг назад.

– А я Тимша, зверолов из Синего леса, – поспешно представился юноша.

Он растерялся, поэтому чуть не забыл об учтивости: Тимша не имел опыта бесед с такими людьми, как Мур, да и вообще с незнакомыми людьми. Всю жизнь зверолов общался лишь с обитателями Синего леса, которых знал с детства.

– Прости за назойливость, – Мур остановился, и, как показалось Тимше, заинтересованно спросил:

– Позволь спросить, а что ночью делает зверолов из Синего леса в Бурой пустоши?

– Я... мы с... с товарищем путешествуем, – не сразу сообразив, какие слова лучше охарактеризуют его отношения с Синигиром, – запинаясь, ответил Тимша.

Он рассердился на себя за это робкое заикание. В самом деле, словно ребенок! Незнакомца, видимо, тоже смутила нерешительность юноши, потому что он вдруг спросил:

– А повозка точно твоя?

– Моя! Эту повозку я нарочно сделал так, чтобы клетки все умещались и зверушек не трясло. Я ведь зверолов.

Тут Тимша, к своему крайнему изумлению, чуть было не рассказал случайному собеседнику о том, какой он замечательный зверолов и как поймал свирепого барса! «Да это заразно! Стоило провести день с охотником – и вот вам – уже хочу хвастаться!» – удивился зверолов сам себе.

– Не сочти меня навязчивым, просто я редко встречаю людей издалека, да еще путешественников. Вот хозяин сказал, будто ты направляешься на Черные болота – я и посмел обратиться к тебе с просьбой, – извиняющимся, но от этого не менее мужественным тоном, произнес мужчина.

Тимше льстило, что такой взрослый серьезный и, по речи судя, благородного происхождения человек запросто беседует с ним.

– Да, мы на Черные болота едем, к знахарке. Мой товарищ немного приболел в пути, – объявил он.

– О! Какая удача, – не меняя тона, сказал Мур.

Тимша удивленно поднял брови.

– О, прости, говоря об удаче, я имел в виду, конечно, не хворь твоего друга, просто мой путь лежит именно на Черные болота.

– Ты там живешь? – живо поинтересовался Тимша.

– Можно и так сказать, – как-то уклончиво ответил мужчина.

Но он не знал: туманные ответы не для Тимши, приверженца правды и искренности.

– Не хочешь ли присесть? – пригласил он Мура – любопытство пересилило в нем застенчивость.

И пока тот, кивнув, усаживался напротив, зверолов спросил напрямик:

– Так ты на Черных болотах живешь или нет? И зачем тебе моя повозка?

– Обитаю я на Черных болотах, там, где они граничат с Бурой пустошью, а на повозке я хочу доставить лес. Я не собирался покупать лес сегодня, но так вышло.

Простой ответ понравился юноше: он совершенно освоился, перестал смущаться и заикаться, тем более что ему удалось, наконец, увидеть лицо собеседника, до того спрятанное в тени капюшона. Зверолов именно таким его себе и представлял. Особенный голос Мура полностью соответствовал внешности: в прямых линиях носа и бровей странным образом сочетались жесткость и мягкость; вообще Мура можно было бы назвать красивым, но темно-серые

глаза смотрели слишком мрачно, черные брови разделяла вертикальная складка, а уголки губ скорбно опустились книзу.

– Чем же болен твой товарищ, – поинтересовался новый знакомый, – если это не тайна?

– Да какая тайна! Его гика укусила, а он не признался сразу, – с готовностью принялся рассказывать Тимша, однако прервал себя и спросил:

– А чем ты занимаешься на болотах?

– Что за гика? Сможет ли твой спутник верхом добраться до болот, ведь повозку я заберу? – предпочел Мур не услышать вопроса.

– Синигир, так моего товарища зовут, почти здоров: сейчас спускался, вид у него бодрый. А гика очень красивая: хвост пушистый, на ушках кисточки, шерстка шелковая, полосы на спинке, – затараторил юноша, – но вот беда: ее укус ядовитый – с гикой надо держать ухо востро. Я до сегодняшнего дня не видел людей, которых она укусила, но охотник у нас особенный: он о гике и не слышал! Видишь ли, Синигир на белок не охотится. Но, как бы то ни было, пришлось мне лечить охотника наугад.

Мур молчал, пристально рассматривая юношу. Под этим пронзительным взглядом зверолову стало как-то не по себе. Он заерзал на стуле, и, чтобы нарушить молчание, неуверенно, почти умоляюще добавил:

– Вот и вся моя история.

– Да? – Мур неожиданно улыбнулся, – поистине поразительно!

Но Тимша не спросил, что удивило собеседника: рассматривал его лицо, которое удивительно преобразилось от вдруг вспыхнувшего внутреннего света. Исчезла жесткость черт, словно стертая невидимой ладонью, серые темные глаза теперь глядели мягко и дружелюбно, даже вертикальная морщина на лбу разгладилась. Тимша облегченно улыбнулся в ответ и, хотя немного опасался, как бы собеседник не обиделся на его любопытство, попросил:

– Расскажи теперь что-нибудь о себе.

Мур вновь усмехнулся: «ну что с тобой делать!» и спросил:

– Ты, наверное, знаешь, что дровосеки продают лес жителям Черных болот?

Тимша с готовностью кивнул. Он что-то такое, конечно, слышал, но поскольку зверолову не было до дровосеков никакого дела (это же не охотники!), то зачем, почему и как они возят лес на болота, юноша понятия не имел, однако не хотел заставлять собеседника прерываться на объяснения.

– Так вот, дровосеки часто доставляют лес в Бурую пустошь, а на Черных болотах живут углежогги, которые приезжают и забирают его. Хотя сегодня приехал я сюда по другому делу...

Тут Мур на всякий случай пояснил:

– ...передать кое-что хозяину таверны. А тут вижу: лес дровосеки продают. Затем и повозка понадобилась. Иначе завтра пришлось бы ехать на болота, брать телегу, возвращаться. Ну, вот и вся моя история.

Мур умолк, рассматривая Тимшу, а потом неожиданно спросил:

– А как же ты лечил своего друга наугад?

Зверолов принялся оправдываться, указывая на свою торбу:

– Из краснолистника – я всегда ношу его с собой – мазь сделал, отваром из можжевельной шишки поил.

– Но ведь ты не знахарь. Откуда же знаешь травы и рецепты?

Тимша виновато залепетал что-то о том, как лечит своих зверушек.

– Ты умеешь лечить зверей? – выпытывал Мур, не сводя с юноши пронзительного взгляда.

Зверолов вздохнул:

– Синигир, конечно, не белка; во всяком случае, он намного больше, но что было делать?

Черты лица Мура от этих слов вновь смягчились —Тимша тряхнул черными вихрами, улыбнулся открыто в ответ и заявил:

– Синигиру стало лучше. По-моему, это главное. К тому же, мы едем к знахарке – она скажет, если что не так, ведь верно?

Мур кивнул:

– Да, со знахаркой я знаком. Как раз по ее поручению нынче я тут: она снадобье из болотных трав попросила передать для жены здешнего хозяина. Знахарка, точно, поможет твоему товарищу.

Мур продолжал глядеть на собеседника хоть и дружелюбно, но так пристально, что тот смутился и, чтобы скрыть это, спросил нового знакомого:

– А зачем тебе понадобился лес?

– Жечь, – последовал краткий ответ.

– Жечь? Зачем?

– Я углежог.

– Углежог?!

Про существование углежогов зверолов знал: древесный уголь, продукт их ремесла, продается в любой деревне. Его покупают чаще всего кузнецы и хозяева харчевен, пекари и прачки. Но и другие люди в Синем лесу, хотя и топят печи в основном дровами, пользуются древесным углем: он и горит дольше, его не нужно сушить. Очень часто хозяйки, не дождавшись от мужей дров, которые нужно добыть в лесу или купить у дровосеков, приобретают уголь для своих нужд. Мужья, целыми днями пропадающие в лесу на промысле, этому рады, ведь дрова мало привезти из леса: нужно после нарубить их на мелкие чурки, сложить, просушить. Конечно, дрова дешевле, но мороки с ними много, потому уголь, что в холщовых мешках продают торговцы на деревенской площади, расходуется неплохо.

Давным-давно углежоги занимались своим ремеслом прямо в Синем лесу: об этом могут красноречиво рассказать проплешины – полянки, где молодые деревья поднимают кроны взамен сгоревших когда-то. Потом, по-видимому, опасаясь пожаров, охотники, звероловы и собиратели уговорили углежогов покинуть лес. Углежоги согласились, понимая, что их ремесло вредит лесным обитателям, и ушли на Черные болота. С тех пор жили они там, где болота граничат с Бурой пустошью. Настоящего углежога юноша никогда не видел, потому смотрел во все глаза.

– Углежог, – между тем продолжал разговор Мур, чуть заметно улыбаясь, – а почему это тебя удивляет?

– Я представлял углежогов как-то иначе, – пожалуй, впервые в жизни ругая себя за прямомоту, проговорил Тимша.

– Интересно, и как же? – Мур вовсе не обиделся, наоборот – развеселился еще больше.

Это придало зверолову смелости – он принялся перечислять:

– Ну, углежоги, они... они старые ...закопченные, страшные, грубые, сторбленные, от постоянного дыма глаза у них красные...

– У тебя смелое воображение, – заметил Мур, – хотя кое в чем ты прав: работа эта тяжелая, здоровья и молодости не добавляет.

– Наверное, ты недолго занимаешься этим ремеслом, – предположил Тимша, рассматривая красивое лицо собеседника и его чистую, довольно богатую одежду.

– Всю жизнь... почти, – опроверг его догадку углежог.

Улыбка исчезла с его лица, брови нахмурились – перед звероловом опять сидел суровый, с мрачным взглядом человек.

«Он рассердился на какие-то мои слова!» – подумал Тимша и уже хотел чистосердечно озвучить свою мысль.

Но тут углежог поднялся.

– Что ж, приятна и увлекательна была наша с тобой беседа, зверолов Тимша из Синего леса, знающий знахарские рецепты и умеющий лечить наугад.

Мур проговорил это вполне серьезно и поклонился. Тимша, поняв, что на него не сердятся, поспешно вскочил, поклонился в ответ и горячо воскликнул:

– Мне тоже очень приятно, и моя повозка в полном твоём распоряжении!

Он сам не понимал, почему новый знакомый вызвал в нём такую симпатию, но от избытка чувств снова отвесил неловкий поклон.

– Тогда до завтра, – попрощался Мур и направился к выходу.

Глава третья

в которой охотник пугается, пытается отмолчаться, но потом рассказывает то, что знает, зверолов вспоминает истории, а после летает и слушает удивительную песню

От переполнявших его чувств Тимше не хотелось спать, но поскольку завтра предстоял ранний подъем, нужно было восстановить силы.

Юноша медленно поднялся по шатким скрипучим ступенькам на второй этаж, где находилась отведенная им с Синигиром маленькая комнатка, на ходу продолжая переживать впечатления долгого дня и размышлять о необычном знакомстве с углежом с Черных болот.

Несмотря на некоторое улучшение вечером, к Синигиру этой ночью долго не приходило желанное забытие. Хотя боль в руке и ослабела, однако то ли от отвара, которым напоил его сверх всякой меры зверолов, то ли от яда, проникшего в кровь, – охотник испытывал мучительную жажду. Он время от времени пил из огромной глиняной емкости, иногда вместо воды снова глотал противный отвар, путая кружки. К тому же Синигир с трудом умещался на жестком ложе, сделанным, как и все в Бурой пустоши, из окаменевшей глины.

К полуночи больной почувствовал слабость и озноб – мысли болтались в его голове в совершенном беспорядке. Сначала охотник думал о ядовитой полосатой гике, потом неожиданно ясно вспомнил, как Тимша вез его, все время напевая. «Что это за шутки зверолова, о чем он поет и бормочет все время?» – вяло размышлял Синигир. Тут он вспомнил: Тимша отпустил ради его спасения добычу! Даже в бреду охотник продолжал удивляться поступку зверолова: такого от строптивного дерзкого юноши он никак не ожидал. Но чувство благодарности немного смущало Синигира: с того времени, когда они узнали друг о друге, их отношения определились – соперники! А что теперь?

Так и не решив, как же теперь относиться к зверолову, охотник принялся думать о своей тетушке, живущей на Пятом, самом близком к Дювону, холме. Давно он не виделся с ней! А ведь тетушка уже немолода, и, конечно, навещать ее нужно бы чаще. Вот Багряна обрадуется приезду племянника! Хорошо, что представился случай: и побывать у тетушки, и разобраться с таинственной историей зверолова. Охотнику пришло в голову, что непонятное событие, заставившее отправиться в неблизкий путь в компании Тимши, почему-то совсем не волновало его. Он подумал о другом: «Плохо – пришлось делать такой крюк. Теперь поедем по Бурой пустоши, где созерцать можно разве что серый кустарник и бурый мох – чахлые порождения несчастных почв. А ведь могли бы любоваться живописной дорогой среди холмов, полянками, поросшими сочной травой и цветами, светлыми озерцами, маленькими домиками под соломенными и черепичными крышами».

Так текли мысли охотника, пока он, наконец, не погрузился в дрему – мысли окончательно спутались, потом сон сморил его, и Синигир провалился в темноту, где бегала по лесной тропинке и почему-то шипела на него гика, а он (стыдно признаться) прятался от ядовитой полосатой белки. Однако после гика сидела у него на плече, как ни в чем не бывало. Неожиданно гика исчезла, и появилась женщина – тут Синигиру стало страшно, хоть он всегда гордился своей смелостью. Женщина, окутанная облаком черных волос, словно сотканная из синего тумана, плыла к нему по воздуху. «Синигир! – звала она мелодичным голосом. Охотник силился что-то ответить, судорожно хватал воздух пересохшим ртом, хрипел и, наконец, распахнул глаза. Увидев склонившуюся над собой фигуру, Синигир молниеносным движением руки выхватил нож. Фигура отпрянула и воскликнула:

– Это я – Тимша. Ты так метался, что я решил тебя разбудить. Не маши ножом, благодарный больной.

Синигир опустил оружие, всматриваясь в очертания человека, говорящего голосом зверолова. Зыбкое пламя свечи осветило лицо: большие черные глаза, вздернутый нос, непослушные вихры...

– Тимша... – пробормотал Синигир облегченно, – как ты меня напугал!

– Что?! – поразился Тимша, – напугал? Тебя?

Он взял со стола кружку, понюхал содержимое, скривился, поставил, взял другую и протянул Синигиру:

– На-ка, глотни воды.

Пока охотник жадно пил, проливая воду на белоснежную рубаху, Тимша, качая головой, рассуждал:

– Надо же – испугался. Вот что яд гики делает – охотник стал бояться.

– Да, – вытирая губы, уже придя в себя, поспешил согласиться Синигир, который чувствовал себя крайне неловко, показав слабость перед бывшим соперником, – это действие яда. Мне в бредовом мареве приснилась витара (о том, что снилась и пугала его гика, Синигир предпочел не упоминать), она звала меня по имени.

– Витара?! – Тимша даже присвистнул.

– Слушай – забудь, – укладываясь на каменную лежанку, пробормотал Синигир.

– Но ведь они существовали только в сказках, – словно не заметив слов охотника, проговорил зверолов.

Синигир молчал, уставившись в потолок, ругая себя за откровенность. Что стоило сказать, например, не «витара», а... да вообще ничего не говорить.

Но было поздно: Тимша, усевшись на свою лежанку, уютно устроился, подвернув ноги, принялся размышлять вслух:

– Я мало что помню из детства, но рассказ мамы о витаре из Синего леса запал мне в душу.

– Все витары давно исчезли. И в Синем лесу никакая витара не обитала. Все это выдумки, – сурово объявил Синигир.

– Ты говоришь «исчезли». Значит: когда-то все-таки жили? Ведь, согласишься: исчезнуть может лишь то, что было.

Не дождавшись ответа, Тимша спросил:

– А интересно, как они колдовали?

– Кто? – обреченно пробормотал Синигир, переворачиваясь на спину и морщась от укулов соломы, которой были набиты матрац и подушка.

– Яд еще действует, – заметил тихонько, как бы про себя, Тимша.

– Почему это? – Синигир приподнялся на локте, – со мной все в порядке.

– Ты не помнишь, о чем мы говорили только что, а говорили мы о витарах.

– Говорил ты, – вздохнул Синигир, – я вообще не собираюсь обсуждать всякие глупости.

– Ты сам сказал «витара», – невинно пробормотал зверолов.

– Я просто поведал о своем сне.

– Ты заявил, что в Синем лесу витары никогда не жили. А где же тогда?

– Я ничего не говорил! – Синигир даже кулаком стукнул по стене от досады на себя.

– Ты поосторожней с рукой, – посоветовал Тимша невозмутимо, – не утруждай ее, а то рана заболит.

Синигир глухо застонал в ответ, но руку осторожно вытянул вдоль тела.

Зверолов помолчал минуту, а потом заговорил вновь:

– Ты же что-то знаешь! Ну, расскажи!

Синигир не отвечал, решив: Тимша рассердится и отстанет (ведь Синигир еще недостаточно хорошо знал Тимшу), и, конечно, ошибся. Не обращая внимания на молчание охотника, юноша продолжал рассуждать:

– Мама говорила, что витара, ну, та, из Синего леса, хоть ты и говоришь, будто она не жила в Синем лесу, знала все о зверях и умела их лечить. А еще зимой она засыпала лес снегом, чтоб ели не мерзли. Почему витары исчезли? Которые злые – понятно: их прогнали на Вонючие топи храбрые карагаи, ну, в сказках так написано. А та, из нашего леса? Пусть бы лечила зверей. Ведь она, наверное, была добрая.

Синигир молчал, притворившись спящим, все еще надеясь: словоохотливый юноша, не найдя в его лице собеседника, умолкнет.

Так и вышло: Тимша вздохнул и затих. Но не успел Синигир обрадоваться, как вновь раздался негромкий голос зверолова:

– Как-то в мою ловушку забрела матерая огромная лисица. Обычно такие старые звери очень умны – обходят тропы звероловов десятой дорогой. А эта вот попалась. Зверь, приметив меня, заметался. А когда я подошел совсем близко, лисица так резко рванулась, что вырвалась, при этом вывихнув лапу. Ох, как я испугался за нее! Лисица бросилась в лес. Она, бедняжка, меня не слушала, как я ее ни уговаривал, убегала, прихрамывая, а потом стала ползти. Что прикажете делать? Пришлось полдня ее уговаривать, чтобы далась мне в руки, а потом месяц лечить. Долго после она жила у меня, да и сейчас порой приходит в гости.

– Ты уговариваешь лисиц лечиться, а потом они ходят к тебе в гости? О небо, а я еще хочу от этого человека разумного поведения!

– Ну и что? – спокойно возразил зверолов, – животные не глупее человека. А вот еще послушай историю...

– Какое отношение твои истории имеют к витарам? – не выдержал Синигир.

– Ты опять сказал «витара»! Сам сказал!

Синигир молчал, а Тимша взволнованно и обрадованно затараторил:

– Мои истории имеют к витаре из Синего леса очень прямое отношение. Ну как же! Жила бы в лесу витара, я отнес бы лису к ней – пусть лечит. А я бы занимался своим делом. Вот скажи, кому ведьма помешала?

– Говорят, вреда от них было намного больше, нежели пользы. И потом, никто не разобрался: лечит витара или наоборот. Во всяком случае, так повествуют сказки.

– Сказки я и сам знаю, а вот что на самом деле произошло?

Тимша спрашивал с таким мальчишеским горячим любопытством, что охотник все-таки не выдержал. «Все равно упрямец не отстанет!» – решил он и начал рассказ вначале неохотно, но затем вошел во вкус, поощряемый взволнованными охами и восклицаниями Тимши. Охотник даже повернулся к зверолову, который, открыв рот, ловил каждое слово.

Синигир говорил, в глубине души удивляясь себе:

– — Витары когда-то давно обитали на каждом из Пяти холмов. Я слышал зим пять назад, как один рошевик-птицелов в «Колучей елке» вел речь о том, что на Третьем холме, на самой его вершине, среди непроходимого леса и острых камней можно обнаружить развалины волшебного замка, где жила могущественная витара. И будто бы растут там необыкновенные дубы, которые рассказывают волшебные истории. А еще как-то до меня доходил слух: в Бурой пустоши якобы учил ремесленников всякому мастерству витар со Второго холма, что имеет сотни лиц. А на рыночной площади однажды торговли упоминали витару, которая когда-то помогала садоводам выращивать золотые яблоки, дающие силы и здоровье. Правда, я таких яблок не пробовал, потому уверен: все это выдумки.

Вначале чародеи вроде бы даже помогали людям, а потом, уж не знаю почему, стали вредить: насылали град и ветер, бред и морок. Долго благородные карагаи и верховный Бескид терпели проделки витаров, и, в конце концов, оседлали своих могучих котоврасов, и выгнали

чародеев на Вонючие топи, а там выжить невозможно. За эти годы витары наверняка умерли. Так что даже если они и жили некогда, то сейчас-то – точно нет.

– Но все-таки хотел бы я посмотреть на витаров, ну хоть одним глазком, – мечтательно произнес юноша, – как думаешь, какие они?

– Их давно нет, если они вообще были – я ведь тебе только что сказал! И ни ты, ни я, хвала небу, никаких витаров никогда не увидим. Разве что во сне.

– Ну да, – разочарованно вздохнул Тимша, – оно-то, конечно... Но все-таки интересно узнать, как они колдуют.

– Ничего интересного, – возразил охотник, – вот наведут они какую-нибудь порчу, а потом мучишься будешь не хуже, чем от твоей гики. Да и наверняка они страшные, словно волки.

– Ладно, давай-ка спать! – неожиданно заявил Тимша, – ты вот болтаешь, болтаешь без умолку, а утром встать не сможешь. Спи сейчас же!

Тимша отвернулся к стене, всем видом показывая – разговор окончен.

Синигир округлил глаза от справедливого возмущения и желания высказать бессовестному мальчишке все свое негодование. Но потом усмехнулся, задул свечку, смежил веки и последовал совету зверолова – уснул: провалился в черную бездну.

Тимша крепко спал, но темнота не поглотила его, как Синигира, а унесла в удивительное путешествие.

Во сне он летел, испытывая восторг, над Синим лесом, над Первым холмом, где деревья, украшенные резными нежными листьями, перемешались с темно-зелеными соснами, над желтой дорогой, ползущей вдоль северного склона Третьего холма, по которой можно добраться до Дювона. Однако почему-то целью ночного полета Тимши оказался не Золотой город, а холмы. С высоты полета юноша засмотрелся на зеленеющие волны садов, раскинувшиеся на юго-западе, в Межхолмье, откуда и до Четвертого холма недалеко, полюбовался на широкое живописное каменистое урочище, что пролегало меж Пятым и Третьим холмами, сам Пятый холм вырастал из легкой дымки цветными крышами.

Неведомая сила управляла Тимшей – он полетел на восток, где на пути зверолова, совершенно не зависимо от его воли, оказался Третий холм – удивительный и таинственный.

Третий холм расположился на равном расстоянии от четырех других. Люди обходят его стороной, удивляясь: для чего Третий холм, поросший причудливыми кустами и черными корявыми деревьями, нужен? Пользы людям от него никакой. Даже во сне Тимша подумал об этом!

Зверолов взмыл в небо, посмотрел на громаду Третьего холма с высоты птичьего полета и опустился на его вершину, прямо у подножия огромного дуба. Там он, переведя дух, присел, прислонившись к гладкому черному стволу, прислушался к шепоту темных коричнево-зеленых листьев. И правильно сделал, потому что в шелесте листья, оказывается, отчетливо звучали слова, которые складывались в предложения. Тимша напряг слух, и вот что услышал:

«Во всякое время года на прекрасных дювонских холмах кипит жизнь. На Пятом холме фермеры пасут домашнюю птицу, огородники выращивают овощи и ягоды, на Четвертом – трудятся садоводы. Осенью хозяйки варят разнообразное варенье из фруктов и ягод – аромат его разносится по окрестностям, напоминая – скоро начнется зима, и тогда вырастут на рынках настоящие горы из баночек разноцветного лакомства, и торговцы станут зазывать народ громкими голосами. Второй холм – самый большой и высокий. На его западном и южном склонах пастухи и пастушки с самого раннего утра пасут стада коз и овец да играют на дудочках, а вечером, заперев животных в загоны, выносят молоко в глиняных кувшинах на деревенские площади и продают сыроварам. Ремесленники, обитающие на северном склоне холма, трудятся в своих мастерских: там день и ночь гремят станки, а в кузнях звонко стучат молоты и молоточки, восточный же склон облюбовали лесорубы. Первый холм не так населен. Живут там

в маленьких деревнях, что раскинулись среди рощ и заросших пахучими травами и цветами полян, пчеловоды и собиратели, дровосеки и рыбаки, охотники и звероловы, некоторые обитают также и в Синем лесу, чтобы не добираться слишком долго до заветных троп, голубых озер и мест охоты. А еще между Первым и Третьим холмами обитает немногочисленный народ – рощевики. Они занимаются ловлей певчих птиц.

Ярки и разнообразны краски, которыми наделила природа холмы. Зелень деревьев и трав, синь рек, пестрота цветов и птичьего оперения радуют глаз. С утра до ночи снуют по дорогам и тропинкам на самих холмах и в Межхолмье люди: пешком, на повозках, верхом.

Третий же холм застыл посередине Межхолмья темной тяжелой громадой. Дубы-великаны, украшенные резными большими листьями, такие же, как я, растут здесь в тесном соседстве с черными, словно обугленными, деревьями, на чьих корявых стволах и раскидистых ветках прилепились ядовитые серые грибы и висят огромные гнезда ворон.

Нет на холме дорог, а только узкие каменистые тропки вьются по склонам, не рискуя пробираться ввысь и вглубь. Бродят изредка по этим еле заметным дорожкам лишь знахари, что собирают редкие целебные травы, которые можно найти только на Третьем холме. Иногда еще забредают птицеловы-рощевики в надежде поймать ворону: ходят среди рощевиков слухи, будто вороны с Третьего холма говорят на языке людей и предсказывают будущее. Правда, такая птица ни разу не попала в силки даже самых опытных птицеловов, потому у обитателей Синего леса, Первого холма и его окрестностей не имелось возможности убедиться в правдивости этих легенд.

Третий холм – единственный из пяти, где зима по-настоящему холодная и снежная: вершина холма утопает в сугробах, ледяной ветер гудит в вершинах дубов, стряхивая с деревьев белые хлопья, заставляет дрожать голые ветки. Метели, прилетающие на холм, вместе с черными тучами, засыпают каменистую почву. Зимой кажется: вся жизнь на холме умерла, и только вороны гуляют по снегу, оставляя причудливые следы»

Тимша внимал повествованию дуба – удивительные картины, мрачные и в то же время величественные, рисовало ему воображение.

А дуб все говорил, причем теперь, кроме его слов, Тимша услышал нежную мелодию – сказка превратилась в песню:

«Некогда на самой вершине холма стоял замок. Многочисленные острые шпили его высоких башен скрывались в облаках, причудливые изгибы стен и колонны обвивала повелика, а в узких окнах вечерами горел синий свет.

Старики с близлежащих склонов холмов порой поминают волшебницу, якобы жившую некогда в замке, но людям понятно: это – сказки.

Однако, если какой-нибудь отважный путешественник захотел бы подняться на самую вершину Третьего холма, преодолев крутые подъемы и тропы, прижимающиеся к отвесным замшелым скалам, он обнаружил бы: замок находился здесь на самом деле. Но печальная картина предстала бы перед смельчаком: развалины, поросшие колючками и затянутые паутиной, словно посыпанные пеплом, обгоревшие покореженные деревья да черные каркающие птицы, кружащие над запустением и тленом.

Но уже много лет никто не бывает на вершине холма, лишь дикие звери пробегают меж серых камней, ползают в расщелинах змеи, да вьют на черных деревьях гнезда вороны.

Никому из обитателей близлежащих селений, что расположились на других холмах и в голову не приходит обживать Третий холм: дорог там нет, плодородных почв – тоже. К тому же, люди боятся холодов, ведь на других холмах, как и в самом Дювоне, всегда тепло: даже глубокой осенью, когда уже созрели фрукты и овощи, радуя садоводов и фермеров, да и всех жителей дювонских земель своим разнообразием; даже зимой, когда прохладно и иногда падает снег, солнце все равно сияет в небесной выси, а снежинки переливаются в его лучах и слепят глаза.

На Третьем же холме даже в летние теплые дни мрачно сыро и зябко, так как лучи солнца с трудом пробиваются сквозь ветви огромных дубов, которые сплелись меж собой, образовав подобие решетки, отделяющей все живое на Третьем холме от неба и солнца»

Рассказчик-дуб умолк – теперь Тимша ясно слышал музыку, что словно сочилась из земли или из стволов деревьев.

Юноша принялся рассматривать дубы, росшие справа и слева, вверху и внизу – сколько видел глаз. Удивительными оказались эти великаны: только на первый взгляд они походили друг на друга, но, присмотревшись, Тимша заметил много интересного. Вот дуб с темной листвой, в его стволе – небольшая дверка. «Куда она ведет? – подумал юноша, а взор его уже привлекло другое дерево, невероятно толстые ветви которого протянулись горизонтально и уплывали, словно мосты, в неведомые глубины Третьего холма. Другой дуб был покрыт корой, что вся испещрена трещинами, составляющими чудесный узор – кажется: скрывает дерево некую тайну, зашифрованную в таинственном орнаменте. Но какую тайну? Как будто и нет ответа. Однако скоро Тимша понял, что это не так: шелест дубовых листьев слился с музыкой, которая стала еще громче, – и вдруг полилась чудная песня:

*Мы дубы — за летом лето
На холме растем
И витарам век за веком
Песнки поем.
Мы давно стоим на страже
Третьего холма,
Преграждаем волю вражью,
Как велит она,
Королева черной башни,
Чародейка грез,
Повелительница страха,
Радости и слез.
Все вокруг подвластно силе
Топей и болот,
Третий холм – ее обитель
Магии оплот.
Знания ее безбрежны,
Доброта сильна.
Лишь бы только безмятежно
Жизнь ее текла!
Дар великий королевы
Черный дух болот
Охраняет от измены,
Силы придает,
Дарит бодрость и удачу,
Мудрость, доброту.
А еще дает в придачу
Ум и красоту!
И гармонии рожденье
дух болот несет —
Нет смятенья и сомненья,
И душа поет!
Но пришло однажды горе —*

*Вдруг погубило все:
Замок и его хозяйку
Пеплом занесло.*

Юный зверолов, слушая волшебную песню, всмотрелся вдаль, и в туманной дымке, во мраке среди деревьев явилось ему видение: высокая, необыкновенно красивая женщина в черном плаще, окутавшим ее с головы до ног, стоит у ворот огромного каменного замка, держа на руках плачущего ребенка. Бледное лицо женщины невыразимо печально, прекрасные глаза полны слез. Вот она поворачивается лицом к замку, говорит что-то решительно и громко – вспыхивают над Третьим холмом яркие голубые молнии одна за одной, налетает ледяной ветер, срывая листья с деревьев.

Тогда стены великолепного дворца начинают медленно рассыпаться, падают вниз камни – поднимаются столбы сверкающей пыли, и взлетают с почерневших вдруг деревьев стаи ворон.

Женщина, склонив голову, медленно уходит по тропе в сторону Пятого холма, к урочищу, и словно растворяется в воздухе, а хлопья серого пепла, покружившись в воздухе, покрывают толстым слоем развалины замка, да и всю прежнюю счастливую жизнь хозяйки холма.

Все это увидел Тимша, и ему хотелось окликнуть незнакомку, но чудная картина растаяла, а на ее месте появилась другая: в темной башне, окна которой засыпаны землей, сидит на низкой скамье узник. Бледное лицо его исказило страдание, он шепчет, словно в бреду: «Предательство и обман...» Что значат его слова, Тимша не знает, но волна сочувствия поднимается в его душе.

Узник все смотрит в окно, но теперь уже видит не черную землю, а прекрасную девушку с синими очами; потом – степные просторы и пестрые, сделанные из толстых ковров дома, детей, играющих возле них, женщин и мужчин в простых одеждах. Узник вспоминал их лица и имена... И Тимша видел все это и вспоминал вместе с ним тоже...

Но вот кулаки узника сжимаются в бессильном гневе – он восклицает: «Золотой меч...», и повторяет несколько раз, словно заклинание: «Золотой меч, золотой меч» И Тимша шепчет то же самое...

Золотой меч! Символ Золотого города, гордость его основателей, благородных карагаев! Жители холмов и земель Дювона, конечно, читали сказки и знали: этот меч есть. Ну, или был. Или даже и не был, просто сказочники придумали такое оружие.

Однако пленник с изможденным лицом вряд ли бы стал вспоминать в минуту страдания несуществующий меч – Тимша, хотя и спал, в это верил. Узник точно знал: Золотой меч, выкованный давным-давно, хранится в башне Дювона, ожидая своего героя, настоящего рыцаря-всадника, честного, справедливого, благородного, милосердного мужа! Ибо так было задумано: воспользоваться волшебным оружием, принять его силу может именно герой в определенный день и час, и никто другой! Потому и отыскать в башне замка Золотой меч непросто: он надежно спрятан среди множества других вещей. Однако тот, кто знает, найдет его непременно. «Непременно...» – шептал во сне Тимша.

«Ты заплатишь», – тихо проговорил узник, обращаясь к кому-то невидимому. Глаза его засверкали, но тут же набежали на них слезы – несчастный уже видел не врага, а милые счастливые женские лица.

И юный зверолов рассмотрел их тоже... Теперь пред его взором возникла огромная зала, куда входят две девушки. Одна из них, совсем юная, голубоглазая, тоненькая, словно тростинка, с короткими льняными волосами, одетая в легкое нарядное летнее платье, несет плетеную корзинку, полную золотых яблок, и радуется, говоря о том, что эти плоды помогут людям обрести силы и преодолеть болезни.

Девушка угощает сидящего за столом мужчину золотым яблоком – Тимша с трудом узнает в черноволосом красавце узника из башни с окнами, засыпанными землей.

Другая девушка, стройная, с черной длинной косой, перекинутой через плечо, с румянцем на смуглых щеках, отчего-то неуловимо знакомая Тимше, сияя улыбкой в глубине темных огромных глаз, дарит мужчине небольшого полосатого зверька – зверолов узнает гику. Девушка быстро, со смехом, говорит что-то, но Тимша не может разобрать, что именно, но мужчина, глядя на девушку, отвечает ей с почтением и тоже улыбается.

Тимша видит, что в полупустой зале есть еще кто-то. Зверолов хочет взглядеться в лица и фигуры, и даже во сне пытается раскрыть глаза пошире, но у него не получается – картина уплывает, и пред юношей вновь – узник и сидящая рядом с ним гика, что, как и хозяин, смотрит с тоской на землю за окном. И тогда невыносимая печаль вдруг одолевает Тимшу, такая, от которой сжимается сердце, а на глазах выступают слезы.

– Ты можешь уйти, – говорит узник полосатой белке.

Зверек качает круглой головой, украшенной ушками с кисточками, сворачивается клубком и засыпает, а несчастный отворачивается от окна.

Тимша, проникшийся состраданием, силится спросить у заключенного в башне, что за беда с ним случилась, однако неведомая сила подхватила его и понесла – юноша вновь полетел, будто птица.

И вот он оказался над Вторым холмом, высоким до такой степени, что дома, построенные на самой его вершине, кажется, служат опорой небесному своду. Тимша летит вначале над южным склоном, потом – над восточным. Склоны эти поросли высокими соснами, огромными грабами, зелеными елями – там видит Тимша лесорубов, что выбирают деревья для рубки. Далее Тимша несетя к северной части холма, где обитают мастера, владеющие различными ремеслами. Деревни их с широкими улицами сползают с самой вершины и останавливаются у дороги, которая отделяет Второй холм от Бурой пустоши. Там, в ее каменоломнях и штольнях кипит работа: добыватели из недр вынимают руду, что потом перевозят на Второй холм, где искусные мастера превращают ее в ножи для охотников, украшения, посуду.

После путь Тимши продолжается вдоль западного склона, где, как и говорил волшебный дуб, паслись стада коз и овец. Тимша взмывает на невидимых крыльях над холмом – мелькают под ним черепичные крыши. Одна из них, не коричневая, как все остальные, а синяя, привлекает внимание юноши: покрывает она самый высокий дом, не дом даже, а маленький замок, причем в центре этой крыши – необыкновенный стеклянный купол.

«Чудеса!» – восхищенно перевел дух Тимша, а сон уже уносит его на юг, к Первому холму.

Первый холм хорошо знаком юноше: частенько он забредает туда, так как знает пару заветных троп, по которым гуляют хитрые лисы и толстые барсуки. Теперь видит Тимша с высоты полета веселых бобошек, что снуют в поисках еды меж сосен и елей, растущих впере-мешку, енотов, полоскающих рыбу в маленьком лесном озерце, и даже ядовитую гику, что прыгает с ветки на ветку, вертя круглой головой. На пестрой полянке желтеют пчелиные домики, и бродят около них, надев сетки на головы, пчеловоды.

Не успев налюбоваться милой с детства картиной, Тимша чувствует: незримые крылья несут его дальше, к Межхолмью, что раскинулось между Первым и Четвертым холмами и представляет из себя изумрудно-зеленое море садов. Сам холм довольно пологий – расположились на нем деревни садоводов, утопающие в роскошной зелени. В Межхолмье, так же, как и на самом Четвертом холме, работают садоводы: обрезают ветки, высаживают молодые деревца, а летом и осенью собирают урожаи в огромные плетеные корзины. Удивительно, но даже во сне Тимша чувствует аромат яблок и спелых слив. С высоты юноша видит стройные ряды деревьев и кустов, виноградники, ползущие, как зеленые змейки, по равнине и поднимающиеся на холм.

А вот и Пятый холм, самый населенный. На Пятом холме расположен городок с яркими домиками, возле которых – грядки с овощами, цветники, и, конечно, клумбы с розовыми кустами. Тимша замечает: в каждом уголке холма происходит движение, ведь на Пятом холме живут огородники и фермеры – целый день для них проходит в заботах. В каждом небольшом огороде трудится семья: снуют мужчины и женщины в ярких одеждах между аккуратными грядками, поливая нежные ростки из огромных леек. Вот Тимша видит, как огородники устанавливают чучела на полях, скорее смешные, чем страшные, а некоторые, сидя на крылечках домов, плетут из камыша заборы, чтобы огородить посеы от кроликов и домашней птицы, что пасутся на изумрудно-зеленых склонах. Фермеры в высоких сапогах, с гибкими прутиками в руках важно осматривают свои маленькие стада. Кролики, белые и пушистые, цесарки, куры, индюки гуляют по лужайкам и щиплют травку, а утки и гуси плавают, как маленькие лодочки, в прозрачных прудах.

Пролетая над Пятым холмом, Тимша понимает, что справа, совсем рядом раскинулся город Дювон с его Разноцветным дворцом. Юноша поворачивает голову – и просыпается.

В крохотном окошке розовел рассвет – можно угадать очертания убогого убранства комнатухи, на которое смотрел пробудившийся зверолов, не понимая: где он и что произошло. Его ночное путешествие оказалось до того реальным, что Тимша, лежа на жесткой глиняной кровати, не спешил вскакивать, а размышлял о значении необыкновенного сна, продолжал восхищаться невероятной красотой холмов и грандиозным величием и Третьего холма, что поразил Тимшу своей таинственностью.

«Интересно, – думал зверолов, – выглядят ли холмы на самом деле так же, как во сне?»

Никогда такие удивительные сновидения не приходили к нему раньше, и оттого волнение и вопросы, на которые юноша не знал ответов, терзали его. Куда ушла красавица с Третьего холма, почему рухнул ее замок? Какой смысл в песне старого дуба? Что произошло с узником, и отчего окна его тюрьмы засыпаны землей? Кто эти девушки, беседовавшие с несчастным раньше, когда он был молод и красив? И зачем все это приснилось зверолову Тимше из Синего леса?!

Однако деятельная натура юноши взяла свое: сон – сном, а впереди его ждало удивительное приключение, потому, встряхнув вихрастой головой и прогнав остатки грез, а заодно и тревогу, Тимша улыбнулся новому дню.

Глава четвертая **в которой хозяин бегаёт, Синигир завтракает,** **злится, не доверяет новому знакомому, Тимша** **восхищается, Мур рассказывает, а охотник** **и зверолов оказываются в мрачном месте**

– Просыпайся! Пора! – раздался звонкий голос, звучащий словно внутри головы охотника.

Синигир открыл глаза – оказывается, Тимша кричал ему прямо в ухо.

– Уф! – произнес зверолов с облегчением, – наконец проснулся! То ты со своими разговорами никак не уляжешься, а то тебя не добудишься.

В сером свете раннего утра Синигир различил: его спутник одет, а на лавке лежат холщовая торба и фляжка, приготовленные в дорогу.

– Вставай, я жду тебя внизу. Попрошу хозяина кое-какие припасы дать нам в дорогу.

С этими словами Тимша исчез за дверью.

Синигиру ничего ни оставалось, как встать и спуститься в залу харчевни, где совсем не оказалось ни одного посетителя.

Тимша удивился, когда Синигир, отозвал хозяина, распорядился о чем-то и скрылся за какой-то боковой дверью.

– Хозяин, а собери-ка нам в дорогу еды: хлеб и немного овощей, – попросил зверолов дородного и усатого хозяина, хлопотавшего у очага.

– Уже собираю, – отозвался тот, – только господин охотник велел положить печеных овощей, птицу, да еще кой-чего. Я предупредил: овощи в здешних краях недешевы. А господин охотник все одно велел готовить, да еще потребовал испечь пшеничных лепешек, и на завтрак подать сыр и молоко.

Хозяин умчался в кладовую, на ходу прикрикнув:

– Жена! Подложи углей в печь! Вода в бочке должна быть горячей!

Прибежала жена, полная и румяная, принялась ворочать кочергой в огромной печи. Толстяк – хозяин тем временем притащил пару огромных глиняных горшков, зажав их под мышками, и ложкой с длинной ручкой стал накладывать мед и наливать молоко, крича при этом:

– Жена! Постели скатерть и дай, как их, тьфу... салфетки! Дочка! Тащи-ка чашки из шкафа!

Жена, бросив кочергу, полетела, грозя смести все на своем пути, выполнять новый приказ. Печка пылала, дочь за дверью гремела посудой, явно не глиняной, сам хозяин, размахивая ножом и напевая, резал сыр, а удивление Тимши уже давно переросло в изумление и все продолжало расти! Юноша наблюдал за происходящим, утратив на время свою любознательность: он даже забыл спросить, куда же делся сам виновник суматохи, что он делает в комнате за маленькой дверкой.

Стол, за которым сидел Тимша, очень скоро накрыли скатертью, на нее поставлены чашки, не такие маленькие и красивые, как у Синигира дома, но и не такие грубые, как те кружки, какие украшали стол вчера.

Хозяин, жена и дочь по очереди носили тарелки с едой и расставляли перед звероловом.

– Мы все это не съедим, – робко запротестовал Тимша, обретя, наконец, дар речи.

– Ну да, скажите тоже! Когда господин Синигир в прошлый раз останавливался у нас, он...

– Отец! Нести рыбу? – закричала тонким голосом дочка из-за печки.

Хозяин взмахнул полотенцем и скрылся.

– Как?! Еще и рыбу? – всплеснул руками зверолов.

Его, конечно, никто не услышал – беготня продолжалась.

Тут распахнулась маленькая дверца, и Синигир, в черных кожаных штанах и белоснежной рубахе с широкими рукавами, в клубах пара, словно в облаке тумана, появился на пороге. Застегивая рубаху, он весело помахал хозяину, который принялся усердно кланяться.

– Ну, зверолов, позавтракаем и в путь? – присев за стол и с аппетитом принимаясь за еду, спросил охотник у пораженного юноши.

Выглядел Синигир абсолютно здоровым, уплетал лепешки с медом, весело потряхивая мокрыми длинными золотыми кудрями.

– Спасибо тебе, зверолов, – говорил он, осушив чашку с молоком и тут же наполняя ее снова, – ты за одну ночь поставил меня на ноги. Хоть, признаюсь, твой отвар – порядочная гадость.

Охотник сиял радостью выздоровления, а еще, совсем чуть-чуть, удовольствием от ошеломленного вида зверолова, который смотрел на Синигира во все глаза, забыв о грусти, что после вчерашнего сна все утро не оставляла его.

Но продолжалось изумление юноши недолго: скоро Тимша пришел в себя, взял лепешку и, не сразу решив, с чего начать спрашивать, поинтересовался:

– Скажи, а не удобнее ли выпить сразу одну большую кружку, чем наливать по одной маленькой чашки три раза?

– Тебе все чашки покоя не дают? Вот приедем в Дювон, увидишь.

– Что увижу? – насторожился зверолов, уже забыв о том, что собирался посмеяться над привычками Синигира.

– Что не всегда делаешь так, как тебе удобно.

– А кому удобно?

– Никому.

– Это глупо, – резонно заметил зверолов.

– Зато красиво.

– Удивляюсь: где хозяин столько всего добыл, – сказал Тимша, решив оставить на время вопрос, что красиво и что глупо, и продолжить расспросы, – ты за такой завтрак, наверное, заплатил цену шкуры медведя? Еда стоит дорого.

– Ну и что? – махнул рукой охотник, – не жалко. Я люблю вкусно поесть.

– Тебе чашки, – вертя в руке белую посудинку, спросил юноша, – добавляют вкуса?

– Угу, – кивнул занятый едой Синигир.

– Ты что, мылся? – продолжал допрос Тимша.

– Конечно. Единственное, что здесь мне понравилось – это прекрасная квадратная емкость. Представь – из глины. Но она такая глубокая, что я погрузился в воду с головой.

– Ого! – только и мог сказать зверолов, представив высокого Синигира в воде с головой, – но почему – «единственное»? А что, вот это все: скатерть, посуда, еда тебе не нравится?

– Не особо: привкус какой-то у еды...

– Дело не в еде: лечебный отвар имеет такой вкус, что долго еще остается, – пояснил Тимша.

– Ну, ничего, – жизнерадостно отмахнулся охотник, – если это отвар, значит, и еда мне тоже нравится.

Тимша попытался придумать, что бы еще такое сказать в насмешку, но Синигир так сиял радостью, выглядел таким здоровым и крепким, с таким удовольствием уплетал лепешки, сыр и рыбу, несмотря на привкус, что зверолов отложил насмешки на потом и присоединился к трапезе.

Завтрак был в самом разгаре, когда открылась дверь, и в помещение вошел вчерашний знакомец Тимши.

– Эй! Мур! – помахал рукой зверолов, хотя углежогу, конечно, трудно было бы не заметить двух посетителей за столом, покрытым белой скатертью.

Настала очередь Синигира удивляться.

– Кто это? – едва успел прошептать он, как Мур уже стоял возле них, наклонив в приветствии голову, покрытую капюшоном.

– Присаживайся, Мур, – радушно пригласил Тимша, – мы как раз завтракаем.

– Благодарю, – вновь слегка поклонился Мур, – однако я думал: мы выедем на рассвете, и ждал тебя во дворе.

– Прости! Я тоже так думал, – рассмеялся Тимша, – но... сам видишь!

Юноша указал на стол и пояснил:

– Мой спутник Синигир, охотник из Синего леса, решил основательно закусить перед дорогой.

Зверолов подождал: вдруг Мур, услышав имя «Синигир», станет восхищаться его подвигами. Но мужчина изучающе посмотрел на охотника и сказал:

– Прости, но я, видно, неверно понял тебя вчера, юный зверолов.

– Что такое, Мур? – встревожился Тимша.

– Я решил: тебя, охотник, – углежог указал на Синигира, – вчера укусила гика, и ты болен.

– А с кем, прости, имею честь говорить? – учтиво спросил Синигир.

– Я Мур, углежог с Черных болот, – так же вежливо представился собеседник, продолжая в упор внимательно рассматривать охотника.

В лице Синигира что-то чуть дрогнуло. Однако он ничего не сказал, а когда Тимша, по обыкновению, хотел о чем-то спросить, зыркнул на него так, что юноша в растерянности тут же закрыл рот.

– Ты, Мур, углежог с Черных болот, – сверля глазами товарища и вовсе не глядя на Мура, ответил Синигир, – правильно понял моего словоохотливого спутника: меня и вправду вчера укусила ядовитая гика. А теперь нам пора в путь.

Мур, наконец, отвел глаза от Синигира, отступил на шаг:

– Хорошо. Повозку я уже загрузил.

Синигир провожал уходящего углежога внимательным взглядом, но Мур еще не успел скрыться за дверью, как охотник повернулся и теперь сверкал глазами на Тимшу.

Так в молчании прошло несколько мгновений, потом юноша не выдержал и принялся, чувствуя некоторую вину, оправдываться:

– Я рассказал историю с гикой потому, что он спросил, чем ты болен.

– Почему он вдруг обо мне спросил? – сурово поинтересовался охотник.

– Я сказал, что путешествую с тобой.

– Говорил, куда мы едем?

– Ну да, Мур ведь берет мою повозку, – с виноватым видом пробормотал Тимша.

– Повозку? – изумился Синигир, – ты даешь ему повозку?!

– Но ведь тебе она уже не нужна, – возразил зверолов.

– Причем тут я? Речь идет о твоей повозке. Что за глупости: дать ее незнакомцу.

– Он благородный человек. И я обещал ему помочь, – Тимша упрямо вздернул подбородок – ему не понравилось обвинение в глупости.

– Откуда ты знаешь, что он благородный человек? И откуда ты вообще его знаешь? И когда ты собирался о нем рассказать?

– Познакомились мы вчера, когда ты спать ушел, а рассказывать нечего, – упрямо проговорил зверолов.

– Ну, надо же! Он назвался углежогом...

Тут Синигир снизил голос и продолжил почти шепотом:

– Он назвался углежогом. Но на углежога он не похож.

– Почему? – сердясь, спросил зверолов, хотя сам вчера думал так же.

– Встречал я углежогов. Они не такие!

– Почему?

– Да что ты все спрашиваешь «почему»?! Он говорит так, как не разговаривают простые углежого с Черных болот.

– У него просто голос такой, – не сдавался Тимша.

– Ты ему даже о гике рассказал, значит, вы беседовали долго?

– Ну, да, – неохотно согласился Тимша.

– И он о себе не обмолвился ни словом?

– Говорил, что почти всегда был углежогом...

– «Почти!» Вот! – нахмурился Синигир.

– Что «вот»? – не понял юноша.

– А то – ему нельзя доверять!

– Это ты так считаешь, – заносчиво ответил Тимша, – а я обещал Муру повозку, чтобы отвезти лес. Да, да, именно лес! Он ведь углежог.

– Какой же углежог повезет лес в Дювон? Лес жгут на Черных болотах.

– А кто сказал, что Мур везет лес в Дювон? – озадаченно спросил зверолов.

– Но ты даешь ему повозку, – напомнил Синигир.

– Даю – довезти лес до Черных болот! – с победным видом произнес Тимша.

– Черных болот?

– Ну да, – радостно закивал юноша – он был вполне удовлетворен итогом разговора: Синигир выглядел немного смущенным.

– Но мы едем в Дювон, – сказал охотник неуверенно.

– Все-таки сильно действует яд гики, ты другой раз с ней как-то осторожнее, —назидательно заметил зверолов.

– Долго мне еще про эту гикку слушать? И другого раза не будет! И не упоминай при мне слово «гика»! – Синигир пристукнул кулаком по столу, сердито глядя на упрямого мальчишку.

Тимша, впрочем, остался совершенно невозмутимым. Он выразительно посмотрел на сжатую в кулак руку охотника, осуждающе покачал головой. Потом молча допил чай, полюбавался белой чашкой, опять многозначительно взглянув на собеседника, повертел ее в руках, не спеша поднялся из-за стола и мирно сказал:

– Я жду тебя у крыльца.

– Постой-ка, – проговорил Синигир, разжимая ладонь и поглаживая ее украдкой, – а что это вдруг ты вспомнил про яд гики?

– Синигир, тебя трудно понять, а еще труднее тебе угодить. Нет, не так: угодить тебе вовсе невозможно! Ну вот, только что кричал «не упоминай при мне слово гика», а сам... – Тимша развел руками.

Охотнику пришлось вспомнить, с кем он имеет дело и набраться терпения – он вздохнул и сказал уже вполне спокойно:

– Тимша, я немного злюсь потому, что ты меняешь наши планы из-за незнакомого углежога.

– Я меняю планы?! Да ты все забыл – вот почему я про действие яда говорю. Вчера на этом самом месте мы договорились: едем к знахарке на Черные болота. А уже потом – в Дювон.

– Я все помню. Но то – вчера, а сегодня я совершенно здоров! – воскликнул Синигир, – ни на какие болота мы не едем, тем более в компании незнакомца.

– Мало ли, что ты говоришь: здоров. А я замечаю: не совсем. Со стороны, знаешь ли, виднее. Нам нужно к знахарке, ведь даже если ты чувствуешь себя хорошо, это ничего не значит. Потом, я обещал Муру повозку. А еще на Черные болота я, может, больше никогда не попаду. Так что собирайся, а то Мур наверняка уже беспокоится. Нехорошо заставлять человека ждать.

С этими словами Тимша отправился прочь.

Синигир обреченно поднял глаза кверху и произнес громко:

– Силы небесные! За что мне это?!

Хозяин и обе женщины обернулись на охотника. Тот помахал им, широко улыбнулся и попросил принести свои вещи, что были постираны и сушились у печи.

Углежог ожидал попутчиков у загруженной повозки. Тимша принялся пристраивать седло на свою пеструю лошадку, искоса поглядывая на высокую фигуру в длинном черном плаще. Мур обратил лицо к западу и смотрел вдаль, о чем-то задумавшись.

Между тем на крыльце появился Синигир, бодрый, красивый, имеющий до того здоровый вид, что Мур при его появлении с сомнением глянул в сторону Тимши, но тот не обратил на охотника никакого внимания. Синигир молча вскочил на гарцующего жеребца, тоже посмотрел на Мура. Но углежог уже успел отвернуться; он продолжал стоять и созерцать бескрайний горизонт, раскинувшийся серо-голубой лентой на севере Бурой пустоши.

– Ну что, в путь? – Тимша уселся, наконец, на лошадку и нетерпеливо похлопал ее по толстому боку.

Мур легко вспрыгнул на повозку, в которую запряг своего огромного вороного коня.

Хозяин с семьей проводили путников до ворот, дочь и жена крикнули вслед Синигиру, чтобы он заезжал на обратном пути, и через несколько минут путники выехали на дорогу.

Синигир опять пожалел, но теперь уже вслух, что приходится ехать по бесцветной однообразной местности.

В начале пути кое-где еще попадался скромный вереск, чахлый куст или одинокое деревце, но по мере продвижения на север пейзаж становился все более унылым и навевал тоску. Не слышались песни птиц, шелест листьев, жужжание пчел – звуков, услаждавших слух в Синем лесу. Тишина и пустота.

Правда, на настроение Тимши печальный ландшафт не повлиял. Юный зверолов, совершенно избавившийся от непонятных и даже печальных впечатлений сна, оглядывался по сторонам и восхищенно охал. Синигир, наконец, не выдержал и решил узнать, что именно производит на Тимшу такое впечатление: охотник ничего, кроме серо-бурых кочек не замечал. Но Синигир не успел задать вопрос: его опередил Мур.

– Что хорошего ты находишь в этих пустынных просторах, зверолов Тимша? – спросил он.

Своеобразный голос углежога прозвучал слишком громко в тишине пустоши.

Зверолов улыбнулся:

– Здесь все не похоже на Синий лес!

– Так ведь это и не Синий лес, – заметил Мур.

– Да уж, – согласился Тимша, – тут так пусто, все далеко видно!

Синигир оглянулся по сторонам: пред ним лежала холмистая тусклая пустыня, и справа, и слева, и далеко впереди светлое небо смыкалось с серой землей, – действительно, всю местность можно рассмотреть до самого горизонта.

– Что это там? – указывая вдаль, спросил вдруг Тимша, – какие-то пещеры в земле?

– Это шахты. Там рудокопы добывают руду, – ответил углежог, – их семьи живут на Втором холме, а сами они в Бурой пустоши трудятся в штольнях – стучат молотками и кирками: вынимают из недр руды.

– Что же потом? – невольно вспоминая ночной полет, спросил Тимша.

– Приходит черед потрудиться мастерам со Второго холма, владеющим секретами, как из драгоценных камней и золота создать украшения, из железа – оружие.

– Да, так оно и есть, – пробормотал зверолов.

Через некоторое время слева от дороги в отдалении путники увидели людей в испачканных чем-то красным длинных фартуках, что сновали возле высоких куч красной глины.

– Это глиномесы, – пояснил Мур, – они добывают глину, а после из нее камнетесы лепят камень, а гончары – посуду и множество разных полезных вещей.

– Ух, как интересно! А на Черных болотах кто живет? – поинтересовался Тимша.

– Никто, кроме углежогов, да и те обитают ближе к Бурой пустоши. Черные болота — места суровые, даже страшные.

– И как скоро уже начнутся эти страшные места? – юноша даже привстал в седле.

– К вечеру приедем.

А Синигир насмешливо заметил, что Тимша словно даже радуется встрече с таким мрачным и безлюдным местом, как Черные болота.

Зверолов придержал лошадку, и теперь они с углежогом ехали рядом по серо-бурой дороге, ведущей в таинственную даль, где Бурая пустошь превращается в Черные болота.

В продолжение пути Синигиру не давала покоя личность углежого. Но тот спокойно ехал, сидя на заимствованной у зверолова повозке, беседовал с юношей; заметив, что Синигиру не слишком нравится его компания, к охотнику не обращался.

Синигир успел хорошо рассмотреть углежого еще в таверне. Сейчас же у охотника появилась возможность подумать, почему Мур кажется подозрительным. Во-первых, он точно не похож на углежого. Не то чтобы Синигир хорошо знал жизнь углежогов, но пару раз во время поездок в Бурую пустошь он встречал усталых сторбленных молчаливых людей в грязных одеждах – углежогов с Черных болот. Во-вторых, слишком уж новый знакомец Тимши был необычен, начиная с чудного голоса, заканчивая манерами, статью, одеждой... да всем! Он не похож на углежого, но он и ни на кого не похож! Но тогда кто он?

Пока охотник размышлял, юноша продолжал беседу с новым знакомым.

– А как уголь жгут? – спрашивал любознательный Тимша.

– Древесный уголь выжигать нелегко, – не спеша рассказывал Мур, – вначале поленья складывают в кучи, сверху их засыпают землей, камнями... В середине кучи делается труба, через нее поджигается вся эта дровяная куча, потом углежог поддерживает огонь, пока она не сгорит. Жгут лес медленно, чтобы не пережечь, но и не оставить не сторовшие поленья. Дрова медленно тлеют, тлеют...

– Так от этой трубы и уйти, получается, невозможно? – удивился зверолов.

– Конечно, отлучаться нельзя, – согласился углежог.

Синигир подумал, что, пожалуй, ошибся, и Мур, точно, углежог.

– А потом что? – продолжал расспросы Тимша.

– Потом ломают кучи, уголь выгребают, вывозят и продают.

Солнце между тем неудержимо поднималось к зениту. Путники решили сделать привал у кстати оказавшегося недалеко от дороги большого серого камня. Обед, который, благодаря Синигиру, оказался вкусным, прошел в молчании. Мур есть не стал, прохаживался туда-сюда, думая о чем-то своем. Тимша вертел головой по сторонам, притом успевая с большим аппетитом пробовать все, что охотник разложил на камне. Синигир задумчиво наблюдал за Муром. Вопрос «кто ты такой?» так и вертелся у него на языке.

После обеда ехали веселее. Зверолов всему удивлялся, иногда спрыгивал с лошади, чтобы посмотреть какие-то следы, чем веселил Синигира, который предлагал юноше расставить силки и поймать болотного кабана.

– Поймаешь, потом отпустишь – будет кабан к тебе в гости ходить, – смеялся Синигир, пытаясь при этом сделать серьезное лицо, – чтобы вам с лисой не было скучно!

Вскоре солнце стало катиться к закату, окрашивая землю в розоватый цвет, а небо на горизонте быстро потемнело. Бурая безлесая пустошь грозила вот-вот закончиться, и путники уже видели Черные болота, хотя пока ландшафт не слишком отличался от Бурой пустоши, но кое-где разбросанные плоские невысокие холмы и покрытая черным мхом поверхность земли ясно говорили: путники достигли границы пустоши и болот.

– А как скоро мы будем на месте? – спросил Синигир, – темнеет.

– Темнеет на болотах по-особенному: слишком быстро, – согласился Мур, – но мы поздно выехали.

– Ну да, – охотно согласился Тимша, – потому что некоторые слишком любят вкусно...

– Давайте поторопимся, – прервал его Синигир не слишком вежливо.

Но предложение хотя и было дельным, но бесполезным: продвигаться быстрее не было возможности из-за нагруженной повозки, да и лошадка Тимши плелась, с непривычки устав от долгого пути.

А сумерки все подкрадывались, подкрадывались, и вдруг наступили, словно набросили на пустошь темную шаль. Степь почернела, лучи закатившегося солнца дарили миру последний свет, разливая по темному небу розоватое пламя.

Но вот дорога, ставшая узкой до такой степени, что путникам пришлось ехать друг за другом, повернула налево и вскоре уперлась в небольшую деревушку. Вернее, в пару десятков низких хижин, расположенных кучкой среди холмов.

– Ну, вот мы и приехали, – объявил Мур, спрыгивая с повозки, – перед вами – приют углежогов.

Более мрачное место обитатели Синего леса вряд ли могли себе представить. Уже совсем стемнело, и в сумерках убогие избытки углежогов с земляными крышами казались норами каких-то неведомых животных. Вокруг ни деревца, ни кустика. В воздухе повис запах гари.

Тимша и Синигир не спешили слезать с коней. Они оглядывались вокруг, но видели со всех сторон одно и то же: мрачную темную пустоту.

– Можете спешиться, – пригласил Мур попутчиков и постучал в дверь крайней хибарки.

– Но нам надо к знахарке, – возразил не слишком уверенно Синигир.

– Уже поздно, через полчаса совсем стемнеет, а на болотах ночью небезопасно, к тому же вы устали, а о лошадке и говорить нечего, – ответил Мур, кивая на Рожку, уныло опустившую голову.

Дверь хибарки отворилась, оттуда вышел, держа зажженный фонарь, сгорбленный старик, который, кашляя и хрипя, обрадовано закричал:

– Мур! Ого, сколько леса! Откуда?

Мур что-то ответил, и старик вновь захрипел:

– Стучи по домам – быстрее разгрузим!

Мур оглянулся на новых знакомцев и вновь предложил:

– Прошу вас, оставайтесь. Дайте и лошадям, и себе отдых.

Но ни Тимша, ни Синигир не решались воспользоваться гостеприимством углежого. Охотник рассматривал старика с подозрением, а Тимша растерянно поглядывал на неясные очертания домиков-нор. Они лепились боками, словно опирались друг на друга, чтобы не рухнуть под тяжестью крыш, сделанных из земли, перемешанной то ли с сухой травой, то ли ветками.

Мур принялся распрягать коня, предоставив путешественников выбирать: ехать или оставаться. Впрочем, выбор был очевиден: отправляться в путь в темное время по незнакомой местности, да еще такой, как Черные болота, мог только безумец. Переглянувшись, Синигир и Тимша решили спешиться. Между тем пространство около домов заполнили люди, потянувшиеся к повозке с лесом.

– Ой, не нравится мне все это! Силы небесные! – проговорил Синигир, – что за люди, что за место?

Тимша тоже негромко, но бодро ответил:

– Углежоги! Что ж, живут себе... дома, конечно, не хоромы, ну, наверное, так у них принято. Что тебе не нравится-то?

В некоторых домиках зажегся тусклый свет, на улицу были вынесены фонари. В их неверном свете зверолов и охотник смогли лучше рассмотреть углежогов, которые глухо переговариваясь, тянулись из своих земляных нор к повозке, нагруженной лесом.

Когда Мур говорил о нелегком ремесле углежогов, он не преувеличивал. Печать тяжкого труда лежала на их сторбленных плечах, безрадостных лицах. Они шли не спеша, словно не имели сил для этого. Те, что постарше, время от времени покашливали. Но и не удивительно: воздух просто пропитался гарью. Углежоги подходили к Муру, почтительно кивали, похлопывали по толстым бревнам в знак одобрения.

Вновь появился старик, встретивший путников, теперь он держал фонарь, и, тяжело дыша, проговорил:

– Пойдемте, люди добрые, я провожу вас.

И, не дожидаясь ответа, забрал у них коней и, приговаривая что-то сквозь кашель, исчез в ночи, словно растворился в темноте. Тимше и Синигиру осталось лишь отправиться за ним. Старик уверенно шагал по невидимой дороге, товарищи, спотыкаясь на кочках, едва поспедали за проводником.

– Куда он нас ведет? – пробормотал зверолов, – мы все дальше от хижин.

– Раньше надо было вопросы задавать, а теперь иди и не спрашивай, – прошипел в ответ охотник.

– А чего «раньше»? Кто же знал? Но я считаю: не надо думать о плохом, – Тимша даже приостановился, желая развить мысль, но Синигир пихнул его, и зверолов зашагал еще быстрее, стараясь держаться за стариком и не сходить с тропы.

– «Не думать»! Это ты у нас не думаешь! Дал повозку незнакомцу и к знахарке какой-то поехал, – бурчал Синигир, обращаясь к спине товарища.

Шли они, поворачивая то влево, то вправо. Порой казалось, будто они повернули назад. Однако воздух постепенно становился чище: по всей видимости, от деревни углежогов проводжатый отвел путников на порядочное расстояние.

– Мы на месте, – наконец прохрипел старик.

Рошка радостно заржала, рыжий конь Синигира поддержал ее – Тимша резко остановился, Синигир тоже, при этом наткнувшись на зверолова так, что тот едва не упал.

Вдруг вспыхнул яркий свет – это старик зажег необычный громадный светильник, висевший, как оказалось, над железной дверью. Старик распахнул ее и вошел в помещение – осторожно поднялись вслед за ним на высокое крыльцо и Тимша с Синигиром.

Глава пятая

в которой охотник и зверолов оказываются в доме углежога, Тимша прыгает в воду и восхищается, продает тележку и рассказывает о происшествии в Синем лесу

Путники остановились у порога, рассматривая комнату, довольно хорошо освещенную круглой лампой, прикрепленной к стене при помощи черных цепей.

Единственным украшением каменных стен являлись окна с разноцветными стеклами. Посередине стоял большой темного дерева стол, вокруг него – стулья с высокими резными спинками. Справа в стене зиял огромной пастью камин, огороженный витой решеткой. Слева расположился небольшой шкаф, также темный, с затейливым рисунком на дверцах – из него старик доставал что-то, кряхтя и кашляя. Пол под ногами был выложен темно-зелеными глиняными плитками.

– Располагайтесь, хозяин сейчас придет, – объявил старик.

Он отошел от стола, где, благодаря его стараниям, уже стояли блюда со съестным, и направился к выходу.

– А наши лошади? – крикнул вдогонку зверолов.

– Я о них позабочусь, – прохрипел старик, не оборачиваясь, и скрылся за тяжелой дверью, оставив путешественников одних.

С минуту они молчали.

– Тут живет наш углежог, – не трогаясь с места, наконец, пробормотал Синигир.

– Как здесь, – Тимша помедлил мгновение, нашел слово и продолжил:

– Мрачно.

– Этот дом ему подходит, – проговорил Синигир.

– Да, такой же необыкновенный.

Необычное впечатление производило жилище Мура: тут было все только самое необходимое, ничего лишнего, ни одной милой мелочи, создающей уют, поэтому чистота и довольно богатая мебель не радовали глаз, а угнетали.

– Хозяин суровый, похоже, человек, – заметил Синигир.

– Да, тоскливо проводить в таком доме дни, а уж ночи – подавно.

– Жизнь моя не слишком богата весельем, – неожиданно прозвучал знакомый мягкий, но с нотками железа голос, служивший предметом некоторой зависти для юного зверолова.

– Ой! – вскрикнул юноша от неожиданности.

Громкое его восклицание, вызвав эхо, легким звоном пролетело по полупустому помещению и растаяло под высоким потолком. Хозяин зажег свечу, взял со стола поднос с едой и направился к выходу.

– А мы тебя ждем, – забыв об угнетающей обстановке, сказал зверолов, провожая уходящего Мура недоуменным взглядом.

Но тот, как оказалось, направился не к выходу, а к двери, которая находилась позади путешественников, как раз справа от входа. Эту деревянную дверь, украшенную резьбой и железной ручкой, они не заметили, стоя к ней спинами.

– Прошу вас, – с этими словами Мур с подносом исчез за дверью.

Зверолову и охотнику ничего не оставалось, как последовать за ним по крутой лестнице на второй этаж.

Комната наверху выглядела более жилой и уютной, но только в сравнении с нижним помещением. Здесь тоже находился камин, но в нем полыхал яркий огонь, а рядом стояли два плетеных кресла, на которые хозяин набросил крашенные бараньи шкуры. У окна располагался стол, не такой громоздкий, как в комнате на первом этаже, поменьше, накрытый тяжелой, расшитой серебряными нитками скатертью, по его сторонам – широкие лавки. Справа, в нише, притулилась кровать. И кровать, и лавки были покрыты тканями коричневыми коврами.

Гости, усевшись, с удовольствием отведали угощение: птичье мясо, сыр, овощи и хлеб.

– У вас, на Черных болотах, – восхитился Тимша, – вкусная еда.

– У нас, на Черных болотах, совсем нет еды, – покачал Мур головой, – мы привозим ее, когда есть возможность.

– Скажи, Мур, а почему у тебя дом такой? – едва утолив голод, принялся задавать вопросы любознательный юноша.

– Тебе не нравится? – Мур поднял бровь, но в глазах затаилась улыбка.

– Нет, что ты! Все так красиво! Но знаешь, почему-то кажется: тут никто не живет.

Глаза углежого вмиг потухли – взгляд его теперь был мрачен. Он отвернулся и глухо произнес, глядя на колеблющийся огонь свечи:

– Что ж, ты прав – никто и не живет.

– Так это не твой дом? – уточнил Синигир.

– Мой. Просто я... не живу.

Непонятный ответ совсем не понравился гостям. Они переглянулись, и Тимша решительно спросил, старательно не замечая выразительного взгляда Синигира:

– Как же – не живешь? Ты что – призрак?

Синигир пихнул товарища под столом, но было поздно. Мур посмотрел тяжело – Тимша невольно поежился.

Но ответ углежого прозвучал совсем не страшно:

– Ну, хвала небу, все не так уж плохо.

Путешественники про себя облегченно вздохнули: все-таки место было не самое приятное, а Мур – человек странноватый... хорошо, что не более того.

Мур же продолжал:

– Хотя и в этих твоих словах, юный зверолов, есть доля истины.

Вздох облегчения застрял у товарищей в горле. Повисла гнетущая тишина. Тимша не сводил расширенных глаз с хозяина, который внимательно следил за игрой пламени камина.

– Когда мы приехали в деревню, подумали, что жилища, похожие на норы, – дома углежогов. А оказалось, углежогои имеют такие просторные хоромы, – несмело нарушил молчание Тимша, которого распирало любопытство – на языке у него вертелось множество вопросов.

– То, что вы видели – место нашего отдыха. Я ведь говорил: когда жжем лес, нельзя отлучаться. Мы по очереди отдыхаем от работы в этих лачугах.

– Так ты все время проводишь там, поэтому сказал, что не живешь здесь? – уточнил Синигир и, наконец-то расслабившись, принялся пить молоко и есть сыр.

– Да, дома я, словно гость, редко бываю, – кивнул углежог.

– А что ты имел в виду, когда говорил... – начал было пришедший в себя Тимша, но, поймав взгляд охотника, умолк на полуслове.

Мур отчего-то тяжело вздохнул и поднялся:

– Пожалуй, пора спать. Вы утомились от долгого пути. Поговорим завтра.

Он показал на кровать и лавки:

– Устраивайтесь, где вам удобно. Доброй ночи.

Затем, немного помедлив у двери, спросил:

– Может, что-то еще?

– Нет, все прекрасно, – заверил Тимша, косясь на своего спутника.

Мур почти затворил за собой дверь, когда Синигир вдруг остановил его:

– Прости, Мур, а нельзя ли где-то помыться?

Просьба не удивила хозяина, даже словно бы обрадовала

– Да, конечно, – с готовностью отозвался он, – но придется немного подождать: я проверю, нагрелась ли вода.

Когда Мур ушел, Тимша повернулся к товарищу и в недоумении уставился на него, ожидая пояснений. Но поскольку Синигир уютно уселся в кресло, вытянув длинные ноги в знаменитых расшитых сапогах с волчьими хвостами к огню, и закрыл глаза, не проявляя желания общаться, зверолов не выдержал:

– Помыться?!

– Что-то не так?

– Помыться? – повторил зверолов возмущенно.

– Если не хочешь – не мойся.

– Ладно, ты все равно толком не объяснишь, зачем так делаешь, но ты же сам говорил: что-то тут не то. И смотрел на меня, словно барс. И слова не давал сказать.

– О, да! И ты послушно молчал. Из тебя просто слова нельзя было вытянуть! Только причем же здесь мое желание помыться?

– Как ты можешь думать о пустяках? Нам надо поговорить, – Тимша старался говорить убедительно, и потому решил не обращать внимания на насмешки.

– А чистыми мы поговорить не сможем? – Синигира, похоже, почти забавляла горячность юноши.

Ответить зверолов не успел: хозяин пригласил путешественников спуститься.

– Ты уверен, что нам надо идти? – спросил Тимша, впрочем, оказавшись у двери впереди Синигира.

Охотник усмехнулся: наконец этот самоуверенный мальчишка хоть таким образом спросил совета.

– Конечно, не уверен. Но желание помыться сильнее, – заявил он, доставая из дорожного мешка белоснежную рубашку.

– Ох, не понимаю я тебя, – фыркнул Тимша, выходя из комнаты.

Синигир подумал мгновение, затем достал вторую рубашку.

Внизу Мур показал товарищам на дверь, совсем незаметную, находящуюся слева от входа и совершенно слившуюся со стеной.

– Прошу!

– Ого! – сказал впечатлительный Тимша, входя в помещение.

Комната оказалась большой, красиво отделанной синей плиткой и цветным стеклом. От воды в огромной емкости, встроенной в пол, шел пар.

– Да здесь целое озеро! Я такого никогда не видел! – восхитился юноша.

Он прыгнул в воду и по-детски восторженно закричал:

– Горячая! Никогда так не купался!

– А как же ты моешься? – спросил озадаченно Синигир.

Тимша с искренним сожалением произнес:

– Да уж не в такой комнате. Когда тепло, купаюсь в реке, когда холодно, хожу к горячему источнику, что у Можжевеловой горы, там, где черный лис живет, и где я собираю лечебные шишки.

– Ты купаешься с лисом? – засмеялся Синигир.

Тимша замотал головой, стряхивая с волос брызги:

– Я мечтаю его поймать. Но лис очень хитрый. Впрочем, это вопрос времени.

Окутанный облаками пора, Тимша, быстро забыв о лисе, заговорил о делах насущных:

– А может, и нет ничего особенного в нашем углежогe. Он приветливый и гостеприимный хозяин. Правда, живет одиноко и не любит говорить о себе.

– Нет, – прервал пылкую речь юноши охотник, – дело не в одиночестве. Я тоже один, да и ты. В доме даже одинокого человека есть какие-то вещички, безделицы. И о хозяине все могут сказать вещи в его доме.

Тимша хмыкнул, с загадочной улыбкой посмотрел на собеседника, потом не сдержался и захохотал, да так безудержно и звонко, что смех его гулким эхом раскатился по комнате.

– Ты чего? – спросил охотник, и, недоуменно пожав плечами, нырнул с головой под воду.

После купания, сидя у жарко горящего камина, спутники решили: завтра рано утром они покинут дом углежогa, а после визита к знахарке сразу отправятся в Дювон.

– Только рано утром. Рано! – подчеркнул Тимша, – роскошные завтраки оставь для Дювона, ладно?

– Что значит – роскошные? Ты намекаешь на харчевню? Так там был обычный завтрак.

– Ну, это кому как. Для зверолова – это необыкновенный пир. Однако согласишься, он оказался долгим. Давай попросим у Мура что-нибудь в обмен на повозку и перекусим по дороге.

– Послушай, а может, не поедem к знахарке? Я, правда, здоров, – охотник для подтверждения слов даже постучал себя кулаком в грудь.

– И не начинай этот разговор. Пусть она скажет, что с тобой все в порядке. И меньше стучи своими кулаками – руку побереги.

– Но нам придется еще дальше заехать в Черные болота, – послушно положив руки на подлокотники кресла, попытался возразить Синигир.

– Мы ведь с зарей выедем, а до темноты уже будем на дороге в Дювон. И Черные болота меня совсем не пугают.

Тимша поправил ворот рубахи, которая была ему велика, потом понюхал рукав и спросил:

– А что за приятный запах?

Синигир предпочел промолчать.

Огонь в камине горел ровно, тепло обволакивало путников, и, несмотря на обилие впечатлений сегодняшнего дня, их клонило в сон. Тимша, зевнув, хотел уже отправиться спать, как вдруг раздался громкий стук в дверь.

И так зловеще прозвучал этот стук в тишине ночи, что товарищи вздрогнули, вмиг сбросив пути дремы, переглянулись. Ожидали они в этом мрачном доме чего угодно, потому в руке охотника как-то вроде бы сам собой оказался тугой лук, до того мирно лежащий на скамье.

Дверь растворилась – в комнату вошел Мур с кувшином в одной руке и корзинкой, прикрытой белым полотном в другой.

– Молоко и хлеб на завтрак, – он поставил кувшин на стол, – хорошо, что я запасся едой, словно знал, что буду принимать гостей.

– Ты вовремя, Мур, – обрадовался Тимша, наблюдая краем глаза, как лук из рук Синигира опять сам собой, незаметно, переместился на пол, – нам бы тележку пристроить, она помеха в дороге. Может, тебе нужна?

– Я куплю ее, если тебя это устроит, – предложил Мур, – необычная такая тележка.

– Благодарю тебя! Я сам ее мастерил! – с гордостью объявил зверолов.

– Сам? – удивился Мур, да и Синигир удивленно приподнял бровь, – разве не мастера в Бурой пустоши изготавливают повозки?

– Я много чего сам делаю. Денег у меня мало, чтобы платить мастерам, да и ловушки, клетки, силки у меня всегда особенные. Зачем мне мастера? – с воодушевлением принялся рассказывать юноша.

Синигир слушал с улыбкой, и чем дальше говорил юноша, тем шире она становилась. Зверолов, заметив веселье Синигира, нахмурился и счел нужным пояснить:

– Я мастерю в свободное время.

– Свободное время – это когда? – спросил Синигир, – пока какой-нибудь енот не придет в гости?

– Ловушки-то я делаю такими, чтобы зверушки не пострадали, – обращаясь теперь только к Муру, пояснил Тимша.

– Верно, – одобрительно и серьезно согласился Мур.

Поощренный, Тимша принялся объяснять, чем же хороша повозка, сделанная им особенным образом:

– У нее колеса обмотаны толстым слоем огаты – это такая лиана, она растет только в одном месте Синего леса; так вот, колеса обматываешь, чтобы не трясло, а еще есть дверка сзади.

Тут Тимша прервался и вздохнул:

– Хорошая тележка.

– Так зачем тебе продавать такую замечательную повозку? Вы можете забрать еду просто так.

Товарищи принялись благодарить щедрого хозяина, но тот лишь повел плечом и заметил, что он всегда рад гостям, тем более, таким.

– Каким – «таким»? – спросил Тимша.

Мур, посмотрев внимательно на товарищей, ответил не сразу:

– Если быть справедливым, то вы особенные уже потому, что первые мои гости.

– Спасибо тебе за приют и за все. Береги мою повозку! – заключил юноша.

– Ее можно забрать на обратном пути, – нашел выход углежог, – я с удовольствием принял бы вас, когда вы будете возвращаться.

– Не выйдет. Мы из Дювона отправимся домой, в Синий лес, по живописной дороге Межхолмья, что идет меж Четвертым и Пятым холмами, огибает северный склон Третьего холма, а потом – убегает прямо в Синий лес, оставляя справа Первый холм, а слева – Второй. Поэтому возвратиться в Черные болота уже не получится, – пояснил Тимша.

– Так вы поедете в Дювон, – неожиданно мрачно проговорил Мур.

– Да! В славный Золотой город. Ты там бывал?

От зоркого глаза Синигира не укрылось: невинный вопрос зверолова произвел на хозяина неприятное впечатление. Что-то в лице Мура дрогнуло, складка на переносице стала резче, и голос стал глуше, когда он ответил:

– Да, бывал... давно.

– Ах, я так рад, что скоро окажусь в Дювоне, увижу Разноцветный замок! А завтра мы навестим знахарку.

– Скажи, Мур, а мы легко найдем знахарку на болотах? – поинтересовался охотник.

Он незаметно, но внимательно разглядывал углежого. Впервые за все время знакомства у него появилась возможность рассмотреть Мура совсем близко, во весь рост, без плаща с капюшоном. Синигир отмечал острым взором детали: домашняя куртка простого кроя, но – из дорогого бархата, чистые руки, заметный шрам, змейкой ползущий от левой брови к уху, проблески седины в черных длинных кудрях и короткой бородке, печальные темные глаза...

– К лачуге знахарки ведет тропа, она никуда не сворачивает, чтобы заблудиться днем, надо постараться, – ответил Мур.

– А ты не работаешь завтра? – Синигир пропустил слова углежого мимо ушей, – ты ведь леса много привез.

– Лес я пока сложил в кучу, а зажжем позже. Вначале надо продать тот уголь, что уже есть.

– Ага... Видно, дела у углежогов идут неплохо, судя по твоему жилью, – заметил Синигир.

Он очень хотел узнать, что скрывает их новый знакомец. А в том, что у Мура есть какая-то тайна, охотник не сомневался.

– Не считая едкого дыма, смрада, копоти, что вздымаются от тлеющих под слоем земли дров, и которыми приходится дышать большую часть суток, больных глаз, тяжелого дыхания, кашля, боли в груди... Да, в остальном дела наши неплохи, – с мрачной усмешкой проговорил Мур.

– Зачем же тогда углежогии живут так? – возмутился Тимша, – пусть уйдут отсюда! Ну, например, в Синий лес.

– Что же они будут делать в Синем лесу, юноша? Жечь его, как когда-то? Но все давно поняли: углежогии, в конце концов, погубят лес. Углежогии согласились – ушли за границу Бурой пустоши, на Черные болота.

– Пусть станут звероловами или дровосеками. Да кем угодно!

– Углежогии давно обитают здесь. Жечь лес – их ремесло. Они привыкли жить так, как их отцы и деды. Впрочем, сейчас углежогии живут получше: у каждого из них есть такой же дом, как у меня. Теперь, возвращаясь после нескольких недель, проведенных в тяжелом труде, они могут отдохнуть в тепле и уюте. Когда я попал сюда...

Тут Мур замолчал, мрачно взглянул на товарищей и неожиданно спросил:

– А по каким делам вы отправляетесь в Дювон?

– В гости, – быстро произнес Синигир, – у меня там тетушка.

Но Тимша, не поняв смысла слишком скорого и решительного ответа охотника, принялся рассказывать о встрече на лесной тропинке в Синем лесу ранним утром, неожиданно заставившей зверолова и охотника пуститься в путешествие.

По мере продолжения повествования, Синигир, вначале хотевший остановить Тимшу (к чему посвящать первого встречного в свои планы?), бросил эти попытки, и все внимание сосредоточил на углежогии: слишком уж чудно вел он себя.

Пока Тимша рассказал о своем раннем подъеме и планах на то утро, в глубине глаз Мура даже мелькнула улыбка, но, когда дело дошло до таинственной встречи и объяснений с охотником, он вдруг напрягся, как тетива лука. Лицо стало непроницаемым, взгляд – тяжелым и даже страшным. Синигир наблюдал, пытаясь понять, что именно произвело на углежогия такое впечатление.

Когда Тимша замолчал, Синигир ждал шквала вопросов, но вместо этого Мур встал, сквозь зубы пробормотал пожелание спокойной ночи и скрылся за дверью.

– Что-то Мур попрощался так скоро, – посетовал Тимша, – я думал, может, он даст мудрый совет.

– Вот что я тебе скажу: Мур много знает и еще больше скрывает, он очень непрост, — пожалуй, нам надо быть осторожней.

– Как это? – недоуменно спросил зверолов, – мы у него в доме.

– Во-первых, давай запрем дверь, – предложил Синигир, – а во-вторых спать будем чутко.

Но, несмотря на необычность обстановки дома, его хозяина и напряжение, не покидавшее путешественников, уснули они сразу и крепко: зверолов – на лавке, а Синигир на кровати, которую Тимша ему предложил с хитрой улыбкой.

Глава шестая

в которой углежог пытается изменить планы, зверолов и охотник видят всадника в черном плаще, после чего охотник и зверолов оказываются не там, где предполагали

– Просыпайся! Пора! Вставай!

Синигир сразу не понял: где он и что происходит.

Но опять раздался звонкий голос над ухом:

– Просыпайся!

«Силы небесные! – подумал, вздыхая, Синигир, – неужто во время всего путешествия такое пробуждение меня ожидает каждое утро?!»

Через мгновение, открыв глаза, он простонал:

– Так еще ночь!

– Уже утро, – донесся откуда-то из глубины комнаты бодрый голос Тимши, – просто здесь темно. Вставай, говорю!

– Да почему темно-то, если утро? – обреченно бормотал Синигир, позевывая и оглядывая помещение.

Едва-едва рассвело – это Синигир понял, посмотрев на серый прямоугольник окна. В сизом полумраке с трудом различались очертания предметов. Камин потух, поэтому было прохладно.

Ох, как Синигиру не хотелось покидать уютную кровать! Но Тимша опять звонко призывал его вставать.

– Да сейчас! – сердито отозвался охотник.

Синигир принялся одеваться, но думал не о предстоящей дороге – из головы не выходила вчерашняя беседа с углежогом. Перед глазами охотника стояли то мрачные глаза Мура, то его чистые – ни следа сажи – руки, то сильная высокая фигура. Наскоро собрав вещи, он спустился вслед за Тимшей вниз.

В неуютном мрачном помещении было тепло: охотник с удивлением посмотрел на горящий камин. Похоже, его топили всю ночь. Хозяин сидел у стола в напряженной позе и слушал Тимшу.

– Ты так рано встал? – спросил Синигир, пожелав доброго утра, – вон – камин натопил.

– Я не ложился, – отозвался Мур.

– Что-то случилось? – поинтересовался Синигир.

– Бессонница, – не поворачивая головы и не меняя мрачного тона, сказал Мур.

– Так мы возьмем еду? – напомнил о себе зверолов.

Мур кивнул.

– Я тогда пойду, соберу все, – юноша поспешил подняться наверх.

Синигир хотел было попрощаться и выйти, но вдруг в тишине Мур произнес, тяжело роняя слова:

– Я не советовал бы вам ехать к знахарке.

Синигир молчал, соображая, что бы это значило. Объяснений он не нашел и решил: если Мур преследует какую-то цель, сам продолжит разговор. Так и случилось. Углежог, наконец, повернул голову, поднял глаза и, сверля охотника суровым взглядом, продолжил:

– Ты как будто вполне здоров. А до знахарки – полдня пути, потом обратно. Вы потеряете время.

– Ничего, – вежливо ответил Синигир, понимая: разговор этот неспроста, – мы не очень-то торопимся. Да и Тимша не согласится: он уверен, что яд до сих пор действует.

– Послушай меня внимательно, охотник! – голос углежог утратил бархатную мягкость – остался лишь жесткий металл, – о том, что произошло в Синем лесу, как можно скорее нужно сообщить верховному Бескиду. Нельзя терять время!

– О чем ты? – вполне искренне удивился Синигир, – что сообщить верховному Бескиду?

– О силы неба! – воскликнул углежог, и теперь голос его звучал почти угрожающе, – ты не понял меня?! О том, что произошло с твоим другом!

– Но почему об этом событии должен знать верховный Бескид? И к тому же зверолов мне не друг, – озадаченно ответил Синигир, удивленный тоном хозяина.

– Поверь мне: верховного Бескида заинтересует твой рассказ! – Мур встал и прошелся по комнате.

Было очевидно: углежог встревожен не на шутку.

Синигир, не понимая причин этого беспокойства, начинал сердиться и с нетерпением ожидал, когда же появится Тимша, и они, наконец, покинут это мрачное место.

– Синигир, ты не слушаешь! Пообещай, что сделаешь, как я говорю! – потребовал Мур сурово.

– Почему я должен что-то обещать? – возмутился охотник, не привыкший выполнять приказы кого бы то ни было.

– Я не могу сказать всего. Просто сделай, как я говорю, – уже спокойнее произнес Мур.

– Прости, Мур, я, конечно, благодарен тебе за гостеприимство, – тоже сбавил голос охотник, – и, наверное, обязан отплатить, выполнив твою более чем странную просьбу. Но ты, видно, давно не был в Дювоне. Как я увижусь с верховным Бескидом? Говорят, раньше двери во дворец были распахнуты настежь, а на площади перед главным восточным входом в город шла торговля, и верховный Бескид запросто гулял по городу.

– Что же теперь? – глухо спросил Мур.

– Не знаю. У всех дверей в замок – стража, и туда нет хода простому охотнику.

Тут, наконец, появился Тимша и объявил:

– Я готов! Светает быстро – нам пора.

Синигир решительно шагнул к порогу, Мур направился за ним.

На пороге зверолов принялся горячо прощаться с хозяином, а тот упорно не сводил с Синигира мрачных темных глаз, на лице его застыла маска зловещего отчаяния.

– А что случилось? – заметив, наконец, напряженность Мура, спросил юноша.

– Твой друг хочет предложить ехать сразу в Дювон, – произнес углежог.

– — Ну, уж нет! – замахал Тимша руками, не дав Синигиру и рта раскрыть, – дорога длинная – вдруг действие яда проявится? Нет, Синигир, и нет. Мне хватило одного раза, и я ведь не знахарь. А теперь у нас еще и повозки не будет: как я тебя, если вновь захвораешь, повезу?! Едем к знахарке.

– Но... – попытался возразить Мур.

– Синигир! Мы уже об этом говорили. Нет!

Не принимающий участия в препирательствах Синигир только пожал плечами.

– Послушай, Тимша, твой друг здоров и готов ехать, – голос Мура звучал негромко, но твердо.

– Ты и Мура подговорил? – оторопел Тимша.

– Я тут не причем, – заявил Синигир, – но это правда – я здоров.

– Да что ж такое! – не на шутку горячился Тимша, – оставим споры: мы едем к знахарке!

Спасибо, Мур, за все! Прощай.

С этими словами зверолов зашагал к выходу, даже спиной выражая негодование и непреклонность.

– Упрямец, – пробормотал Мур.

– Да, точно! Вот тут ты прав – он упрямец! – с удовольствием согласился Синигир, – но придется ехать. Обещаю тебе: как только мы окажемся в Дювоне, попытаюсь как-то передать нашу историю кому-то из дворца, хотя не понимаю, что тебя так сильно поразило в этом... м-м-м... событии, я вот не вижу ничего, достойного внимания верховного Бескида.

Мур, опустив голову, угрюмо молчал.

– Прощай, – произнес Синигир и с облегчением покинул неудобное жилище.

На открытой площадке у дома он огляделся: Тимша стоял у ворот и смотрел вдаль на серую бесконечность. Зверолов не проявлял признаков нетерпения, напротив, когда Синигир позвал его, тот вдруг принялся грустно размышлять:

– Бедный Мур! Такой сильный и, я уверен, смелый человек, но мне он показался несчастным. Что он делает здесь один?

– Да уж, – согласился охотник, – чудно все это. Давай-ка поедem отсюда поскорее.

В небольшой конюшне, расположенной недалеко от дома, они нашли своих накормленных лошадей и по единственной дорожке, что вилась вдоль болотных кочек, отправились в путь.

Несколько раз путешественники оглядывались на дом, послуживший им приютом в эту ночь. Он одинокой серой глыбой высился среди пустынного пейзажа и казался таким же таинственным и чужим на болотах, как его хозяин.

Ехали осторожно: справа и слева подозрительно булькала темная жижа. Запах гари, вскоре появившийся в воздухе, подсказал путешественникам: скоро деревня углежогов. Действительно, тропа привела их к домикам-норам, где охотник и зверолов увидели вчерашнего кашляющего старика.

– Скажи-ка, углежог, нам к знахарке по этой дороге? – указал рукой на север Тимша.

– Да! Поезжайте все прямо, прямо. А где Мур? – кашляя, проговорил старик.

– Дома. А скажи, старик, Мура ты хорошо знаешь? – поинтересовался Синигир.

– Знаю, знаю давненько... Я еще молодой был... – заявил старик.

Путники изумленно переглянулись.

– А откуда он пришел на болота? – продолжил спрашивать Синигир.

– То мне неизвестно. Издалека явился... Бледный, немощный...

– Ты ничего не путаешь, старик? – недоверчиво усмехнулся охотник, – Мур не выглядит больным.

– Много лет прошло с тех пор, – проскрипел старик, – если бы ни Мур, трудно бы мы жили. А с ним дела пошли в гору. Необыкновенный он, и все умеет, а работает за троих. Он так заботится о нас! Ежели поедете к знахарке, то увидите с правой стороны от тропы каменные дома – мы смогли построить такое жилье для себя благодаря Муру.

– Мур не похож на простого углежого, – осторожно заметил Синигир.

– А он и не простой, – загадочно ответил старик.

Но что он имел в виду, зверолов и охотник так и не узнали: старик заговорил тише, потом закашлялся и перестал обращать на путников внимания – им ничего не оставалось, как поехать дальше. Вскоре они повернули направо, потому что других троп не было.

Унылая природа и чехарда мыслей в головах путников не располагали к разговорам. Кони, словно угнетенные мрачностью болот, едва плелись, несмотря на ночной отдых и понукания всадников. Впрочем, вскоре путники прекратили попытки заставить лошадей двигаться скорее, поняв их бесполезность. Они медленно ехали, а мимо проплывали плоские черные холмы, темные болотистые поляны, редкий полусухой кустарник и – (старик-углежог оказался прав) каменные дома углежогов, то тут, то там торчащие среди болот, высокие, как свечи.

Тимша без усталости вертел головой, вдыхал полной грудью воздух и время от времени призывал Синигира посмотреть то налево, то направо, находя в невзрачных пейзажах какие-

то особенные прелести. Синигир только головой качал, удивляясь неумимости и жизнерадостности зверолова.

Путь казался бесконечным, впереди не видно было никаких признаков жилья, позади – тоже. Путешественники двигались, словно в никуда. Солнце затаилось где-то за пеленой облаков, было ни тепло, ни холодно, только ветер время от времени налетал непонятно откуда.

Потеряв счет времени, Синигир предложил передохнуть и перекусить.

– Но где мы остановимся? – отозвался зверолов, оглядывая окрестности, – жилья никакого не видно.

– Смотри: камень, – показал вперед охотник, разглядев зорким глазом небольшой серый камень недалеко от дороги.

Всадники спешили, отпустили коней, свернули на обочину и присели на камень спина к спине: Синигир лицом на север, Тимша – на юг.

– У меня из головы не выходят слова старика о Муре, – сказал Тимша, откусывая хлеб, – откуда он пришел на болота, и зачем?

– Да уж, мог бы поселиться в другом месте, – проговорил Синигир, – вот и знахарка живет на болотах. Как ты думаешь, почему? Она ведь лечит людей. А где тут люди?

– Всегда найдется тот, кому нужна помощь. К тому же, я уверен: на болотах растет множество чудесных трав. Даже воздух здесь пропитан запахом трав, чувствуешь? К тому же тут красиво. Как знахарка, интересно, станет тебя лечить? У нее, наверное, какие-то особые зелья есть, сваренные из растений, на болотах собранных.

Синигир не находил ничего интересного в том, что какая-то непонятная знахарка станет его лечить, и кроме запаха тины, ничего в воздухе не ощущал, и уж конечно, не видел ничего красивого в серой пустыне, что расстилалась вокруг.

– Знахарка скажет, что я здоров, – уверенно заявил он.

Не дождавшись ответа, охотник добавил уже менее уверенно:

– Гика маленькая, значит, в ней яда мало. А я большой.

Зверолов молчал. Синигир решил: наверное, упрямец понял, что зря настаивал на визите к знахарке. Он улыбнулся этой мысли и сказал:

– Слушай, а может, хватит с нас Черных болот? Давай вернемся на дорогу и поедем все-таки в Дювон.

Но договорить не успел: зверолов перебил его:

– Синигир, смотри!

Охотник взгляделся в горизонт, но кроме серого неба, смыкающегося вдаль с серой землей, ничего не заметил, потом повернул голову налево, направо и сказал:

– Ничего не вижу.

– Синигир! – опять окликнул спутника Тимша.

– Ладно, если ты настаиваешь, конечно, поедем дальше. Надо, пожалуй, поторопиться.

Тут Синигир встал и повернулся лицом на юг. Теперь они с Тимшей смотрели в одну сторону, и охотник, наконец, понял, что хотел сказать зверолов.

Оказывается, Тимша тревожно всматривался в черную точку, движущуюся по дороге.

– Что это? – спросил он, – похоже на птицу.

– Всадник, – уверенно произнес Синигир, – просто плащ у него развевается, как крылья.

– Ты уверен?

– Я охотник, и, если ты забыл, – лучший в Синем лесу! Вижу я прекрасно, – гордо напомнил Синигир.

– Я не ожидал встретить здесь кого-то.

– Он мчится, спешит. Неужели к знахарке? Ведь тропа ведет только к ее жилью.

– Видишь, – продолжая напряженно вглядываться вдаль, заметил Тимша, – знахарка пользуется спросом.

– Ни разу не посещал знахарок. Мало того, до встречи с тобой даже и не думал о них, — язвительно ответил Синигир.

– Тебе не знакомы повадки некоторых зверей. Знал бы, что гика ядовита – не ехали бы мы сейчас лечиться.

– Я охотник! – возмутился Синигир, – зачем мне какая-то гика?

– Никогда не ведаешь, какое знание может пригодиться, – задумчиво возразил зверолов.

И добавил:

– Но все-таки похож этот всадник на черную птицу!

– Я же говорю: на нем плащ, черный, длинный...

Тут Синигир умолк. Он нахмурился, поняв, кто этот всадник.

– Тимша, ты видишь?

– Да, теперь вижу. Точно, всадник. Он так быстро приближается! Хороший у него конь.

– Я думаю, он преследует нас.

– Нас преследует?! – изумился Тимша, – да кто нас знает в этих краях?

– Кое-кто все-таки с нами знаком.

Зверолов взглянул на товарища широко распахнувшимися глазами:

– Кто?

– Силы небесные! Кого мы знаем на болотах? Кто имеет черный длинный плащ?

– Мур?! Но зачем ему нас преследовать? – непонимающие глаза юноши округлились и еще стали еще больше, превратившись в темные озера.

– Сейчас проясним.

Синигир, не сводя глаз с черного всадника, передал Тимше разговор с углежогом.

– Он уговаривал меня ехать сразу в Дювон, а теперь вот зачем-то догоняет, – заключил охотник.

– Почему сразу не рассказал? Я думал: ты его подговаривал, чтоб избежать визита к знахарке.

Между тем черный конь мчал хозяина, и уже ясно можно было различить фигуру всадника, хотя лица не было видно.

Путешественники примолкли, ожидая преследователя. В пустоте пасмурного пейзажа беззвучно, но стремительно приближающийся всадник казался ненастоящим, сказочным и, действительно, похожим на большую черную птицу.

Через несколько минут зверолов понял: Синигир не ошибся. Их действительно догнал Мур.

Он, подлетев к стоящим, легко спрыгнул с разгоряченного коня – черный плащ взлетел, словно Мур взмахнул крыльями, потом опустился. Помедлив мгновение, Мур вплотную приблизился к встревоженным путникам.

На мрачном лице углежого ничего нельзя было прочитать – зверолов и охотник ждали, что же он скажет. Но так как преследователь не спешил начать разговор, Тимша, не выдержав, начал первым:

– Что случилось, Мур? Ты нас догонял или тоже к знахарке едешь?

Мур не ответил, смотрел в даль болот, сурово сдвинув брови. Молчание затянулось, даже Тимша, не говоря ни слова, смотрел в непроницаемые глаза углежого, словно замороженный. Теснились на небе серые облака, не пропуская лучи солнца, ветер посвежел, усилившись, играл полами длинного плаща Мура, грозил сбросить капюшон с его головы.

– Вы удивлены, – наконец проговорил Мур, – но я хотел, вернее, вынужден, поговорить с вами.

Он был мрачен и хмур – путники не стали возражать, а просто ждали, как Мур будет действовать дальше. Углежог же, к их удивлению, попросил зверолова еще раз подробно рассказать, что именно тот видел ранним утром в Синем лесу.

Тимша не заставил себя упрашивать и бодро начал:

– Звероловы отправляются в лес с первым лучом солнца...

Мур терпеливо слушал о том, как звероловы ставят ловушки в тех местечках леса, которые только они знают, как по утрам забирают добычу.

Когда зверолов на мгновение замолчал, переводя дух, Синигир воспользовался паузой и заметил, указывая на горизонт:

– Я пока не очень понимаю, Мур, твоего интереса к жизни звероловов, но то, что день истекает стремительно, вижу хорошо: вон, горизонт скоро потемнеет. Провести же ночь на болоте мне совсем не хочется.

Углежог бросил на охотника мрачный взгляд и обратился к Тимше:

– Прошу: расскажи, только очень подробно, именно про то утро. Как увидел вот его.

– Синигира? – уточнил Тимша.

– Да то был не я! – воскликнул охотник нетерпеливо.

– Он говорит, что не был в лесу, – развел руками Тимша, – а как же не был, если был!

– Ты видел его?

Тимша принялся подробно объяснять про особенные охотничьи сапоги и куртку.

– И самое главное: перед тем, как скрыться, он повернулся – я рассмотрел лицо! Лицо Синигира, – таинственно закончил Тимша и, переведя дух, вопросительно уставился на Мура.

Тот же в глубокой задумчивости опустил голову – капюшон скользнул вниз, отгородив своего хозяина от собеседников.

Ветер стал еще сильнее; пропитанный болотной сыростью, теперь он пронизывал насквозь.

– А потом охотник пропал, исчез, – продолжил Тимша, – я бросился за ним в чащу, а он словно растворился.

– Скажи, – углежог поднял голову и вперил в юношу горящие глаза, – а утро было пасмурное?

– Это имеет значение? – вмешался охотник.

– Да! – с металлом в голосе отрезал углежог.

– Нет, солнце всходило и... – растерянно пытался пояснить Тимша.

– Отвечай толком! – грозно потребовал углежог.

Ветер, наконец, добился своего: скинул с головы капюшон и принялся трепать черные длинные кудри, но Мур не обращал на это внимания: застыв в ожидании ответа, словно решалась его судьба, он хмурился, а темные глаза углежога полыхали мрачным огнем.

– Утро не было пасмурным. В Синем лесу никогда не бывает пасмурно, даже, когда дождь, все равно светит солнце, – ответил за своего растерявшегося спутника Синигир.

Пока охотник говорил, черты лица Мура понемногу утрачивали суровость, поза стала менее напряженной, хотя он продолжал мрачно хмуриться. Но тут Тимша, обретший дар речи, вдруг заметил:

– Но в то утро стоял очень густой туман. Если это важно.

– Что? – спросил углежог так тихо, что за порывами ветра спутники едва услышали его.

– Туман, густой и белый, – повторил Тимша, – и, если бы охотник, или кто это был, не прошел совсем близко, я бы не разглядел его.

– Все-таки *глот*, – пробормотал непонятно Мур и, будто лишившись всех жизненных сил, рухнул на камень и закрыл лицо руками.

– Силы неба! Мур, что случилось? – тревожно заговорили охотник и зверолов, которых очень удивило поведение углежога.

Мур убрал от лица руки, и путешественники увидели его глаза, полные отчаянной решимости. Миг слабости прошел, углежог поднялся и произнес:

– Послушайте! Для того, чтобы вы поняли, что происходит и может произойти в дальнейшем, я вынужден рассказать вам одну историю. Здесь не совсем подходящее место для долгой беседы. Если вы оставите мысль посетить знахарку, мы повернем на юго-запад, пересечем болото – тогда окажемся в Бурой пустоши. К ночи попадем в таверну. А утром по прямой дороге, что идет вдоль пустоши, а потом поворачивает на юг, вы отправитесь в Дювон.

– Мы согласны! – поспешно воскликнул Тимша, – а, Синигир? Ведь ты, правда, выглядишь здоровым. А Черные болота... я очень бы хотел увидеть их во всей красе, но – в другой раз.

– Подожди, – более рассудительный охотник не спешил принимать решение, – а зачем нам знать какую-то историю? Почему мы должны менять наши планы?

– То, о чем вы узнаете, имеет к вашему происшествию самое прямое отношение. Хотя меньше всего я хочу, чтобы это было так. И предупреждаю: все сказанное мною должно остаться тайной. Во всяком случае, пока.

– Хорошо. Тогда едем, – радуясь в глубине души, согласился и Синигир, – в путь!

Всадники вскочили на лошадей, направили их на юго-запад, где вилась едва заметная тропка, ведущая в сторону от Черных болот. Ехать пришлось гуськом, потому – молча, так что у путников было время подумать.

Каждый размышлял о своем: один о том, что, возможно, вот-вот узнает тайну удивительного человека, другой – что не надо, хвала небу, ехать к знахарке, ведь кто их знает, этих то ли знахарок, то ли ведьм. А третий погрузился в мрачные мысли о будущем и прошлом. Впрочем, в какой-то момент все трое подумали об одном: как за два дня изменилась их жизнь!

Углежог, ехавший впереди, вырвался вперед так, что вынужден был вернуться.

– Твой конь так вынослив, – заметил Синигир, – а наши что-то совсем не хотят поспешить.

– Ведь он... Я хотел сказать: Вереск долго живет здесь, – с запинкой объяснил Мур, – он привык к здешнему воздуху. Ваши же лошади надышались испарениями болот.

– Что же с ними теперь будет? – огорчился Тимша, похлопав свою толстушку-кобылку по пятнистой шее.

– Скоро мы покинем болота, и они станут резвыми по-прежнему, – ответил Мур и вновь пустил Вереса вскачь.

Солнце, надежно спрятавшееся за пеленой облаков, решило уже отправиться на ночлег, когда путники подъехали, наконец, к строению с башенками, расположенными по углам темно-красной черепичной крыши. Дом, огороженный невысокой живой, хотя довольно чахлой, изгородью, одиноко торчал на участке земли между дорогой и серым пустынным полем. На вывеске красовалась хвастливая надпись: «Дикая утка. Лучшее жаркое».

Спешившись, всадники постучали в деревянную тяжелую дверь. На стук появился хозяин. Он гостеприимно пригласил путников войти, а сам пообещал позаботиться о лошадях.

Трое вошли внутрь, расположились за столом, куда им подали еду.

– Что это за место? – с любопытством оглядывал помещение Тимша.

– Таверна расположена на краю Черных болот, у границы с Бурой пустошью. Здесь мы заночуем, – пояснил Мур.

Он выглядел усталым и мрачным, и неохотно принялся за еду, казалось, только лишь потому, чтобы не отвечать на вопросы Тимши. Синигир недовольно рассматривал принесенные блюда, потом проворчал:

– Совсем черствый пирог, а сыра хозяин подал, словно где-то украл. И где же «лучшее жаркое»?

– Не придирайся, – посоветовал весело Тимша, которому все нравилось – еду он поглощал с удовольствием.

Юноша успевал еще вертеть головой и по привычке говорить сам с собой. Все вызывало у него живой интерес.

– А что за люди? – он указывал на пару мужчин, сидящих за столом у окна.

Затем сам отвечал на свой вопрос, поскольку его спутники молчали.

– Наверное, ремесленники или мастера.

Через минуту он воскликнул:

– А пирог – с яблоками! Чай – из остролиста!

Еще через минуту:

– Фонарь так затейливо кованый! Искусная работа. Только проржавел немного.

Эта оживленная беседа зверолова самого с собой, в конце концов, отвлекла Мура от тяжелых мыслей. Он взглянул на фонарь:

– Верно, совсем состарился.

– Интересно, почему хозяин не купит новый? – обрадовался Тимша словам Мура: юноше не терпелось услышать обещанную историю, а раз углежог заговорил, значит – скоро тайна раскроется.

– Он и еду не купил, – пробормотал охотник, не разделяя воодушевления зверолова.

Углежог обратился к Тимше:

– Ты, похоже, никогда не бывал в этих краях?

– Кроме Синего леса – ни в каких краях я не бывал, – с сожалением признался зверолов.

– Как? – не согласился Синигир, – ты уже посетил Бурую пустошь и даже – немного Черные болота.

– Кто бы мне сказал об этом еще недавно, – улыбнулся Тимша.

– Да уж, – мрачно проговорил Мур, – если бы мне недавно кто-либо сказал...

– О чем? Не о том же, что ты увидишь Бурые пустоши и Черные болота, – пробурчал Синигир.

Он был недоволен ужином, потому подозвал хозяина и предложил несколько золотых монет за вкусную еду, если таковая имеется в запасе. Хозяин раскланялся, извинился: «Вы бы сразу сказали! А еда есть, только цены-то кусаются»

Синигиру пришлось добавить еще денег – вскоре на столе появились и печеные овощи, и жаркое – курица, зажаренная на вертеле.

Охотник, наконец, подкрепившись достаточно вкусным, в соответствии с возможностями «Дикой утки» и заплаченными деньгами, ужином, пришел в хорошее состояние духа; впрочем, это произошло еще и от того, что не надо было встречаться со знахаркой, и что болота были уже позади.

– Что же, углежог с Черных болот, может, поведаешь свою историю? – обратился он к Муру, который к вновь доставленной еде даже не притронулся, был хмур и молчалив.

Тимша даже подпер рукой щеку, всем видом показывая готовность внимать рассказу таинственного углежoga.

– О, небо! Никогда не думал, что стану рассказывать о том, что хотел бы забыть навсегда, да еще незнакомцам! Меньше всего на свете я бы хотел это сделать, – тяжело роняя слова, произнес углежог.

– Почему? Мы ведь уже не просто познакомились, а подружились, – наивно распахнул доверчивые глаза-озера Тимша.

Синигир хмыкнул в кружку с чаем, а Мур внимательно посмотрел на зверолова.

– Ну, что ж, – задумчиво проговорил он после минуты молчания и разглядывания Тимши, – есть доля истины в твоих словах, зверолов Тимша из Синего леса. Наверное, мы подружились.

– Ты не похож на дружелюбного человека, – скривил губы в усмешке Синигир, – скорее, ты – нелюдим.

– Вы видели, где и как я живу. Так уж сложилось: у меня давно нет друзей, да я и не стремлюсь иметь их с тех пор, как испытал всю горечь предательства.

Печально прозвучали слова углежого. Зверолов и охотник молчали. Да и что тут можно сказать? Их мир был другим: светлым, радостным, наполненным ежедневными необременительными заботами, любимым ремеслом, веселыми добрыми приятелями, может, правда, порой излишне разговорчивыми. Непонятная жизнь в чужих краях, открывшаяся путешественникам, удивляла, казалась почти невозможной.

– Почему же ты ничего не изменишь? – осторожно спросил Тимша.

– Изменить что-либо не в моей власти, но речь вовсе не обо мне. Хотя, поверьте, если бы не страшное происшествие в вашем лесу, о котором вы рассказали, я никогда не стал бы ворошить прошлое.

– Какое происшествие? То, что я встретил Синигира? – шепотом спросил зверолов, округлив глаза.

– Устал повторять: это был не я, – проворчал охотник, однако подвинулся поближе к столу.

Мур вздохнул и проговорил медленно, словно через силу:

– Что ж, слушайте.

Глава седьмая

в которой Мур рассказывает новую страшную сказку о карагаях, витарах, глode и убийстве, Тимша сожалеет, Синигир предполагает, подозревает и делает неутешительные выводы

– Между Непрístupными скалами и предгорьями на западе и двумя пологими склонами холмов на востоке расположился на ровной возвышенности чудесный город Дювон, Золотой город. В центре его находится дворец: огромный замок, построенный из ярко-желтого камня, с цветными окнами от потолка до пола, с пятью высокими разноцветными башнями, украшенными серебряными фигурками дроздов. Роскошные парки Дювона изумляют необычными фонтанами, прекрасными статуями рыцарей-карагаев, гротами, беседками, великолепными цветами, разнообразными деревьями. В Золотом городе повсюду царит аромат роз. Во всяком случае, так было много лет назад.

Мур замолчал. Пока он вел повествование своим чудным голосом, юный зверолов, слушал, зачарованно глядя на рассказчика. Когда повисла тишина, Тимша очнулся и выдохнул восхищенно:

– Как в сказке!

Мур вздохнул и продолжил. Говорил он не спеша, глядя мимо слушателей, словно рассматривая некую картину, нарисованную то ли воображением, то ли памятью.

– В Золотом городе живет верховный Бескид. Власть его велика: от Дювона до Синего леса он единственный судья и хранитель Книги законов и традиций. Вместе с ним следят за соблюдением законов и традиций карагаи – благородные и справедливые рыцари-всадники. То есть, следили... вот теперь и начинается мой рассказ.

Углежог вновь смолк, будто набирался сил. Синигир и Тимша терпеливо ждали продолжения истории. Ветер стучал в окошко, трещал огонь в печи, негромко переговаривались немногочисленные посетители таверны, гремел на кухне горшками хозяин... Тимша испытывал удивительное новое чувство, которые просто не мог удержать в себе, он наклонился к Синигиру и тихонько прошептал:

– Мне кажется: все не со мной происходит. Я как герой старой сказки! Вот попал в незнакомый мир, вокруг – чудесные существа.

Синигир пожал плечами и так же тихо ответил:

– Просто ты впервые оказался за пределами Синего леса, все здесь тебе незнакомо, и люди чужие. А сказки – выдумки.

Про себя же охотник подумал: «Совсем мальчишка – в сказки верит».

– Мур, ну что же рыцари-всадники? Ты начал говорить – они жили в Дювоне? – наконец решился выяснить нетерпеливый Тимша, сердито зыркнув на Синигира.

– Карагаи не просто жили когда-то в Дювоне, они его основали. Храбрые, сильные, благородные, они защищали Золотой город и его окрестности от воров, происков витаров, диких зверей, набегов толкунов, что обитали в предгорьях Непрístupных скал.

– А разве, – хриплым от волнения голосом спросил Тимша, – они... существуют?

– Кто «они»? – не понял Мур.

– Ну, толкуны.

И такое счастливое изумление отразилось на лице юноши, что суровый углежог едва заметно усмехнулся:

– Ты говоришь, будто надеясь, что это так. Но придется тебя разочаровать: вряд ли они еще живут где-то. Хотя, смею уверить, – огорчаться не стоит. Карлики-толкуны отличались злобой и коварством. Говорили, что они, ненавидя обитателей Золотого города и его окрестностей, наносили им увечья порой просто из-за косога взгляда или неловкого слова.

– А витары? – спросил Синигир, пока Тимша осмысливал сказанное Муром.

– О! Вижу, и тебя занимают сказки, – заметил Мур.

«А казалось, не слушал наш шепот», – подумал охотник и уточнил:

– Все-таки сказки?

– Так люди думают уже много лет. Взрослые рассказывают детям про карликов, ведьм, рыцарей-всадников чудесные героические истории. Хотя в те времена, о которых пойдет речь в моем повествовании, ни толкуны, ни карагаи, ни витары не казались какими-то сказочными существами.

– Так они были?! На самом деле?! – восхищенно выдохнул Тимша.

Он повернулся к Синигиру, и торжественно произнес:

– Я знал, знал!

– Положим, о том, что дювонские карагаи жили когда-то, известно всем, – отозвался Синигир, – славные герои, отважные и сильные. Ничего нового, углежог, ты мне не поведал.

– Ну, ладно – карлики, но жаль, что рыцарей-всадников уже не существует, – перебил товарища зверолов.

– Верховный Бескид, пожалуй, последний, хотя у него есть сын, если он унаследовал от отца природу карагая, то их двое, – задумчиво проговорил Мур.

– А куда все остальные подевались? Почему сейчас считают, будто они не жили никогда, и это все – сказки? – нетерпеливо спросил Тимша.

– Так вы не знаете, что приключилось в Дювоне много лет назад?

Юноша яростно pokrutil головой: «не знаем!», его распирало от любопытства так, что даже хотелось немного потрясти Мура за плечи, чтобы ускорить рассказ, хотя, конечно, такая мысль мгновенно покинула горячую голову зверолова.

– Все как жили, так и живут, никто никуда не делся. Обитатели Дювона — знатные господа – здравствуют, а на ближних холмах – Четвертом и Пятом, – а также меж ними, в долинах Межхолмья, на плодородной почве, садоводы выращивают фрукты, собирают яблоки, торговцы продают на рынках варенье из лепестков роз, а фермеры сажают овощи и разводят цесарок, которые пасутся на злчных лугах.

– Я имел в виду: карагаи и толкуны пропали, – пояснил Тимша, стараясь сдерживать свой пыл под насмешливым взглядом Синигира.

«Ну, припомню я тебе завтраки и на балконе, и в таверне! И купания! И кружечки!» – кипятился про себя зверолов, косясь на товарища.

Впрочем, Синигир мало занимал Тимшу: юноша был переполнен впечатлениями от услышанного и не чаял узнать продолжение повествования о рыцарях-всадниках. Но его ждало разочарование.

– Они погибли, – коротко бросил Мур, отводя, наконец, взгляд от темноты за окном.

– Как – погибли? – не понял Тимша.

Мур ничего не ответил.

Таверна «Дикая утка» к ночи опустела. Горел огромный камин, согревая путешественников, хозяин не пожалел для них вкусной еды. Все располагало к долгой интересной беседе.

Тимша решил добиться от Мура подробного рассказа. Юноша обожал сказки, и теперь представилась возможность услышать даже и не сказку – правду! Словам Мура Тимша, конечно, верил, но еще не совсем понимал их истинный смысл.

Он глянул на Синигира, не ожидая, конечно, в этом деле от него поддержки. Но вид охотника его удивил: Синигир не сводил синих широко раскрытых глаз с углежога, подавшись в его

сторону через стол. Тимше показалось, что у охотника даже ноздри раздуваются от напряжения. «Вот так, наверное, он выглядит во время охоты», – подумал юноша.

Синигир, почувствовав на себе взгляд зверолова, словно очнулся, откинулся на спинку стула.

Ох, силы небесные! Охотник просто нюхом чуял: неспроста затеял таинственный углежог Мур этот разговор. Что-то очень тревожное таится за спокойным его рассказом, и эта тревога уже потихоньку начинала сжимать сердце охотника.

– Погубила карагаев непонятная магия, – наконец проговорил углежог, – вот почему ваш рассказ так поразил меня.

Мур внимательно посмотрел на своих молчащих собеседников, будто пытался понять: стоит ли вести повествование дальше. Затем, словно решился, и продолжил:

– В те далекие времена люди знали, что в окрестностях Пяти холмов живут витары. Эти волшебники колдовали, не принося вреда жителям, часто даже помогая: предсказывали грозу, лечили животных и людей, улучшали урожай, помогали овладеть ремеслами. Хотя иногда, если сохли у кого-то посевы, гибли цыплята или гнили овощи, фермеры обвиняли в бедах именно чародеев: людям свойственно искать виноватых в своих несчастьях. Как только возникали недоразумения между фермерами и витарами, являлись храбрые карагаи, которые с древних времен под руководством верховного Бескида строго следили за соблюдением законов и традиций, и выясняли: умышленно нанесен вред или чародеи тут не причем. Впрочем, народ, побаиваясь чар, все-таки предпочитал находить с витарами общий язык.

Так и шла жизнь в Дювоне. Карагаи следили за порядком в Золотом городе и за его границами: от Непроступных западных скал до Синего леса, от побережья Бесконечного моря на юге до Черных болот на севере. Но чаще приходилось им бывать в западных предгорьях: там жили в Непроступных скалах толкуны – злобные карлики, совершавшие набеги на сады, огороды, воровавшие у фермеров живность да запасы еды.

Итак, карагаи стремились восстанавливать справедливость, защищали обитателей Дювона и окрестностей. Витары же старались не привлекать к себе внимания: законов не нарушали, традиции чтити, поэтому рыцари-всадники не ведали настоящей силы их магии, за что и поплатились жестоко.

Мур умолк, устало прикрыл глаза. Тимша, который слушал затаив дыхание, не мог произнести ни слова: так потрясли его слова Мура. Синигир же, дождавшись паузы, спросил:

– А ты, выходит, хорошо знаешь жизнь витаров?

– Только то, о чем рассказал.

– Витары жили среди людей, ничем не отличались от них? – поинтересовался охотник.

– Внешне не отличались.

– И они погубили рыцарей-всадников? – уточнил охотник.

– Тогда я был юн, вот, как он, – Мур кивнул на молчащего зверолова, – и, наверное, чего-то не понимал, да и сейчас, много лет спустя, я не знаю почти ничего. Ведомо мне только: страшная магия убила карагаев. Они погибли не в открытом бою с врагом, а подверглись какому-то ужасному колдовству.

Синигир с напряжением смотрел на рассказчика. И уже зрела в его голове мысль, но Синигир не хотел пока верить...

– Вы знаете, наверное, о том, что в Дювоне всегда стоит прекрасная погода: мягкие лучи солнца согревают землю, легкий ветерок несет приятные ароматы с полей и садов, в меру тепло, а когда идет дождь, солнце не перестает светить. Однако то роковое осеннее утро оказалось мрачным. Именно тогда произошло несчастье, положившее начало последующим бедам: одного из рыцарей-всадников принес котоврас со стороны предгорий, где карагай находился в дозоре у голубой реки. Бедняга был без чувств и умер, не приходя в себя, на следующий день. Решили, что его ранили мечом, тонким и острым, но такие мечи имелись лишь у рыца-

рей-всадников, потому данное обстоятельство только всех запутало – никто не понял причины гибели доблестного воина. Сгоряча решили: это дело рук толкунов. Однако оружием злобных карликов являлись палки, ножей и мечей они не имели – стало ясно: толкуны не причем.

Так и не узнав причины, погибшего предали земле, и через несколько дней, занятые своими заботами, люди, как это всегда бывает, постарались забыть о печальном происшествии.

Вскоре жизнь вошла в свое привычное русло. Стояла пора сбора урожая, и со своими вкусными товарами обитатели холмов чаще отправлялись на рынок. Надо сказать, что они к тому времени относились к витарам совсем плохо и все чаще доносили на них, обвиняя во всех бедах и неудачах. Однажды жители Четвертого холма, садоводы, донесли: витара, живущая на их холме, ходит на могилу рыцаря-всадника.

Верховный Бескид призвал витару к ответу. Люди шептались: именно она погубила несчастного. Говорили еще, что ведьма когда-то помогала людям выращивать урожай, но теперь не хочет или не может этого делать, а в чем состояла ее настоящая сила, никто не знал.

– Ты упоминал уже о «настоящей силе»? Как это? – поинтересовался Синигир.

– Витары обладали, как оказалось потом, необыкновенной силой: они могли призывать ураганы, заставить реки выходить из берегов или наоборот – высушивать, насыпать морок и сон, даже растения и животные подчинялись витарам.

Но вернемся к моей истории. О чем говорила витара с верховным Бескидом, неизвестно. С тех пор ее никто не видел. Но вскоре ранним, и опять же – хмурым утром, город разбудили ужасные вопли шедших на рынок: прямо посередине главной площади, у фонтана, лежал мертвый рыцарь-всадник. Настоящий страх охватил Дювон. Теперь взволновались все: садоводы с опаской ходили в дальние сады, фермеры стали бояться пасти птиц и кроликов на лугах, а рыцари-всадники рыскали по окрестностям в поисках невидимого врага.

Рыцаря-всадника похоронили и стали ломать голову, что же происходит. Странные эти смерти никто не мог объяснить. Если первого карагаю словно закололи мечом, то на спине второго обнаружили рану, но не такую уж страшную, чтобы от нее умереть. «Кто убил карагаев?» – спрашивали друг друга рыцари-всадники. Необычайное животное, если такое вдруг забрело в Дювон? Но тогда получалось: оно имело зубы или когти, острые, как мечи карагаев, способные умертвить или же просто царапалось? Однако любой зверь не мог напасть на доблестных воинов: возле тел не осталось никаких следов, хотя, когда первый рыцарь-всадник погиб, шел дождь, и на мокром речном песке обязательно бы остались отпечатки лап. К тому же карагаи отличались силой и храбростью – разве возможно, чтобы они не справились с каким-то зверем!

– Ну, тут можно поспорить, – подал голос Синигир, потирая руку, – звери бывают разные, и вид их порой обманчивый. Впрочем, это касается и людей.

Мур в очередной раз прервал повествование. Но спутники, погруженные в рассказ, словно очарованные голосом углежога, не торопили его. Сделав глоток остывшего чаю, Мур продолжал:

– Привычная жизнь нарушилась, жители окрестностей стали реже привозить в город товары, карагаи оплакивали своих друзей, каждый день ожидая собственной смерти, терялись в догадках: что происходит?

После раздумий и советов пришли к такому выводу: ужасная магия стала причиной гибели смелых и сильных мужчин. Обвинили во всем пропавшую витару с Четвертого холма: ведь зачем-то она ходила на могилу первого погибшего.

Верховный Бескид и его карагаи решили: гибель товарищей – дело рук витары, которая, скорее всего, обладала невероятной магией и убивала рыцарей-всадников из мести. Вспомнили, что на эту чародейку было множество доносов от садоводов – патрули карагаев часто навещали ведьму и требовали от нее объяснений.

Чтобы наказать коварных витаров, восстановить справедливость и порядок, верховный Бескид призвал своих верных карагаев на войну с чародейками.

Долго карагаи думать не стали – решили изгнать чародеев на далекие безжизненные Вонючие топи. Но исполнить свое решение рыцарям-всадникам оказалось не так-то просто: они знали, где обитали ведьмы с Пятого и Четвертого холмов, но о местонахождении других ничего не было известно. Патрули карагаев время от времени посещали холмы в поисках витаров, но напрасно.

Однако чародеи не покинули холмы: жили ли они у кого-то из людей или скрывались где-то еще, осталось тайной, но время от времени фермеры или садоводы доносили: видели витаров! Тогда начиналась охота. Поскольку волшебники обладали различными силами, о которых никто не знал, стали они опасными не только для рыцарей-всадников, но и для простых жителей. Витары портили дороги: вырастали вдруг на них, затрудняя преследование, непонятные растения с корневищами, в которых путались ноги котоврасов, и насылали всякие другие беды, Обитателям близлежащих холмов от этой войны был урон в хозяйстве: разрушались дома, погибал урожай.

Витары не собирались сдаваться, не желали уходить на Вонючие топи. Это и понятно: чародеи не могли, например, из воздуха сделать себе еду, воду, и знали: на Вонючих топях, на черной трясине, где ничего не растет, в том числе и чудодейственные травы, они просто погибнут.

Война становилась все более жестокой, жертвы в ней были неизбежны с обеих сторон, а ведь никто никогда не воевал на землях Дювона и окрестностей, где жизнь ценилась превыше всего, не наносил друг другу даже увечий. Рыцари-всадники в соответствии со сводом законов не могли убивать кого бы то ни было, а лишь пленить или лишить оружия. Но о тех мирных временах пришлось забыть. Верховный Бескид вынес решение и рыцари-всадники его поддержали: не щадить витаров, погубивших их товарищей! Рыцари-всадники, конечно, не убивали витаров, но уже старались их ранить, и погибнет ли кто-то из чародеев в этой войне, было лишь вопросом времени. Многие чары преодолели тогда доблестные карагаи, однако витары оказались опасны и коварны: один за другим рыцари-всадники не возвращались домой с охоты.

Шли дни, недели, осень была в самом разгаре. Прекрасна осень в Дювоне: цветы приобретают необычайно яркую окраску, вбирая в себя летнее тепло, осенью они невероятно ароматны и разнообразны. Великолепна и листва на деревьях: она сияет всеми цветами радуги... В окрестностях Дювона шла заготовка на зиму: повсюду сушились яблоки и груши, коптились тушки птиц, варилось варенье – осенний воздух пропитался запахом сладкой сливы или яблок, смешанный с дымом костров. Люди, забыв об ураганах, готовились хоть к короткой и теплой, но все же зиме.

В эти осенние дни сражения почти прекратились, но не потому, что витары сдались, просто найти их становилось все труднее, война же, невидимая простым жителям, продолжалась. Карагаи выслеживали чародеев, те скрывались, внезапно нанося удар: насылали на преследователей сон, бред, а то и столбняк, заставлявший часами стоять на месте. Магия отнимала у рыцарей-всадников на время память, слух и зрение. Чародеи, хоть было их всего пятеро, оказались сильнее втрое превосходящих их карагаев. Витары были могущественными и хитрыми, а ведь рыцари-всадники всегда считали: колдуны лишь травки собирают, варят зелья, чтоб лечить людей и животных, да урожай улучшить.

Время шло, настала зима. Зима в Дювоне также прекрасна: падают на землю легкие снежинки, серебрятся в лучах солнца; из труб идет сизый дымок, а ранний закат всегда розовый, от него и снег тоже розовый...

Раз один рыцарь-всадник выследил витару, которая, как оказалась, скрывалась на восточном склоне Пятого холма в лачужке собирателя грибов, и напал на нее. Ведьма бросилась вверх по холму, при этом настав на своего противника сильный ветер. Битва развернулась прямо среди домиков местных жителей. Ураган разыгрался не на шутку: поднимал в воздух домашнюю птицу, унося ее в неизвестном направлении, валил легкие камышовые заборчики,

и даже сносил крыши с домиков, что в живописном беспорядке расположены на склонах холма. В довершение картины хлынул страшный град, грозящий пробить тонкие крыши фермерских домиков, если их до того не снесет ураганный ветер, и оставить людей в зимнее время без жилья! Тогда рыцарь-всадник, чтобы спасти фермеров, решился: изловчился и нанес ведьме сильный удар мечом, ранив ее, сковал цепью и отвез в мрачный глубокий подвал дювонского замка.

Потом карагай отправился домой, чтобы отдохнуть после нескольких суток преследования врага.

День был мрачный, но к таким уже начинали привыкать обитатели Дювона. Рыцарь-всадник шел по главной площади Дювона под хмурым низким, затянутым тучами небом. И вдруг... вдруг он увидел у фонтана, недалеко от дворца то, что заставило его просто оцепенеть на мгновение: карагай рассмотрел в сизой дымке ночного фонаря плененную ведьму. Рыцарь-всадник бросился за негодяйкой, но та, свернув за угол Коричневой башни, пропала. Тогда изумленный, растерянный карагай вернулся во дворец, сам не понимая, зачем это делает, спустился в подвал, зная – он пуст! Однако в углу, на низкой деревянной лежанке он увидел ее: окровавленную, лохматую, в рваной и грязной одежде.

Рыцарь-всадник бросился к витаре, принялся приводить в чувство, пытаясь выяснить, как такое может быть, что она – и здесь, и там?

Ведьма пришла в себя, глаза ее при виде противника сверкнули. Когда она поняла вопрос, собрав последние силы, прошептала:

– Ах, карагаи! Вы гоните нас, а теперь сами умрете, потому что не знаете: древняя ужасная магия пришла в Дювон... Не витары с холмов убивают вас...

Рыцарь-всадник не поверил:

– Лжешь! Это кто-то из вас!

– Был использован эликсир, а *глот* умеет принимать чужой облик, запомни, – прерывисто шептала женщина, – *глот* – это магия, страшная, сильная – она убивает вас и нас, и убьет всех.

– Но почему я должен верить тебе?! – воскликнул карагай, в глубине души чувствуя: ведьма говорит правду, хотя мало что понимал.

– Когда чернеют зеркала... – простонала несчастная.

И зашептала карагаю в самое ухо:

*Когда чернеют зеркала,
С болот туман идет,
Он превращается тогда
В того, кого найдет.
И страшные вершит дела
Ужасный злобный глот.
Когда чернеют зеркала,
Погибнет наш народ.*

Рыцарь-всадник испытывал неведомое ему дотоле чувство страха, слушая ее яростный шепот. Он сообразил теперь: карагаи напрасно изгоняли витаров, а ведьма, преодолевая боль и страдания, говорит правду, пытается предупредить о беде.

Что-то перевернулась в душе карагая в эти мгновения.

– Никто не защитит Дювон, – меж тем произнесла витара из последних сил.

Рыцарь-всадник, которого потрясли слова раненой, ее ужасный облик, кровь на груди, вдруг осознал: в пылу боя не рассчитал силу удара – ранил ведьму смертельно.

– Отвези меня, – проговорила несчастная из последних сил, – на Черные болота и оставь там, на развилке троп, у большего Белого камня...

Не веря в происходящее, карагай лихорадочно перебирал в уме способы, как помочь витаре, но раненая вдруг закатила глаза, а через мгновение он понял: ведьма умерла.

До глубокой ночи юный карагай не мог прийти в себя: думал, думал... А рядом лежала убитая им чародейка. Рыцарь-всадник понимал: сам того не желая, он перешагнул черту – начало убийствам положено. Никто никогда никого не убивал в чудесном Золотом городе – он стал первым.

Потом карагай отвез тело витары на болота, как она просила, и оставил у большего Белого камня.

Мур замолчал – стало так тихо, что слышался треск свечи и шуршание мышей где-то под полом.

Потом Тимша разочарованно проговорил:

– Я-то всегда думал, что рыцари-всадники – герои, а оно вон как... И витару мне жалко. Грустная какая сказка, страшная.

– Жаль, что это не сказка, – ответил Мур словно через силу: он будто истощил весь запас сил: был бледен и прикрыл глаза.

– Да-а.. – протянул Синигир, обращаясь к рассказчику, – тебя послушать, так чародеи не виноваты в смерти карагаев.

Мур взглянул мрачно:

– Так сказала умирающая витара несчастному рыцарю-всаднику.

– Что же было потом? – нетерпеливо спросил Тимша.

– Рыцарь-всадник отправился к верховному Бескиду и рассказал ему и об убийстве ведьмы, и о *глоде*. Тот собрал нескольких оставшихся в живых карагаев в зале Совета. Однако, рыцари-всадники, узнав о гибели витары, гневно осудили товарища, назвав его убийцей, а о *глоде* и слушать не стали. Напротив, они, опасаясь за свою жизнь и желая покарать виноватых в смерти товарищей, еще больше ожесточились против чародеев, желая изгнать их из окрестностей Дювона любой ценой.

Карагай ожидал гнева и еще чего угодно от оставшихся в живых рыцарей-всадников, но они не пожелали даже выслушать его. Карагаи в один голос заявили: не время проявлять слабость и слушать врага. Сейчас, говорили храбрые карагаи, время войны!

Но в течение следующих дней трагические непостижимые события произошли в Дювоне: все рыцари-всадники погибли один за другим. Потом... потом изменился ход жизни в Дювоне. Но это уже не имеет отношения к делу. Важно то, что сейчас вновь появилось нечто, умеющее превращаться в кого-либо.

– «В того, кого найдет», – как бы про себя проговорил Тимша.

– Тогда, много лет назад, *глод* на какое-то время стал витарой. И я боюсь, что в Синем лесу в то туманное утро, ты, – углежог бросил мрачный взгляд на юношу, – видел магическое превращение, а вовсе не охотника.

– Вот! – Синигир поднял вверх указательный палец, потом ткнул им в сторону зверолова.

Тимша отмахнулся от него, воскликнул:

– То самое магическое превращение, что убивало карагаев? То, что погибшая витара назвала «*глод*»?

Мур кивнул:

– Слишком поздно несчастный понял: магия убивала рыцарей-всадников, а вовсе не чародеи. Теперь нет ни тех, ни других, а магия вернулась.

– А что карагай, убивший ведьму? – печально спросил Тимша.

– Он умер, как и все.

– Ах, как жаль! А витары?

– Они также исчезли, – мрачно проговорил Мур.

Углежог был бледен, черты лица заострились – на него страшно было смотреть.

– Я никогда не думал, что раньше в Дювоне было такое горе. Все знают: Золотой город – счастливое чудесное место. Я никак не ожидал такого печального и страшного рассказа, – сказал юноша.

– Чудно все как-то. Почему, в самом деле, никому не ведомо об этих ужасных событиях, – заметил задумчиво Синигир.

– Все случилось очень давно: действующие лица той войны погибли, а простые люди ничего не знали, а если и знали, постарались поскорее забыть – ведь никому не хочется помнить то, что пугает.

– Но в честь карагаев проводят парады, о них сказки сложили, – возразил Тимша.

– Да, они стали персонажами сказок о ведьмах и злых карликах, не так ли? – криво усмехнулся Мур, – но не в этом дело. Теперь, когда нет в Дювоне карагаев, некому сражаться со страшной магией, и что ждет Золотой город, только небу известно.

– А какой прок был *глову* убивать карагаев? – потер лоб Синигир.

– Не могу ответить, – словно через силу произнес Мур, – однако возвращение магии вполне может означать, что она хочет убить еще.

– Но, если я столкнулся с магией в Синем лесу, может, *глов* угрожает звероловам? – распахнул глаза Тимша.

– Тише, прошу, – вновь оглянулся по сторонам Мур.

Но он тревожился напрасно: час был поздний, таверна давно опустела, даже хозяин отправился спать.

– Почему «тише»? – тоже оглядываясь, прошептал Тимша.

Углежог встал, подложил дров в камин, потом, повернувшись к спутникам, сказал:

– Не стоит кричать о событии, значения которого мы толком не знаем.

– Нужно решить, с чего мы начнем, – нарушил молчание Тимша.

– Что начнем? – удивился охотник.

– Мы ехали в Дювон, чтобы понять и разобраться: кого же я встретил в лесу? Теперь оказывается: то был *глов*.

– Выходит, мы разобрались, – Синигир неожиданно поднялся, – пора спать.

– Как – спать?! – изумился юноша, – как разобрались?! Конечно, нет! Надо все обсудить и...

– Завтра и обсудим, – строго взглянув на зверолова, ответил Синигир, – утро покажет, что нам делать дальше.

– Но почему не сегодня, не сейчас?! – горячился зверолов.

Мур повернулся к камину, чтобы расшевелить дрова. Не оборачиваясь, произнес глухо:

– Ты прав, охотник: нужно отдохнуть перед завтрашней дорогой. Утром договорим.

– Но... – попытался возразить Тимша.

Однако Синигир уже решительно направился к двери в комнату и скрылся за ней.

Углежог молчал, а Тимша не хотел надоедать расспросами, поэтому, вздохнув несколько раз, решил дожидаться, пока Мур сам продолжит разговор. Однако через мгновение почувствовал: глаза просто слипаются. Он нехотя поднялся и последовал примеру Синигира: отправился спать.

В комнате для постояльцев было довольно просторно, но мебель отсутствовала – всего два места для сна да низкая скамья у камина. Тимша прошел осторожно, стараясь не разбудить товарища, поэтому вздрогнул, когда прозвучал бодрый голос охотника:

– Наконец-то, явился!

– Ты чего не спишь? – плюхнувшись на постель, удивился зверолов.

– Тебя жду.

– Мало того, что я тебя бужу по утрам, так еще должен укладывать спать?! – возмутился Тимша.

– Да, в последнее время мое пробуждение по утрам просто ужасно, – заявил Синигир, не замечая сарказма в словах юноши, – но жду я тебя для разговора. Что там Мур?

Тимша пожал плечами:

– Ничего. Думаю, тоже спать пошел.

– Хорошо, – Синигир приподнялся на локте, – что ты обо всем этом думаешь?

В свете луны, льющемся из окошка, зверолов заметил блеск встревоженных глаз охотника и – никаких признаков сна. Тимша вновь пожал плечами, но поскольку в темноте Синигир этого движения, обозначающего «не знаю», не увидел, он спросил уже требовательно:

– Как ты считаешь, его рассказу можно доверять?

– Конечно! А что тебя беспокоит?

– Да все! – громким шепотом произнес Синигир.

Тимша, помолчав, принялся по давней привычке говорить не спеша, словно сам с собой:

– История страшная и грустная. Я даже не знаю: рад ли, что узнал правду о рыцарях-всадниках и витарах. Раньше все было ясно: карагаи – герои, витаров они прогнали за пакости. Вроде как те были злые. Ну, может быть, кроме той, из Синего леса, что лечила зверей, – теперь-то понятно: она была. А после рассказа Мура все в голове смешалось.

Тут Тимша припомнил Синигиру свои слова:

– Я ведь и предлагал: давайте все обсудим, разберемся, а ты спать пошел.

Синигир сел на край лежанки, приблизившись к собеседнику, и тихо проговорил:

– Ты же видишь: я не сплю, я тоже хочу разобраться.

– Так почему прервал разговор?

– В отличие от тебя, я не доверяю ему, – охотник мотнул головой в сторону, что, видимо, значило «углежог».

– Но почему?!

– Давай с самого начала, – возбужденно сверкая глазами, сказал охотник, стараясь не повышать голос, – он подошел к тебе в таверне, сам подошел. Зачем?

– Из-за повозки, – уверенно ответил юноша.

– О небо! Как же ты неопытен! Неужели ты веришь в такие случайности?

– Какие «такие»? – не понял Тимша, пропустив «неопытен» мимо ушей.

– Ты видел меня... тьфу... не меня, а что ты там видел в лесу, и вдруг в захудалой таверне к тебе подходит человек, который, оказывается, знает разгадку! Он начинает разговор, потом становится нашим спутником, заявляет, что углежог, но и говорит, и живет вовсе не как углежог с Черных болот!

– Что ж, я тебе на это отвечу, – горячо произнес Тимша, – по твоим словам получается: все в тот день произошло неслучайно. Я взял с собой зверушек, потом тебя, прости за напоминание, укусила гика, то есть она нарочно тебя укусила?

– Ладно, – сердито зашептал Синигир, – ладно. Но, согласись, удивительное совпадение – наша встреча с Муром. Вот интересно, откуда он знает так подробно о войне карагаев и витаров?

Он встал, принялся прохаживаться по комнате, и в лунном свете зверолов разглядел: охотник даже не снял свои знаменитые сапоги, то есть спать не собирался.

– Откуда? – между тем продолжал Синигир уже тише, – откуда? Мур говорил так, словно сам был тогда в Дювоне.

Тимша поворачивая голову то направо, то налево, следил за передвижениями Синигира, потом предложил:

– А давай прямо спросим у Мура.

– Так он и ответил! – фыркнул охотник, – ты же зверолов – знаешь, что иногда зверя надо брать хитростью, а наш углежог – опасный и осторожный, не хуже барса.

– Но мне Мур не кажется опасным, – возразил Тимша, – просто, наверное, он что-то утаивает. Не считает нужным нас посвящать в какие-то свои тайны.

– Но он стал нашим спутником, и уже возложил на нас груз некой тайны! И раз так, должен рассказать все, до конца.

Синигир перестал вышагивать, уселся напротив зверолова, потер лоб, потом погрузил лицо в широкие ладони и затих. Разные путаные, но тревожные мысли метались в голове охотника. Пришедшая еще раньше догадка, теплившаяся где-то в самой глубине сознания, всплыла сейчас и требовала выхода.

– Послушай, – произнес Синигир, решившись, – допустим, Мур подошел к тебе из-за повозки. Но как получилось, что мы провели ночь у него в доме? Ведь мы-то этого не хотели! А потом, не знаю уж каким способом, он выведывает твою историю о встрече со мной ...о, силы неба! С непонятно кем в лесу! Ему удалось изменить наши планы. И, в конце концов, мы слушаем историю, которую никто не знает.

– Может, из старожиллов Дювона кому-нибудь она тоже известна, – возразил Тимша.

– Моя тетушка живет на Пятом холме, недалеко от Дювона: из окна ее дома видны городские башни. И она никогда не рассказывала о войне витаров с рыцарями-всадниками.

– У тебя, правда, есть тетушка? А я решил: ты придумал для Мура. Ты мне не говорил о ней, – прервал Тимша товарища.

Синигир невольно улыбнулся: юноша, по-видимому, считал, что должен знать об охотнике все, раз уж они путешествуют вместе.

– Не было случая, – пояснил он, – тем более, что в ней нет ничего особенного: милая добрая старая женщина, выращивает розы и варит варенье из их лепестков.

Тимша, вздохнув, улегся и мечтательно произнес:

– Мне от мамы осталась книга сказок... я и теперь иногда перелистываю ее, вспоминаю маму. Правда, там не говорилось, что карагаи погибли. Еще есть в книге картинки: рыцари-всадники в золотых доспехах на огромных котоврасах. Ах, какие чудесные эти кони! Морды у них, несмотря, что вытянутые, как у лошадей, словно человеческие лица с густыми бородами, а гривы, будто волосы, кудрявые и очень длинные, густые брови, глаза большие, яркие, так и полыхают голубым огнем! Картинки с ведьмами в книге тоже есть: страшные старухи и старики в черных длинных плащах с капюшонами.

– Это все замечательно, но вернемся к нашему таинственному знакомцу, – проговорил охотник, – согласишься, все это более, чем удивительно: мы, словно зачарованные, сделали все так, как он хотел. И такие подробности о жизни чародеев и рыцарей-всадников может знать лишь участник событий.

– Участник? – удивился Тимша.

– А тебе все еще не понятно? – Синигир говорил негромко, но Тимше казалось: он кричал.

– Но как он мог знать, что после этой встречи с тоб... с непонятно чем, я отправлюсь к тебе, а ты предложишь поехать в Дювон?

– Я не силен в магии, но Мур сегодня поведал нам, на что способны витары, – значительно сказал Синигир.

– В...в магии?

Синигир вновь принялся мерить шагами комнату, отрывисто бросая на ходу:

– Я ведь сразу говорил: какой он углежог! Черный плащ его только чего стоит.

– Причем тут плащ? – удивился юноша.

– Ты же знаток сказок! Как там одеты витары – ты сейчас только вспоминал, – Синигир остановился прямо перед звероловом и глянул ему прямо в глаза-озера.

– Так Мур кто, по-твоему? – спросил зверолов, уже предполагая, какой ответ услышит.

– О силы небесные! Он заморочил тебе голову! – воскликнул охотник, – очнись, Мур
—витар!

Глава восьмая

в которой появляется черное зеркало, звучит имя витары, Синигир принимает решение, Тимша радуется, Мур теряет терпение, Синигир широко улыбается, а пастушки говорят о происшествии

Утром Синигир и Тимша, не спавшие почти всю ночь, уныло сидели за столом и ждали появления Мура. Время шло, а таинственного спутника все не было. Наконец Синигир не выдержал:

– Ну, все! Больше не могу здесь сидеть. Пойду-ка, поговорю с хозяином.

– Зачем? – поинтересовался Тимша.

– Надо привести себя в порядок.

– Будешь мыться? – оживился юноша, – еще и завтрак закажешь повкуснее и побольше, в тарелочках и кружечках?

– Не твоё дело, – невозмутимо ответил Синигир, – сиди и жди своего витара. Ты же мечтал узнать поближе сказочных персонажей – вот как все удачно складывается, не так ли? Узнавай!

– Да уж, – зверолов вновь приуныл, – но что же я ему скажу?

– Помни наш разговор о хитрости, когда речь идет об опасном звере.

С этими словами Синигир отправился на поиски хозяина.

Тимша вздохнув, подумал о том, что охотнику легко рассуждать: он всегда относился к Муру с подозрением. А Тимшу в углежогe все восхищало, даже его таинственность. Может, Синигир ошибается, и Мур рассказал правду? Да и сам Мур не имел ничего общего с опасным злым хищником. Но вдруг он на самом деле витар?! От этой мысли у Тимши перехватило дыхание, но не от страха, а от восторга: после рассказа углежогa (или витара?) юноша был уверен, что чародеи не хотели причинить никому зла.

– О чем замечтался, зверолов из Синего леса? – раздался чудный голос, выведший Тимшу из задумчивости.

Зверолов внимательно и немного недоверчиво рассматривал Мура, который сел напротив. Был он мрачен, хмурился – лоб его прорезала вертикальная складка. Но зверолову показалось: Мур смотрит как-то бодрее, взгляд его темно-серых глаз ясен и открыт. Тимша, однако, не забыл наказ осторожного Синигира об опасностях, которыми грозило общение с витаром, и сказал:

– После твоей вчерашней истории я запутался: кто в той войне был прав, кто виноват?

– Иногда очень трудно разобраться. Каждый, наверное, прав и виноват в равной мере и по-своему, – ответил Мур, – я, к сожалению, понял это много лет спустя.

Тимша решил и прямо спросил:

– А откуда ты так подробно знаешь о тех событиях? В сказках все не так.

– На то они и сказки, – заметил Мур, – а я знаю эту страшную историю, потому что жил тогда в дювонском замке.

– Ах, вот как, – облегченно вздохнул Тимша, почему-то вполне поверив такому простому объяснению.

Помолчав, он принялся размышлять:

– Я всегда думал: сказки не лгут. В них карагаи прогнали витаров на Вонючие топи. Но если верить тебе, рыцари-всадники погибли – и кто же тогда прогнал чародеев?

– Видимо, тот, кто создавал легенды, решил изменить правду, чтобы не испортить сказку непонятным финалом, – сказал негромко Мур, оглядываясь на подошедшего с большим подносом улыбающегося хозяина.

Хозяин принялся расставлять на столе яства, приговаривая:

– Еда у нас нынче недешевая, но господин охотник так щедр!

«Ну, Синигир! Ничего не может отменить его привычек, и аппетит не пропадает! Да еще, наверное, и купается! Вот явится сейчас в белоснежной рубашке», – думал Тимша, невольно усмехаясь про себя. Он окинул взглядом замечательную еду и предложил собеседнику:

– Давай-ка есть.

– А охотник?

– Скоро придет, – пообещал Тимша, принимаясь за тушеного цыпленка.

Утро вступило в свои права; таверна наполнялась посетителями: торговцами, пастухами, ремесленниками. За окнами слышался скрип повозок, голоса, мычание коров, блеяние коз и овец, крики кур. Солнечный луч прокрался в помещение и заиграл на стенах веселыми зайчиками. Бодрое теплое ясное утро, а также прекрасный завтрак улучшили настроение Тимши, да и Мур уже не выглядел совсем уж мрачным.

– Если ты жил тогда во дворце, наверное, и настоящих карагаев видел и их удивительных коней, – обратился Тимша к собеседнику, подождав, когда хозяин, принесший, ко всему прочему, пироги и чай, отошел к другому столу.

– Видел, – просто ответил Мур.

– А витаров? – юноша даже дыхание затаил.

– И их тоже.

– Счастливей! – воскликнул восторженно Тимша, – а скажи...

Он только собрался напрямик спросить Мура, чем он занимался тогда в дювонском замке, как появился Синигир, конечно, нарядившись в изумительной белизны рубаху. Он легкой пружинистой походкой продвигался между столами, обратив на себя внимание присутствующих, особенно женского пола.

Охотник подсел к спутникам, окинул недовольным взглядом завтрак.

– Выглядит плохо, – заметил он.

– Отличная еда, вкусная, – возразил, разглядывая Синигира, Тимша.

Юноша никак не мог привыкнуть к особенностям поведения охотника: оно веселило, удивляло, и, если бы не серьезность ситуации, зверолов не преминул бы от души пошутить и над завтраком, и над рубашкой.

– Ну что ж, попробуем, – Синигир, несмотря на недовольство, с аппетитом занялся едой.

Однако наслаждался он недолго: мрачный углежог нарушил молчание:

– Так что же вы решили ночью?

Синигир не успел проглотить кусок пирога – от удивления тот застрял у него в горле. Охотник, расширив глаза, словно кричал зверолову: «Вот видишь, он точно витар!»

Но прямолинейный зверолов, не обращая внимания на взгляд Синигира, признался:

– Ничего не решили, хоть и не спали почти всю ночь.

Синигир, наконец, справился с пирогом и, пихнув Тимшу под столом ногой, строго произнес:

– Мы все думали, как же эта непонятная магия может подействовать на людей? Почему нашему зверолову она не навредила?

Мур мрачно взглянул на говорящего:

– Как магия действует? Убивает! Пока, как я понимаю, только нам совершенно случайно стало известно о возвращении *глода*, и, хвала небу, зверолов по неким причинам отделался только недоумением да обидой на тебя.

– Что же ты предлагаешь делать? – спросил Синигир.

– Вы отправитесь в Дювон, сообщите обо всем верховному Бескиду. Он старый мудрый карагай, оставшийся в живых в те суровые времена, а это о чем-то да говорит. Он обязан защищать Дювон, и, конечно, что-либо предпримет.

– А ты не поедешь с нами? – огорчился Тимша.

Зверолова не покидало огромное желание расспросить Мура подробнее о его жизни, а дальняя дорога позволила бы это сделать.

– Я навещу кое-кого, – уклончиво ответил углежог.

Тимша только собрался протестовать: в самом деле, если Мур счел нужным рассказать страшную правду, то зачем скрывать, куда и к кому он отправляется!

Однако Синигир кивнул, соглашаясь с углежогом, и почти радостно заявил:

– Ну, что ж, хорошо. Мы, как и хотели, держим путь в Дювон. Прощай, Мур!

Зверолов опешил: он не ожидал такого скорого прощания. Растерянно распахнув глаза, Тимша спросил:

– Мы уже расстаемся?

– Да, нельзя терять время, – Мур поднялся из-за стола, крикнул хозяина и вышел прочь.

Синигир удовлетворенно откинулся на высокую спинку стула и залпом выпил стакан яблочного сока. Хвала небу, Мур их покидает! Более подозрительного человека Синигир никогда не встречал, хотя в разных краях побывал и всяких людей видел. Охотник вполне доверял обостренному чувству опасности, которое подсказывало: «Будь осторожен!». Пока они с Тимшей будут добираться до Дювона, появится время поразмыслить и решить: витар Мур или нет.

– Ты так доволен от того, что Мур уезжает? – нарушил задумчивость товарища Тимша.

– Не стану скрывать, мне сразу стало легче.

– Ты боишься, что он чародей?

– Я ничего и никого не боюсь, – охотник спокойно принялся грызть сладкую морковь, – тем более – затворника-витара.

– Почему затворника?

– А потому: он живет на Черных болотах. Не слишком многолюдное место, не так ли? Может, нашего углежога рыцари-всадники изгнали на болота? Хотя Черные болота – не Вонючие топи, и жить там все-таки можно.

– Мур сказал: он знает про войну карагаев и витаров, потому что жил тогда в Дювоне, во дворце.

– А ты поверил! Что за простота? Витары коварны и хитры.

– Нет, чародеи вовсе не такие плохие, как все думают.

– Выходит, сказки все-все лгут насчет ведьм, и на самом деле они и мухи не обидят? И ураганы, морок и столбняк витары не насылали? Мур, которого ты так защищаешь, сам говорил об таких способностях витаров.

Тимша уныло опустил голову, а охотник заключил:

– Я предпочитаю держаться от них подальше.

– Ты же ничего не боишься? – едко заметил юноша.

– Я предпочитаю держаться от них подальше не потому, что боюсь. Знаешь, на охоте любой сюрприз обычно дорого обходится, поэтому я не люблю неожиданностей и того, чего не понимаю.

Синигир окликнул вошедшего хозяина, попросил приготовить запас еды и воды.

На дворе они застали Мура, готового к дороге, по-видимому, дальней: к седлу он привязал бочонок с водой и торбу с припасами еды.

– Прощай, Мур, – проговорил грустно Тимша, – может, когда-нибудь увидимся.

– Прощай и ты, Тимша, зверолов из Синего леса. Здесь дороги наши расходятся.

– Не печалься, – шепнул товарищу Синигир, – о чародеях лучше все же только читать в сказках.

Тимша повернулся, сердито взглянул в синие, с веселыми искрами глаза охотника и воскликнул:

– А ты... а ты лучше бы причесался – вон волосы торчат! Как же так?

Синигир пригладил широкой ладонью макушку:

– С зеркалом что-то произошло. Почернело – невозможно увидеть отражение.

Закончить фразу охотник не успел: Мур, уже вскочивший на коня, вдруг резким движением в одно мгновение вновь оказался на земле.

– Что? Повтори, что ты сказал, охотник! – потребовал он с нотками железа в голосе.

– Зеркало в таверне оказалось испорченным, все сделалось черным – я не разглядел в нем своего лица, – с готовностью пояснил Синигир, удивляясь в душе своей словоохотливости.

Мур стоял, застыв, словно мрачное изваяние, такое странное на фоне ясного солнечного неба.

– А что случилось? – осторожно спросил Синигир, потряхивая головой, словно освобождаясь от наваждения.

Охотник уже успел порадоваться расставанию с чародеем, а тут сам, своими словами остановил его!

– Мои опасения полностью подтвердились, – проговорил Мур, – *глод* здесь.

– Как – здесь? – Тимша даже оглянулся, будто ожидая увидеть *глода* возле чахлых кустов живой изгороди.

– Во всяком случае, он был тут, причем совсем недавно. Нужно спросить у хозяина, когда почернело зеркало.

– А причем тут зеркало? – спросил охотник, пока Тимша вернулся в таверну, чтобы поговорить с хозяином.

– В те времена, когда начали погибать рыцари-всадники, в замке почернели зеркала. Вспомни: витара говорила карагаю перед смертью: «*Когда чернеют зеркала... погибнет наш народ...*»

Тяжело захлопнулась дверь – это выбежал из таверны Тимша.

– Три дня! – переводя дух, объявил зверолов, – хозяин говорит: зеркало стало таким три дня назад.

– Ну, что же, – Мур похлопал Вереса по шее, – мне пора.

Выразительные глаза его потеплели, и он произнес немного печально:

– Прощайте, будьте осторожны. И расскажите обо всем верховному Бескиду.

– А ты куда теперь? – тревожно поинтересовался зверолов.

– Есть одно место... и там, может быть, живет, – Мур понизил голос, – живет одна витара, что сможет мне помочь.

– Ви-тара? Но ты говорил... – залепетал ошеломленный зверолов.

– Ты говорил: их уже не существует, – помог товарищу Синигир.

– Я не хотел рассказать о ней, но теперь, когда я уверен в возвращении *глода*... только вас прошу держать это в тайне. Конечно, надежда, что из моего путешествия выйдет толк, невелика. Однако больше мне обратиться не к некому.

– Где же она прячется? – спросил охотник

– На Вонючих топях.

– Но там нельзя жить! – хором воскликнули Синигир и Тимша.

– Годана – ведьма.

Углежог поправил упряжь и приготовился уже вскочить в седло, как вдруг охотник произнес решительно:

– погоди! Годана – ее имя, так ведь?

– Да.

– Что ты собираешься делать? – продолжал выяснять Синигир.

Тимша попытался что-то сказать, однако сдержался и теперь только смотрел и слушал, поворачивая голову то налево, то направо: в зависимости от того, кто говорил.

– Я должен найти *глода* и сразиться с ним, – сурово произнес углежог.

– Но где ты собрался искать *глода*?

– Надеюсь на подсказку Годаны.

– А если ты не найдешь ее? Она, может, и не живет уже на Вонючих топях – там ведь нет ни еды, ни воды.

– Я знаю одно: буду искать *глода*, с чьей-либо помощью или без нее, пока не найду.

– Но ведь даже карагаи не могли победить магию, – наконец произнес Тимша, воспользовавшись паузой.

– Они и не догадывались о ней. После рассказа о *глоде* витара умерла, а несчастному рыцарю-всаднику не поверили. Я думаю: только витары знают, как одолеть *глода*.

– Но ты можешь поехать с нами в Дювон! А там верховный Бескид пусть решает. Тем более он мудрый и опытный воин, – предложил Тимша.

Мур молча покачал головой: лицо его на мгновение исказилось, словно от боли.

– Дювон будет последним местом, куда я поеду, – произнес он не оборачиваясь.

Синигир выразительно посмотрел на Тимшу, тот, недоумевая, расширил глаза, в которых застыл вопрос. Охотник кивнул на спину Мура и на свою лошадь. Тут Тимша понял – не веря своему счастью, опрометью бросился к кобылке.

– Поехали! – воскликнул, прыгая в седло, охотник, – Мур! Что же ты?

– Вперед! – поддержал товарища зверолов, – в путь!

Мур оглянулся и увидел всадников, готовых двинуться в далекую дорогу – они были бодры и решительны, а Тимша так просто светился от радости.

– Вы хотите отправиться со мной на Вонючие топи? – спросил углежог негромко, не высказывая удивления.

– Мы едем с тобой, – коротко ответил Синигир, выехал за ворота и пустил коня галопом.

Мур и Тимша присоединились к охотнику. Они ехали молча: один был переполнен счастьем, другой – сомнениями, а третий, понурив голову, все думал о прошлом.

Синигир подстегнул жеребца и, оставив спутников позади, остановился, проверил свой лук и колчан, осмотрел, вынув из ножен, охотничий клинок. Он не доверял в начале пути своему сопернику-зверолову, но теперь радовался в глубине души, что именно Тимша стал его спутником в этом путешествии, которое из приятного неожиданно превратилось в опасное. Зверолов прямой и честный, никаких тайн и не имел – ему охотник мог доверять, а вот Мур...

Ехали Мур и юноша быстро, они догнали Синигира в том месте дороги, где на юге, за равниной, поросшей вначале мелким кустарником, а дальше – редкими деревьями, виднелись на вершине Второго холма крошечные домики под черепичными крышами.

– Смотрите! – восторженно указал на них Тимша, – тут ведь обитают ремесленники и мастера?

– Да, это они, – ответил Синигир, – но Второй холм не так живописен, как Четвертый или Пятый, да и жителей там гораздо больше. Если бы не гика, мы поехали бы по дороге Межхолмья, и ты бы разглядел все красоты холмов ближе.

«Я их видел», – чуть не сказал Тимша, однако удержался. В самом деле, как объяснишь, что рассматривал холмы совсем недавно, правда, во сне?

Охотник повернул голову на юг, махнул рукой в сторону холма:

– Смотри: вон высокий дом.

– Я не могу разглядеть. Ты охотник, у тебя глаз острый, – всматривался вдаль Тимша.

– Да, это так, – согласился Синигир, – зоркий глаз – достоинство охотника. Дом напоминает замок. Видишь: крыша синяя?

«Дом из сна! Вот так чудо! – подумал Тимша удивленно, – словно сон – вещий»

– А что это за дом? – спросил он.

– Там живет Звездочет. Второй холм самый высокий, вот он и построил там свой дворец – башню. А с крыши наблюдает за звездами через стеклянный купол.

– Вот эта да! – восторженно ахнул Тимша, – надо же – купол!

Некоторое время он озадаченно думал: как могло ему присниться то, что есть на самом деле? Но потом бросил это бесполезное занятие и стал осматриваться, приходя в все большее восхищение.

Юный зверолов был счастлив и едва сдерживался, чтобы не запеть одну из своих песенок или не рассмеяться громко, на всю пустошь. Он пока не совсем понимал, как произошло, что Синигир, мечтавший поскорее расстаться с углежогом, вдруг решил отправиться с ним, да еще и на Вонючие топи. Но это было и не важно! Главное: Тимша ехал, к тому же – с Синигиром и Муром, и куда – в гости к витаре! Вот что замечательно, а как и что будет – все потом. Тимше иногда даже казалось: он продолжает видеть сон, такой же чудесный, как тот, в таверне в первую ночь путешествия, только не грустный, а счастливый. Зверолов и верил, и не верил в осуществление своих сокровенных желаний: оказаться в гуще приключений, найти друзей, посетить другие края, да еще увидеть существ из сказок.

Между тем путники ехали дальше по каменистой дороге, оставляя справа Бурую пустошь, слева, вдалеке, – северный рыже-зеленый пологий склон Второго холма.

Ясный день был в разгаре. Тимша без усталости разговаривал то с охотником, то сам с собой. Углежог хранил молчание.

– Я знаю одного плотника, – рассказывал зверолов, – он как раз живет на Втором холме. Хороший плотник! Я научил его делать клетки.

Синигир рассмеялся в ответ:

– Да уж! Замечательный плотник – наученный звероловом! Скажи, как его зовут —никогда к нему не обращусь.

Юноша, не слушая Синигира, воскликнул:

– Какой огромный Второй холм! Я бывал... то есть хотел побывать... вернее, мог бы...

Тимша, привыкший говорить прямо, смутился и предпочел вообще замолчать – ему не хотелось слушать насмешки охотника после рассказа о своем странном сне.

Синигир не обратил внимания на лепет Тимши: он, чувствуя себя бывалым путешественником, пустился в объяснения:

– Лес на южном и восточном склонах Второго холма разрешено рубить лесорубам. На северном склоне, в деревнях, есть всяческие мастерские – я часто там бываю: покупаю в лавках ножи, стрелы, некоторые вещички...

Тут он замолчал, покосившись на зверолова: не вспомнит ли тот злополучный завтрак на балконе?

Но Тимша оглядывал окрестности: весь мир казался ему просто прекрасным, и даже тучка, появившаяся на горизонте и вызвавшая опасения Синигира, его не смутила.

– Разве это тучка! – беззаботно рассмеялся юноша на слова охотника о возможном дожде, – так, облако! Смотрите-ка, роцца, вон там! А это что за птица полетела?

Но через мгновение тучка, выросшая вдруг в тучищу, так и пролилась на землю, мгновенно промочив ошеломленного и примолкшего Тимшу; откуда-то взялся ветер, пробиравшийся через мокрую одежду до костей.

Когда хлынул дождь, Мур, не проронивший от начала пути ни слова, крикнул:

– Скорее! У роцци – таверна!

Затем, скинув с плеч плащ, бросил его Тимше, легкая куртка которого годилась лишь для ласкового Синего леса.

– Благодарю! – закутываясь в черный теплый плащ, пробормотал юноша.

Троица пришпорила лошадей и вскоре повернула налево. Вокруг бушевала непогода, серые облака заполонили небосвод – солнечного дня как ни бывало. Под скользящими копытами лошадей чавкала грязь – путникам невольно приходилось сдерживать их бег.

Когда, наконец, в пелене дождя мелькнули домики деревни, путешественники и их кони успели совсем промокнуть, устать и проголодаться. Таверна «Козочка» расположилась у обочины дороги, невысокий забор охватил ее кольцом. Под деревянным навесом толпились овцы и козы.

В таверне стоял гул голосов – из-за дождя козопасы собрались здесь за кружкой горячего ромашкового чая.

– Какой ливень! В Синем лесу такого не увидишь. Дождей у нас почти не бывает, а если вдруг пойдет дождик, то тихий и ласковый, и солнце не перестает светить. А ветер в Синий лес залетает редко, да и он гуляет высоко, у самых верхушек вековых елей, – снимая плащ и мокрую куртку, говорил зверолов.

Он потряс по-собачьи головой, рассыпав по сторонам дождевые капли.

– Нужно сесть ближе к огню, – оглянулся вокруг Синигир.

Путешественники выбрали стол у камина, где оказалось три свободных места, хотя там уже сидели посетители, вернее, посетительницы: две симпатичные пастушки.

Они с интересом, стараясь, впрочем, этого не показывать, делая вид, что им все равно, отнеслись к появлению незнакомцев. Девушки поправили непослушные кудряшки, выбившись из-под шапочек с затейливым узором, выпрямили спинки, зашущукались, то и дело посматривая на присевших за стол путешественников. Однако те не обратили на кокеток никакого внимания: усевшись, они попросили еды, какая имеется, и горячего травяного чая. Ели в полном молчании грибной суп и пироги, с удовольствием подставив промокшие спины огню, ярко полыхавшему в камине. Даже Синигир не изъявил желания съесть что-нибудь вкусненькое.

Девушки вскоре оставили попытки привлечь внимание путников, а может, их отпугнул мрачный вид Мура, но пастушки забыли о соседях и принялись болтать дальше.

– Говорят, будто бы это все ночью случилось, – щебетала розовощекая блондинка.

– А я знаю, что утром, – возразила рыженькая.

– Уж шуму было! – продолжила блондинка, пропустив слова собеседницы мимо ушей, – я даже на лугу услышала.

– Да уж, такого никто в деревне сроду не видывал, – закивала рыжеволосая и принялась за пирог.

Воспользовавшись тем, что рот товарки был занят, блондинка затараторила:

– Говорят: дед до сих пор дрожит от страха, лежит под лавкой ни жив ни мертв, все пожитки в поле бросил. А еще говорят, будто бы дождь хлынул, а потом – раз! И все! А я купила новые ленты! С этими чудесами совсем забыла показать.

– У кого купила? – перестала жевать рыженькая пастушка.

Однако ответить розовощекая болтушка не успела ответить: Мур повернулся в сторону девушек и строго спросил:

– О чем это вы?

От неожиданности обе вздрогнули и одинаково округлившимися глазами уставились на сурового углежога.

– О лентах! Она... – рыжая ткнула пухлым пальцем в блондинку, – купила новые...

– Нет, не о том! – голос Мура звучал как будто мягко, но так зловеще, что девушки совсем перепугались, растерялись и, казалось, клещами из них слова уже не вытянешь.

– Вы говорили о каком-то необычайном событии?

Мур, как ни старался говорить вкрадчиво и спокойно, – девицы упорно молчали.

– Что же за чудеса у вас приключились? – не оставлял Мур попыток добиться от подружек хоть звука.

Однако пастушки только смотрели на углежога, словно воды в рот набрав. Тот начал терять терпение – рука его сжалась в кулак, голос все еще звучал сдержанно, но вот-вот готов был загреметь на всю таверну:

– Что вы молчите? Вы меня понимаете?

– Девушки, – видя, какой оборот принимает дело, вмешался Синигир, – не бойтесь!

Он широко улыбнулся, тряхнул золотыми кудрями. Девушки перевели взгляды на него.

– Мой друг такой любопытный: все-то ему хочется знать, – продолжал весело охотник, – он немного суров и, верно, вас напугал?

Девушки по-прежнему безмолвствовали, теперь во все глаза глядя на Синигира.

– Понимаете, мы приехали издалека, из Синего леса, знаете о таком месте? – охотник улыбнулся еще шире.

Мур, хмурясь, а Тимша, – сдерживая смех, превратились в наблюдателей. Блондинка и рыжая продолжали молчать, будто бы и не обладали никогда даром речи.

– На вашем холме нам все незнакомо, – Синигир развел руками и смущенно улыбнулся – само очарование, – но теперь, когда мы встретили таких красивых девушек, надеемся услышать все здешние новости.

На этих словах пастушки смутились и опустили глаза. Поняв: ключик к их сердцам найден, Синигир принялся ковать железо, пока горячо: заказал еще пирог и две кружки чая.

– Мы много путешествуем, в разных краях побывали, – Синигир кивнул на молчащих товарищей, – но таких милашек видим впервые.

– В-в-первые? – пробормотала вдруг рыженькая, жеманно взяв кусок пирога с яблоком.

– Милашек? – проговорила блондинка и тоже потянулась за куском пирога.

Синигир, конечно, верил в успех своего обаяния, но то, что девушки, наконец, произнесли хоть слово, поразило на миг даже его – бравый охотник онемел не хуже девиц. Однако, быстро придя в себя, переглянувшись с товарищами, он принялся восхвалять красоту подруг дальше:

– Нигде, поверьте, от Непрístupных скал до Синего леса, нет таких симпатичных девушек. И мы очень рады встретить здесь, на Втором холме, красоток, которые...

Мур на этих словах даже зубами скрипнул.

– Которые так умны и приветливы, – закончил Синигир, под столом толкнув Мура ногой.

– А что у вас случилось? – спросил, решив, что уже можно вступить в беседу, Тимша, – уж не дикий ли зверь какой-нибудь завелся?

– Угадали, – кокетливо улыбнулась рыжеволосая пастушка, уплетая пирог и, кажется, перестав смущаться.

– Надо же! И что же за зверь? – придвигая поближе к девицам пороги, поинтересовался Синигир.

– Расскажите, – попросил Тимша, – мы ведь в зверях разбираемся. Вот я – зверолов, а вот он – охотник. Самый лучший в Синем лесу!

Девушки ели пироги, запивали их мятным чаем, стреляли глазками в удивительных путешественников, особенно в Синигира, но пока ничего толкового узнать от них не удавалось. Друзья понимали: надо набраться терпения.

– Вы из какой деревни? – спросил Синигир, – далеко отсюда?

– Наша деревня у круглого озера, что в дубовой роще. А здесь мы пасли овечек, – ответили освоившиеся пастушки, перебивая друг друга и хихикая.

– Так в дубовом лесу, наверное, водятся кабаны?

– Это кабан вас напугал? – подхватил Тимша.

– Ах, в нашем лесу никто не водится, – засмеялись подружки, – только свинопасы прогуливаются со своими хрюшками. Да и лес-то – десять дубов. Вот и весь лес.

– А утром что произошло? – попытался направить разговор в правильное русло охотник, улыбнувшись, на всякий случай, как можно шире.

– Не утром, а ночью, – проговорила с набитым ртом блондинка.

Ее розовые щеки стали еще розовее, она не спускала с охотника восхищенных глаз, однако и о пирогах не забывала.

– Как раз утром, – вмешалась рыжая, – дед бы ночью и не увидел ничего.

– А что же дед увидел? – приветливо спросил у нее Синигир, отводя взгляд от блондинки.

– Но он костер жег! От костра и свет, – не сдавалась блондинка.

Синигир повернул голову в ее сторону, но рыжая воскликнула:

– Крик на всю деревню стоял! Дед-то утром пришел, напуганный. Если б ночью он того зверя увидел, разве до утра бы досидел в поле один?

Синигир пробормотал:

– Все-таки зверь...

– Зверь! Дед испугался до смерти. Говорит: сколько живу на Втором холме, такого не видывал, – тараторила рыжая, не умолкая, совершенно перетянув на себя внимание Синигира.

– Как он выглядит? – охотник теперь улыбался только рыжей пастушке.

– Да как... Старый, седой совсем. Он козопас, – пожала плечами девушка.

– Кто? – не понял Синигир.

– Дед, – объяснила пастушка, – он один живет...

– Причем тут дед? – нетерпеливо перебил Тимша, – мы хотим о звере послушать.

Рыжая пастушка озадаченно умолкла.

– Дай я расскажу! – воспользовалась моментом розовощекая блондинка, поправила локоны и бодро начала:

– Дед пас себе коз...

– Про коз и деда мы уже слышали, – заметил Тимша.

Синигир сверкнул на него очами, и, повернувшись к девушке, улыбнулся ей и ласково кивнул.

– Ну, да про коз я говорила, – растерянно пробормотала пастушка.

Тут Мур поднялся и молча направился к выходу.

– Я с тобой, – вскочил за ним и Тимша.

Они вышли на крыльцо и теперь стояли, защищенные от непогоды навесом. Дождь продолжался, мягко шуршали листья под потоками воды, льющимися с крыши. Углежог с досадой произнес:

– Почему эти глупышки не послушались меня? Если бы не Синигир, ничего бы не узнали.

– А почему они должны тебя слушаться? – не понял Тимша, – ведь ты их еще и напугал.

– Нужно немедленно отправляться к этому деду, – перевел разговор Мур, – что за зверь такой у них завелся? Здесь дело нечисто.

– Может, просто большой зверь, – неуверенно предположил Тимша.

– Не верю я в такие совпадения: почему именно сейчас и так недалеко от пустоши случилось что-то очень необычное?

– Ты думаешь – это *глюд*? – тихо спросил зверолов, – он, выходит, превращается не только в витаров и охотников, но и в зверей?

– В того, кого встретит на своем пути.

Они помолчали, послушали стук капель, который нарушал какую-то, как казалось Тимше, зловещую тишину, царящую в сизых сумерках – даже козы и овечки не издавали ни звука.

– Пойду, пожалуй. Может, Синигиру удалось из пастушек что-то вытянуть, – нарушил Тимша молчание.

За столом беседа шла полным ходом. Синигир внимательно слушал, а девушки наперебой рассказывали, не забывая поправлять волосы и оборочки фартухов.

Тимша присел, радуясь теплу, исходящему от камина, и стал прислушиваться к разговору. Оказалось, явился он как раз вовремя: собеседницы Синигира подошли в своих историях к нужному моменту:

– Дед смотрит, а козы-то нет. Только рядом паслась – и вдруг пропала. Только темное то ли облако, то ли туман вместо козы.

– Подождите, – остановил Тимша пастушек, – я позову Мура.

– Того угрюмого и злого? – надула губки блондинка.

– Я его боюсь, – шепотом призналась рыжая.

– Он сама доброта, не обращайтесь внимания на его мрачный вид, – заверил Тимша, – и он обязательно должен вас послушать.

Тут зверолов посмотрел на Синигира, который качал головой и незаметно для подружек-пастушек делал товарищу страшные глаза, подумал и добавил:

– К тому же Мур от вашей красоты просто без ума. Он восхищается вами!

Девушки недоверчиво заулыбались, а Синигир удивленно хмыкнул, отметив про себя сообразительность юноши.

Тимша, вполне довольный собой, отправился за Муром. Через минуту оба вернулись. Пастушки благосклонно глянули на углежога, который не стал приветливее, но хотя бы уже, предупрежденный звероловом, не хмурился грозно.

– Так вы говорили о туче... – напомнил Синигир.

В конце концов, картина путешественникам представилась следующая: дед-козопас пред рассветом отправился со своим стадом в поле. Вдруг, откуда ни возьмись, появилась тучка и поглотила козу. Потом дед увидел: никакая это не туча, а страшный зверь с рогами, косматой бородой и огромными огненными крыльями.

– Идем к деду. Немедленно! – скомандовал Мур.

– Прощайте, крошки! – помахал Синигир растерянным, не ожидавшим такого скорого расставания пастушкам, и путники, подхватив успевшие просохнуть плащи и куртки, поспешили вон.

Девушки огорченно вздохнули, потом опять вздохнули и принялись с жаром обсуждать подробности встречи с красивым охотником из далекого Синего леса.

Глава девятая

в которой путники посещают Второй холм, свидетель повествует о звере, Мур говорит о неписанных законах и упоминает о портрете, после чего зверолов крайне изумляется

Дождь почти утих, уже синело меж облаками небо, и лучи заходящего солнца пытались пробиться кое-где сквозь эти облака.

– Нам туда, вон там – видите: растут дубовые деревья у пригорка, – махнул рукой Синигир в сторону видневшихся вдалеке печных труб над коричневыми крышами, утонувших в темной зелени листвы.

– Возьмем лошадей – и в путь, хорошо – недалеко.

С этими словами Тимша отправился в конюшню.

Синигир, растратив улыбку в разговоре с пастушками, очень серьезно спросил:

– Мур, ведь это... оно движется по какому-то пути: Синий лес, «Дикая утка», теперь – деревня... Но как ты угадываешь этот путь?

– Мы гонимся за ним, сами не подозревая об этом. Я лишь замечаю следы его пребывания там или тут.

Синигир невольно оглянулся по сторонам:

– Выходит, *глод* – зверь?

– Как магия выглядит на самом деле, я не ведаю. Витара тогда, много лет назад, сказала карагаю: *глод* принимает облик того, «кого найдет». Так и случилось, когда карагай увидел *глода* в облике витары из темницы. Потом в Синем лесу то же произошло с тобой и твоим другом.

Синигир хмыкнул:

– Я уже говорил: ты ошибаешься: зверолов мне не друг. Он терпеть не может охотников, а меня – более других.

– Я сказал о том, что вижу своими глазами, – возразил Мур.

Тут явился Тимша, подвел лошадей к крыльцу.

– А вот и я, – весело объявил он, – дождь-то закончился!

Действительно, последние капли упали с неба – оно засинело, подсвеченное робкими розовыми лучами заходящего солнца.

Путники ехали вдоль западного склона Второго холма, продвигаясь с севера на юг. Слева поднимался к небу, собственно, сам холм. С этой стороны он представлял собой рыжую глиняную гору на вершине, в центральной части был покрыт зеленой травкой, кое-где – невысокими деревцами и кустарником, а у подножия протянулся луг, который голубой лентой пересекала река. Справа, вдалеке, виднелось поросшее лесом урочище, выбравшись из которого, деревья с густыми кронами словно делали попытку подняться на восточный склон Пятого холма, но были остановлены на самых подступах.

Природа Второго холма сильно отличалась от мрачных пейзажей пустоши и болот. Хотя еще не встречались яркие цветы, причудливые деревья и пышные кусты, какими славился Дювон и близлежащие к нему Пятый и Четвертый холмы, но изумрудные полянки западного склона вполне годились для того, чтобы служить пастбищами белоснежным овечкам и быстроногим козочкам, а не слишком высокие стройные деревья – тенью этим милым животным, которые являлись для местных жителей источником дохода и пищи. Маленькие стада виднелись то тут, то там: если они взбирались высоко – казались крошечными, если паслись на под-

ножии холма, можно было разглядеть черные уши белых барашек и медные колокольчики на шеях коз. Повсюду виднелись мастерские ремесленников, торговые лавки под соломенными крышами, кузницы, в которых полыхал огонь печей, гончарни, возле которых на грубо сколоченных полках стояли готовые горшки: простые, из красной глины или разрисованные яркими розами.

Путники въехали в небольшую дубовую рощу, в глубине которой расположилась деревня. Вскоре среди деревьев показались домики, покрытые черепицей. Тимша вертел головой с большим усердием – Синигир не преминул выразить опасения, что она отвалится. Юноша только рукой махнул. Всю дорогу он восхищался, сравнивал все, что видел, с Синим лесом, не обращая внимания на молчание товарищей. На небольшой площади посередине деревни зверолова привлек фонтан в виде овечки. Тимша подъехал поближе к сооружению и подставил руку под струю.

– Ты недостаточно промок сегодня? – спросил Синигир.

– А зачем тут фонтан? Река ведь рядом, – поинтересовался юноша.

– Жители так украшают деревни, – пояснил Синигир.

Он оглянулся и указал в сторону дубовой аллеи, что сворачивала за пригорок:

– Пастушки сказали: старик-козопас там живет.

Ветхая лачуга прилепилась задней стеной к невысокой горке, поросшей травой, соломенная крыша от времени слегка покосилась.

Синигир стукнул в окошко, потом позвал:

– Хозяин!

Но хозяин показался не из-за двери, а из-за кустов, что росли у стены домика: вначале опасно выглянула серая бородка, затем лысая голова, потом – весь дед.

– Чего надо? – не слишком приветливо спросил он.

Путешественники, спешившись, объяснили, что их интересуют подробности утреннего происшествия.

– А вы кто? – подозрительно прищурил глаза старик.

– Я охотник, а вот он, – Синигир кивнул на Тимшу, – зверолов.

О Муре охотник ничего не успел сказать, потому что дед вдруг радостно завопил:

– Силы небесные! Охотник! Зверолов! Наконец-то! Вы-то его и сможете изловить!

Хозяин пригласил путников в дом, приговаривая: «Изловить! Изловить!»

Тимша с любопытством разглядывал небогатое убранство домика: ничем не покрытые стол и лавки, белые цветы в глиняных горшках, ровными рядами выстроившиеся на подоконниках, потухший очаг...

– Так что же случилось? – приветливо и ласково поинтересовался Мур.

Путники, приготовившись к долгому разговору, ибо старик был напуган и, кажется, беспомощен, расселись у маленького стола. Но, к их удивлению, начал дед без обиняков, вполне бодро и понятно:

– Вчера рано утром вышел я коз пасти, еще затемно. Пришли мы с козочками на лужайку. Утро выдалось пасмурное, туманное, у нас, на Втором холме такая погода теперь иногда случается, и решил я костерок разжечь: сырость до костей прямо пробирала. Смотрю по сторонам: мрачно так вокруг, темно, зябко... Ну, пошел все-таки в рощу за хворостом, и не успел двух шагов сделать, слышу: вроде как коза мекнула. Повернулся и вижу: на мое стадо облако опустилось, серое, густое. Ну, думаю, туман нынче какой особенный! И вдруг понимаю: вовсе это не туманное облако! Пригляделся: а то зверь! На голове рога, морда мерзкая! Как вспомню – трясусь от страха! Я застыл от ужаса, ни ногой не могу пошевелить, ни рукой. Потом, хвала небу, солнце взошло, пробился яркий луч – стало светло и ясно.

– А зверь? – хором спросили встревоженные спутники.

– А зверь пропал. С козой, – вздохнул горестно рассказчик.

Тут дед перевел дух, и, утерев выступивший на морщинистом лбу пот, пробормотал:

– Сколько лет живу на Втором холме, такого не встречал. Ничего крупнее кроликов не водятся у нас, а тут такое!

– Как зверь выглядел, подробнее можешь рассказать? – осторожно, чтобы не нарушить стройный и понятный рассказ старика, спросил Синигир.

– Страшно, – пробормотал дед, – он казался таким огромным, словно коза выросла в сто раз. И так стало мне жутко, что я закрыл глаза и просидел так еще долго, хоть зверь и пропал с первым лучом.

– Коза выросла?! – хором изумились гости, переглянувшись.

– Ну, вроде как рога козы у него были и уши, морда такая же вытянутая, борода, – руками рисуя в воздухе очертания неведомого зверя, проговорил дед.

– А огненные крылья? – спросил Тимша.

– Крыльев никаких не видал, – помотал головой козопас, – поди, напридумывал народ, приукрасил. Хорошо остальным сказки-то сочинять, а козу пропала – молока от этого не прибавится. Мало того, что трава везде гниет, да еще и козы лишился.

– А что с травой? – поинтересовался Синигир.

– Да вот, – развел старик руками, – раньше пасешь коз весь день: трава-то сочная, густая – козочки наедятся, а потом и они, и я отдыхаем. А сейчас словно и не растет травка, нале- том каким-то покрывается от туманов. Роса теперь на листьях гнилая, а раньше была светлая, словно слеза.

Старик проводил гостей до ворот, умоляя их изловить зверя. На прощанье Синигир протянул ему несколько монет и велел купить козу взамен пропавшей. Старик принялся благодарить и причитать, что «тут на десять коз хватит!».

Покинув убогое жилище, путники возвращались на дорогу в полном молчании. Мур ехал впереди. Синигир и Тимша поотстали.

– Но как же зверя поймать? – прошептал Тимша, – ведь это магия.

– Да уж, твои ловушки тут не помогут, – покачал головой Синигир, – разве что мой лук пригодится.

Тимша вздернул подбородок:

– Почему это? У меня есть хорошие ловушки!

– Не будем спорить, – примирительно сказал охотник, – еще послушаем, что нашему углежогу витара скажет.

Тимша оглянулся и таинственно зашептал:

– Я все хотел спросить тебя, почему ты вдруг решил ехать с Муром к ведьме? Ты ж мечтал поскорее отделаться от него.

– Ты слышал: он назвал ведьму – Годана, а имя это мне знакомо.

– Откуда?

– Я говорил тебе о тетушке: я слышал это имя в ее доме на Пятом холме. Не пойму только, как такое возможно.

– Твоя тетушка знакома с витарой? Ничего себе!

Мур оглянулся на возглас Тимши, придержал коня. Когда зверолов и охотник подъехали, он сказал:

– Наш путь теперь вновь лежит на север. Пересечем дорогу, что идет вдоль пустоши, и двинемся вглубь Черных болот, дня ночи пути – и мы на Вонючих топях.

– Откуда знаешь ведьму? – поинтересовался Синигир.

– Когда-то давно она спасла мне жизнь, – так печально ответил Мур, что задавать еще вопросы, вертевшиеся на языке, Синигир и Тимша не решились.

Трое путников покидали окрестности Второго холма. Позади остались рыже-зеленые склоны, пасущиеся на лужайках стада белых овец, уютные домики, кузницы с выющимся

из труб дымком... Солнце закатилось за горизонт, легкий ветерок доносил с холма вечерние запахи трав. Но уже серела впереди, на горизонте, сливаясь с ним, Бурая пустошь, распахивая унылые объятия.

Вскоре путники оказались на дороге. Тимша старался сдерживать любопытство, так как и Синигир, и Мур ехали молча, думая о чем-то своем, не обращая внимания ни на Тимшу, ни на то, что их окружало. Но юноше было сложно не разговаривать: ему хотелось задать своим спутникам сто вопросов. Зверолов долго крепился, но, в конце концов, принялся спрашивать себя, и сам себе отвечал.

– Что же мы имеем? – бормотал он негромко, – страшная магия появляется в Синем лесу – я, выходит, видел ее своими глазами. Надо же! Потом, за три дня до нашего приезда, в таверне темнеет зеркало, а ночью на Втором холме появляется страшный зверь. А точно эти все события как-то связаны?

– Конечно, – неожиданно подал голос Мур, – зеркала сами по себе не чернеют, да и появление зверя имеет к череде необычайных событий прямое отношение. Дед сказал: зверь исчез после того, как показалось солнце, и похож он был на козу. Рыцари-всадники погибали, когда был сильный туман или шел дождь, то есть исчезало солнце, а что до козы, то наверняка *глюд* принимает облик животных так же, как и людей.

Тут углежог оборвал сам себя, взгляделся в серую даль и показал на невысокий дом из черного дерева:

– Харчевня! Там поужинаем и заночуем.

После ужина, который был совершенно не в духе Синигира, спутники остались погреться у огня, так как хозяин харчевни предупредил: топлива для печей мало – в комнатах для постояльцев совсем не жарко.

Еда оказалась очень скромной, мебель – ветхой, свечи трещали и коптели, в дверь дуло – путники не спешили подняться в комнаты, представляя всю убогость их обстановки.

Синигир сердился, но что мог сделать тощий хозяин, у которого даже усы выглядели несчастными, горестно свисая до самых плеч?

– Уж я бы купил провизии, кабы было где, хоть нынче все больно дорого, – бубнил он уныло.

– В Дювоне довольно много продуктов, – сказал Мур, – разве теперь не ездят по всем окрестностям веселые торговцы из Золотого города?

Хозяин тяжело вздохнул:

– Торговцы в наши края наведываются все реже. Да и зачем им тащиться в Бурую пустошь, если весь товар у них скупают на холмах?

– Отчего же так происходит? – живо вмешался в допрос несчастного хозяина зверолов, – разве в окрестностях Дювона стало меньше цесарок или урожаи снизились?

– То мне неизвестно! Да только еды хорошей мне торговцы не привозят давненько!

С этими словами горемычный хозяин удалился.

– А почему нечем топить? – протягивая ноги к камину, спросил Тимша, которого живо интересовало все происходящее.

– Потому что углежог гоняются за непонятной магией, а не уголь жгут, – проворчал Синигир, страшно недовольный отсутствием тепла и горячей воды.

Мур не слушал беседующих вполголоса спутников. Он не отводил глаз от языков пламени, словно пытался прочесть в их игре ответ на свои вопросы.

– Но Мур поступает очень благородно, – говорил шепотом Тимша – хочет спасти людей от зла, может, даже от гибели.

Синигир хмыкнул:

– Ну, хотеть – не значит сделать. И зачем мы к витаре едем, не совсем понятно. То ли выяснять что-то о *глоде*, то ли...

Тут он развел руками и многозначительно расширил глаза.

Тимша непонимающе замотал головой:

– Что еще за сомнения? Витара наверняка мудрая, раз выжила на Вонючих болотах – она нам скажет, как победить *глода*. Вон даже твоя тетушка эту витару знает.

– Да, я слышал ее имя в детстве из уст тетушки. Но, конечно, глупо думать, что тетушка знакома с витарой: Багряна – обычная жительница Пятого холма. Хотя теперь я уже ничему не удивлюсь: за последнее время столько всего произошло! Оказывается, магия существует не только в сказках, а даже в нашем Синем лесу, война рыцарей-всадников с чародеями была на самом деле, но не такая, как говорят сказки. И тетушка, может такое случиться, знает ведьму.

– В книге сказок на картинках карагаи и их котоврасы – великолепны, хоть признаюсь, кони карагаев в детстве меня немного пугали. А вот витаров изображали страшными.

– В Дювоне о витарах вообще не упоминают, словно их не существовало, а статуи карагаев верхом на котоврасах украшают главную площадь.

– Красивые?

– Да, конечно!

– А верховный Бескид?

– Я не думаю, что он красавец, к тому же он ведь стар.

Тимша рассмеялся:

– Да я не о том! Как он выглядит? Ведь это, как сказал Мур, наверное, последний рыцарь-всадник.

– Давно его не видел. Последний раз, когда я был в Дювоне, народ на площади перед Разноцветным замком собрался на празднике Роз, и верховный Бескид вышел на балкон, показал толпе людей самый прекрасный необычный букет роз, поприветствовал народ. Такой высокий седобородый старик с громким голосом.

– А вдруг, – совсем понизив голос, спросил Тимша, – нас пригласят во дворец, ну, когда мы сообщим о *глоде*?

– Может быть, хотя вряд ли.

– Почему? – огорчился юноша, – как же мы сможем рассказать верховному Бескиду обо всем?

– Багряна приятельствует с дворцовым часовщиком Себям – можно, наверное, передать нашу историю через него. Но к самому верховному Бескиду нас не пропустят – кто мы такие?

– Ах, жалко, – вздохнул Тимша, в глубине души лелеявший надежду увидеть живого карагая.

Подумав, зверолов спросил:

– А когда он умрет, карагаев вовсе не останется?

– Мур говорил: у верховного Бескида есть сын, наверняка, он тоже – карагай, наследник титула и Золотого меча.

– Золотой меч? – вскинулся Тимша, – значит, он на самом деле существует!

– Чего ты разволновался? – усмехнулся охотник, – какое нам дело до Золотого меча? Он принадлежит карагаям, вернее, верховному Бескиду.

– Мне, – с отчаянной решимостью проговорил Тимша, – о Золотом мече рассказывал один необыкновенный заключенный темницы, засыпанной землей.

– О небо! У тебя, зверолов, от сказок Мура разум помутился! – воскликнул Синигир и окликнул углежога:

– Эй, Мур!

Потревоженный, тот повернул голову к спутникам. Тимша даже поежился под тяжелым отсутствующим взглядом – углежог словно смотрел сквозь него.

Однако Синигир, уже успевший привыкнуть к мрачному настроению Мура, спокойно поинтересовался:

– Скажи-ка, а почему верховный Бескид не пострадал от страшной магии?

Мур тряхнул головой, прогоняя тяжкие невеселые мысли, потом вновь повернулся к огню, словно не в силах противостоять его жаркой пламенной власти, и заговорил:

– Он мудрее и сильнее других рыцарей-всадников.

– А как же народ Дювона стал жить после всех тех ужасных событий? И отчего все о них забыли? – спросил Тимша.

– Когда карагаев не стало, из памяти людей стерлись знания о войне с чародеями, реальность превратилась в сказки, где рыцари-всадники – добрые, витары – злые, добро победило зло – все ясно для простых людей, а остальное, что не поддается осознанию – просто не существует. О *глоде* никто не знал, война после гибели карагаев и исчезновения витаров прекратилась. Существование Дювона и окрестностей переменялось, но людям было все равно: они зажили, как прежде, радуясь покою и достатку. А рыцари-всадники превратились в героев сказок. Верховный Бескид перестал быть главой карагаев, но остался главой Дювона и всех земель. В Золотом городе и окрестностях жизнь по-прежнему подчиняется законам и традициям, созданным первыми карагаями, а верховный Бескид сам строго придерживается законов и не позволяет остальным отступить.

– А у нас в Синем лесу все живут, получается, не ведая никаких законов, – с сожалением произнес Тимша.

– Есть неписанные законы, – задумчиво проговорил Мур, – что чтут звероловы и охотники, да и углежоги тоже.

– Ну, не знаю... когда все подчиняются законам, понятно: кто прав, кто – нет, – не согласился Тимша.

– Поверь, это определить не всегда может даже самый лучший закон, – покачал головой Мур и вновь отвернулся к очагу, – вот уйти из Синего леса углежогов заставил не закон, а их добрая воля.

– Пора, пожалуй, укладываться спать, а то утром снова начнется, – проговорил Синигир, поднимаясь из-за стола.

– На что это ты намекаешь? Что «начнется»? – недовольно спросил зверолов, справедливо приняв на свой счет слова охотника.

Но Синигир уже не слушал: он подошел к хозяину и принялся ему что-то втолковывать.

– Не иначе как просит воды ему для купания нагреть, – пробормотал Тимша.

Мур молчал, и зверолов принялся по привычке говорить сам с собой:

– Не пойму я охотника. Что за блажь: белые рубахи меняет, моется в горячей воде, сапоги какие носит! А какие блюда он ест у себя дома, из какой посуды – ты бы видел!

– Ведь твой друг из придворной дювонской знати – что же тебя удивляет? – нехотя отрываясь от созерцания огня, проговорил Мур.

Слова Мура, сказанные тихим голосом, словно громом поразили юношу: Тимша подскочил с места, вмиг оказался возле кресла, где отдыхал углежог, и молча, глазами-озерами просто умолял его пояснить: как такое может быть? Говорить зверолов не мог.

– Ты разве не знал? – не меняя спокойного тона, удивился Мур.

– Я представлял себе, что все придворные живут во дворце. Как же Синигир оказался в Синем лесу, так далеко от Дювона?

– Этого я не ведаю, ты спроси у него.

– Ага, спроси! Об этом никто не знает, значит, он ничего не рассказывает. А ведь Синигир – что скрывать – не прочь иногда прихвастнуть. Но ты откуда об этом знаешь?

– Достаточно посмотреть на охотника. Если окажешься в Золотом дворце, в галерее, ведущей к Зеленой башне, погляди на портреты славных стражей западных ворот Дювона. Мужчина на первом портрете – один в один – Синигир.

– Ну и ну! – только и мог сказать изумленный зверолов.

Глава десятая

в которой Мур проигрывает памяти, Тимша рассуждает о вере и животных, путники говорят о радости ремесел и выборе, а Синигир убеждает всех в своей правоте

Комната для ночлега была убогой, лежанки – жесткими. Тимша, однако, этого не замечал: в его скромном домике кровать была не лучше. Он с удовольствием вытянулся на твердом, как камень, ложе и наблюдал за действиями охотника. Тимшу распирало желание выяснить подробности услышанного про портрет в галерее у Зеленой башни. Но небольшой опыт последних дней подсказал юноше: не всегда вопрос, заданный напрямик, предполагает такой же прямой ответ. Потому он молча посматривал на Синигира.

Тот вертел в руках тощую подушку и ворчал:

– Что за ткань? А внутри – солома!

Присев на кровать, охотник вновь оказался недовольным:

– О, силы небесные! Да тут доски, прикрытые тряпьем!

– Конечно, это не перина из пуха белых уток, – не выдержал зверолов.

– Каких таких уток? – удивился Синигир.

– Мне кажется, что тебя дома дожидается именно такая: мягкая и белоснежная, как твои рубахи, а как же иначе?

Он чуть не сказал «перина, как в Дювонском замке», но удержался.

Синигир лег, пробормотав почти со стоном:

– Во всяком случае, в моем доме есть теплое одеяло и удобная подушка. А тут такая бедность!

– А как же ты будешь спать, не искупавшись? – скрывая насмешку, поинтересовался юноша у раздосадованного спутника.

– Плохо, – огрызнулся Синигир.

Однако уже через минуту в комнате наступила тишина: утомленные путешественники уснули: Синигир – несмотря на жесткую постель, а Тимша – на желание выспросить у охотника о его предках и портретах в Зеленой башне.

Мур же не смыкал глаз: смотрел в ночное небо, клочок которого с тремя яркими звездами был виден в окно его комнатки. Память осторожно рисовала картину далекого-далекого прошлого, казалось, забытого навсегда: такое же небо, такие же звезды... Память – коварная штука, так и норовит вытащить откуда-то из своих глубин то, что тревожит и гнетет. Память, которую Мур давно подчинил себе, вдруг вырвалась на свободу, и Мур, уступая, погрузился в воспоминания...

Утром ранняя пташка – Тимша – принялся будить Синигира привычным уже способом: потрясая за плечо и крича: «Вставай! Пора!»

– Опять! – не открывая глаз, простонал охотник, – не удивлюсь, если за окном еще темно.

– Вполне светло. Мур уже проснулся и спустился вниз, наверное, ждет нас. Вставай!

Мур сидел на вчерашнем месте, опять созерцая пламя в камине.

Хозяин бегал по харчевне, подкладывая дрова в камин. Увидев Синигира, радостно зама- хал руками:

– Господин охотник! Вода готова!

– О силы небесные! – изумился Тимша, – добился же все-таки своего!

Несмотря на раннее утро, жизнь в харчевне кипела: тощий хозяин носился туда-сюда, прикрикая на жену, похожую на сухую тростинку, и мальчика-слугу: «Пошевеливайтесь!» хотя они и так бегали, то и дело сталкиваясь друг с другом. Двери хлопали, горшки гремели, ноги топали... А виновник переполоха, благосклонно кивнув, удалился.

Пока охотник отсутствовал, хозяин, вчера еще унылый, а сегодня бодрый и веселый, собственной персоной подавал завтрак: пироги, тушеное куриное мясо, печеные овощи, душистый сыр.

– Не удивлюсь, если хозяин ночь не спал, бегал по склонам и покупал для господина охотника продукты, – любясь снедью, красиво разложенной в белые тарелки, проговорил Тимша, – да и посуду, наверное, из сундуков достал. Вон какая тонкая работа!

– Да, – задумчиво произнес углежог, – давно я не ел в здешних тавернах. Я-то думал: только на Черных болотах нет хорошей еды, а, оказывается, и на холмах мало изобилия. В прежние времена даже в такой отдаленной харчевне путникам могли предложить много чего помимо пирогов и сыра.

– А по мне – богатый завтрак, – возразил Тимша, – ведь вчера ничего не было.

Он повертел головой по сторонам, потом повернулся к углежогу.

Поскольку тот, по обыкновению, молчал, Тимша вступил в беседу сам с собой:

– Я все никак не приду в себя от твоей вчерашней новости, но ничуть не сомневаюсь – Синигир – точно не простой человек. Я это заметил, когда у него дома оказался. Как же так вышло, что он стал охотником? В Синем лесу ходят слухи, будто и мать его – охотница – погибла от лап медведя, но слухам я не верю. Мало ли, что говорят.

– А чему ты веришь? – неожиданно спросил Мур.

– Своим глазам. А еще, только не удивляйся, я доверяю своим рукам.

– Как так? – в глазах углежога, как это бывало нередко при разговоре с юношей, затеплился ласковый огонек.

– Просто! – с готовностью ответил Тимша, – я делаю ловушки – самые лучшие в Синем лесу.

Тут юноша смутился: слова о самых лучших ловушках, прозвучали, как ему показалось, как-то уж очень в духе Синигира. Но поскольку Мур слушал и смотрел заинтересованно и серьезно, Тимша продолжил:

– Но мне никто не показывал, как их делать: мои руки сами по себе плетут силки и петли, а если нужно сделать приманку – руки сами знают, как. Вот потому я верю своим рукам.

– Скажи, а где ты давно живешь в лесу?

– С рождения. У меня есть дом... домик, недалеко от деревни, стоит среди синих елей. Достался он мне от родителей. Они умерли двенадцать зим назад.

– С тех пор ты один?

– Да... первое время приходила добрая старушка, что жила в хижине на Можжевеловой горе, а потом уж я и сам справлялся. Но меня всегда окружают мои зверушки с тех пор, как я себя помню. Мама зверей любила, знала их повадки, и я помню, как она учила меня обращаться с животными.

– Что же ты с ними делаешь, когда поймаешь?

– Продаю в деревнях.

Тимша принялся оживленно рассказывать о своем ремесле, даже не взглянув на явившегося, наконец, Синигира, потряхивающего мокрой золотистой шевелюрой.

– Главное в моем ремесле – ловить животных, учить их. Я приманиваю зверьков, что служат в хозяйстве. Например, лафы и ежи ловят мышей в домах, а лесные собаки дома охраняют их, но их часто покупают еще и для детей – собаки эти умеют говорить.

– Что? – изумился Мур, слушавший юношу очень внимательно.

– Они понимают человеческую речь, и их можно научить некоторым словам. Но только вот почему-то собачки у других людей не очень-то разговорчивы.

– Не удивительно, – усмехнулся Синигир, – ты-то кого хочешь разговоришь, а уж лесную собаку – очень легко!

– А еще есть тирулы, они умеют находить грибы и съедобные коренья. Тирулов собиратели покупают, только их тоже обучить надо, – не обращая внимания на шутку охотника, с воодушевлением рассказывал Тимша.

– Собирателей поучить не мешало бы, да, тут ты прав. Иной раз не грибы мне приносят, а всякую дрянь, – усмехнулся охотник.

– Я про тирулов говорю.

– А! – Синигир невинно похлопал глазами, – а я подумал...

– Я и не знал, что столько чудесных зверей водится в Синем лесу, – искренне удивился Мур.

– А гика зачем? – принимаясь за еду, поинтересовался Синигир.

– Ну, она красивая, а потом их покупают и из-за яда тоже: он нужен для некоторых снадобий. Но гика – редкое животное, я ее ловил всего пару раз. Она приручается легко и весьма ласкова.

– Да уж! Очень ласковая белочка! Не считая маленького, малюсенького такого недостатка: больно кусается и ядовитая. А так – очень ласковая! – заметил Синигир, впрочем, довольно весело: по всей видимости, он уже почти забыл, как серьезно пострадал от яда гики.

– Ты, видно, любишь свое ремесло? – между тем продолжал расспросы Мур.

– Я всегда жил в лесу, и это только и умею, но ты прав: мое ремесло мне по душе, хоть и не приносит большой прибыли.

– Прибыль, пожалуй, не главное, – улыбнулся Мур.

И как только мелькнула улыбка на лице его, прогнав суровость, оно, утратив жесткие линии, стало замечательно красивым.

Тимше нравился такой Мур: приветливый, улыбающийся, – юноша с удовольствием согласился с ним и принялся рассуждать о том, что, по его мнению, главное в жизни.

– Да, не прибыль! Главное – делать то, что нравится, и делать хорошо, с удовольствием, тогда и другим будет польза и радость.

– По-твоему, всякое ремесло может нравиться тому, кто им занимается? – спросил Синигир, впрочем, продолжая с аппетитом поглощать вкусный завтрак.

– Конечно! Вот Мур – углежог, делает уголь, людям от этого хорошо.

– Людям-то хорошо, но я не могу представить, как может нравиться труд углежого самим углежогам. Да на болотах жить невозможно, не то, что заниматься ремеслом, – заметил Синигир.

– Однако же углежогои живут и работают, – ответил задумчиво Мур, – хотя ты прав: труд их тяжел, да и местность не добавляет удовольствия их существованию.

– Да уж, в Синем лесу гораздо веселее, и зверей ловить – занятие более занимательное, чем уголь жечь, – заметил Синигир, – но каждый выбирает сам, как ему жить и где.

– Каждый живет так, как распорядится судьба, – вновь мрачней, проговорил Мур.

– Хочешь сказать: ты не сам выбрал жизнь на болотах? Но ведь, как я понимаю, это вовсе не твоя судьба? Ведь жил ты раньше в Дювоне, разве нет? – спросил Синигир.

– Давно, много-много лет назад. Я был совсем юн, вот как Тимша, – углежог кивнул на зверолова.

Тимша, у которого замечание Мура о своем возрасте не вызвало восторга, хотел спросить, как же углежог оказался на болотах. Но тот добавил, предвосхитив вопрос:

– Я сам, по своей воле, выбрал Черные болота. Но не всегда наш выбор совпадает с желанием. Я не мог оставаться в Дювоне: либо болота, либо гибель.

– То есть ты не совсем углежог, – уточнил Синигир, выразительно посмотрев на зверолова, – это после войны карагаев и витаров ты стал жить на болотах?

Мур взглянул на Синигира, потом на Тимшу и неожиданно поднялся:

– Думаю, моя жизнь не стоит того, чтобы обсуждать ее так долго. Завтрак затянулся, а нам пора в путь. Уже давно рассвело.

Он решительно вышел, не оглядываясь на озадаченных спутников.

– Наш углежог скрывает истину, – Синигир тоже поднялся, – и я даже знаю, какую.

– Ты по-прежнему считаешь его витаром? – спросил Тимша, складывая в мешок еду, оставшуюся от завтрака, – но, кроме догадок, нет ничего, что...

– И наблюдений, – прервал товарищи Синигир, – как и ты, я доверяю своим глазам.

Мур выезжал со двора, когда охотник и зверолов оседлали коней, поэтому они ехали сади и могли продолжить разговор.

– Путешествовать с Муром становится опасно, – говорил негромко охотник, – вот окажемся мы на Вонючих болотах, где не могут жить люди, и там они вместе, витара и Мур, нашьют на нас столбняк какой или лихорадку.

– Да ведь Мур не сказал бы о ведьме, если бы хотел нам зла. Ведь мы сами вызвались ехать, – не соглашался Тимша, – и зачем ему вредить, мы ведь хотим помочь?

– В чем помочь? Тут ведь чары, – покачал головой охотник, – как бы выпытать хоть что-то! Но Мур хитер, и ни в чем не признается.

– Да, может, Муру не в чем признаваться, – защищал углежого юноша.

– Тихо, – зашипел охотник, – у него такой слух – любой охотник позавидует.

– Мур удивительный, я таких людей не встречал.

– Ха! Не мудрено! Во-первых, ты знаком только с жителями Синего леса, – усмехнулся Синигир.

– А во-вторых? – подозрительно покосился на спутника зверолов.

Он справедливо опасался намеков на свой юный возраст и неопытность. Но охотник вовремя спохватился, и вполне невинно ответил:

– Во-вторых, может, он и не человек вовсе.

– Ну и пусть Мур – витар! Рыцари-всадники первыми начали эту войну, а чародеи только защищались, не будучи виноватыми, – решительно заявил зверолов.

– Да, он точно витар: все-то знает и о войне, и о карагаях, и о чародеях. Я считал: мне известна немного жизнь в Дювоне, но оказывается, ничего мне не ведомо.

– А откуда тебе так хорошо знакома жизнь в Дювоне? – поинтересовался Тимша, решив прояснить вопрос с происхождением охотника.

– Меня тетушка воспитывала, а она, как ты знаешь, живет на Пятом холме, а это – почти Дювон, Багряна часто раньше посещала замок, много видела и слышала.

– А ты жил у нее?

– Да, какое-то время.

– А кто были твои родители? – осторожно поинтересовался Тимша.

Но Синигир вполне спокойно ответил, что родителей не помнит.

– Они жили на Пятом холме, в большом доме, из окон которого видны башни Дювона. Тетушка и по сей день там обитает. Отец мой служил стражником и погиб во время камнепада в Непроступных скалах. Мама охотилась в Синем лесу, ты, наверное, слышал об этом. После смерти отца она, взяв меня, отправилась в Синий лес, а потом случилось ужасное несчастье: ее убил медведь. После этого тетушка Багряна, сестра отца, забрала меня из Синего леса в дом на Пятом холме. Когда я подрос, вернулся в лес и стал охотником, как мама.

– Понятно... – протянул Тимша, хотя мало что понял.

Кто такие стражники? Почему мама Синигира стала жить в Синем лесу? И знает ли охотник о портрете в галерее у Зеленой башней во дворце Дювона?

– А почему не остался там? – Тимша мотнул головой на запад, в сторону Дювона, – жил бы в красивом месте, ходил бы во дворец каждый день.

Синигир рассмеялся:

– Зачем мне во дворец ходить каждый день? Как говорит Мур, каждый выбирает сам, как ему жить и где, а у меня как раз желание совпало с возможностью. Вот я и живу в самом красивом месте – в Синем лесу.

Услышав за спиной смех охотника, углежог остановил горячего черного, как смоль, жеребца.

– Что вас развеселило? – поинтересовался он подъехавших.

– Я спросил у Синигира, почему он не остался у тетушки: жил бы в роскоши, смотрел из окон на дворец, – пояснил Тимша.

– Значит, я не ошибся, – задумчиво пробормотал Мур, – память все же – чудесный дар. Столько лет прошло, а увидел тебя – сразу предстал перед глазами портрет в галерее.

– Какая галерея? – удивился Синигир.

– У Зеленой башни, – озадаченно ответил Мур, бросив взгляд на юношу.

– Ладно, спрошу по-другому: какой портрет? – совсем ничего не понимал охотник.

– Ты не знаешь?

– О чем?

– И ты ничего не сказал ему? – удивленно приподнял Мур бровь, обернувшись на зверолова.

– Нет, я не успел: Синигир так быстро уснул, – пробормотал юноша.

– Так. Подождите. Когда это я уснул? О чем вы? – Синигир, кажется, начал терять терпение: голос его зазвучал почти грозно.

Зверолову пришлось передать вчерашний разговор с Муром.

Синигир сначала смотрел на рассказчика широко открытыми глазами, затем тронул коня. Теперь все ехали рядом по довольно широкой дороге и молчали. Один думал о том же, что и вчера, второй – о том, кто же его спутники на самом деле, а третий – что все это значит?

Путь всадников лежал на север. Теперь пустошь находилась справа и слева, а впереди, на севере, простиралась темной полосой Черные болота, суровое место, не предназначенное для жизни живых существ. Пока странники не выехали за пределы пустоши, еще кое-где встречались лачужки глиномесов, лепивших камень из бурой глины, да песчаные норы, откуда добывают коричневый песок.

Первым нарушил молчание Синигир:

– У меня нет оснований не верить тебе, углежог, но я согласен со звероловом: я тоже верю только своим глазам. Увижу портрет – буду думать.

– Можешь спросить у тетушки. Она-то точно знает, – подсказал Тимша.

– Если попаду к ней, – буркнул охотник, – не забывай, куда мы едем.

Он помолчал минуту, а затем, обращаясь к юноше, заметил язвительно:

– Когда нужно рассказать что-то важное, некоторые вдруг предпочитают помалкивать. С чего бы такая скрытность?

Тимша оглянулся, поискал глазами того, кому предназначены язвительные слова Синигира. Не найдя никого, пожал плечами и продолжил созерцать окрестности.

В полдень путники сделали привал, пообедали остатками завтрака, причем Тимша мысленно поблагодарил охотника за то, что они не остались голодными.

Солнце клонилось к зениту, время от времени прячась за облаками – неизменными спутниками пустоши. Мрачные просторы навевали уныние. Даже Тимша не тревожил спутников вопросами и ответами, хотя и не переставал вертеть головой по сторонам. Но ничего замечательного не происходило: ветер, не встречая препятствий, гулял по бурой пустыне, редко встречающиеся чахлые кустыки протягивали веточки к солнцу, которое не спешило дарить им

свет и тепло, скупилось, словно затаив обиду на эти земли. Но даже они, эти лучи, не оживляли окрестности, напротив, вспыхивая, яркий свет вдруг окрашивал Бурую пустошь странными цветами: желто-серым, темно-коричневым или грязно-розовым. Эти превращения не слишком радовали глаз, скорее, угнетали.

Постепенно подкрадывались сумерки, ложились сизые тени.

– Моя Рожка притомилась, – поглаживая лошадь по шее, пожаловался Тимша.

Он начал отставать и, как ни понукал кобылку, та шла все медленнее.

– Рожка не привыкла много двигаться, – объяснил зверолов товарищам, – я ведь не часто езжу.

– По ней видно, – кивнул на толстушку Синигир.

– Кажется, харчевня, – показал вдаль Мур.

Зверолов и углежог присмотрелись: действительно, у чахлого деревца пристроилась одинокая хибарка – харчевня под совершенно не подходящим названием «Веселый привал». Помещение ее обветшало как снаружи, так и внутри. Посетителей в харчевне не оказалось, потому путешественников встретили любезно: хозяин, кланяясь, широко отворил дверь, и пока гости рассаживались, осматривались, поспешно затопил печь.

– Чем дальше от холмов, тем хуже хозяева, – прошептал Тимша, кивая на сгорбленного старика, не похожего на румяных толстых владельцев подобных заведений, расположенных ближе к холмам.

Не только Синигир, но и Тимша, побывавший уже не в одной харчевне в последнее время, разочарованно вздохнул, когда хозяин поставил на стол еду.

– Да, негусто, – взяв хлеб и кружку с водой, проговорил юноша.

– Хозяин! – позвал Синигир, глотнув воды и поморщившись.

– Напрасно ты его зовешь, – покачал головой углежог, – мы ведь въехали очень глубоко в Бурую пустошь – он не сможет достать ничего лучше в этих местах.

– Откуда ты знаешь, зачем я его зову? – не скрывая раздражения, спросил охотник.

Тимша на слова Синигира только улыбнулся.

Явился хозяин. Синигир измерил старика оценивающим взглядом с головы до ног и остался недоволен осмотром. Охотник уже почти готов был отпустить беднягу, но, наткнувшись на заинтересованный взгляд зверолова и, как ему показалось, насмешливый – углежого, спросил:

– А что, любезный хозяин, разве, кроме черствого хлеба и воды, на твоей кухне ничего нет?

– Да-да, – вмешался Тимша, – нам бы... пирогов, сыров, дичи... и еще – есть ли у вас комната с большой бочкой?

Синигир сверкнул глазами на несносного мальчишку, но продолжал ласково допрашивать растерявшегося старика:

– Ведь Второй холм не так уж и далеко, и там довольно еды.

– Ешь то, что есть, – прошептал Тимша, – чем тебе поможет хозяин?

– Для кого не очень далеко, а для меня... – развел старик тощими руками, – торговцы вовсе ко мне не заглядывают, а я и уехать-то не могу: на кого ж заведение оставить? И рад бы угостить вас, да уж столько времени сижу один тут, словно витара на болоте.

– Очень интересное сравнение, но не о том речь, – прервал печальное повествование хозяина Синигир, – теперь ты можешь оставить свое заведение на нас.

– Что ты придумал? – тихонько поинтересовался зверолов.

Но Синигир не обратил на него внимания. Он решительно заявил хозяину, что в его отсутствие они присмотрят за харчевней, пусть даже он вернется завтра.

– Но – с едой, – добавил охотник веско, – мы заплатим вперед, так что деньги у тебя будут.

– Как же я могу оставить хозяйство, ведь тут ...мало ли ... – хозяин растерянно захлопал глазами.

– Зато привезешь запас еды – накормишь потом и других посетителей, а мы обещаем, что будем беречь твое добро, – пообещал Синигир.

– О, благородные путники! – с воодушевлением воскликнул хозяин, наконец, понявший всю выгоду предложения охотника, – если вы будете столь любезны и в мое отсутствие позаботитесь о доме, то я...

– Да, – окидывая взглядом бедное убранство помещения, вступил в разговор Тимша, – заботясь о харчевне, нам не слишком придется надрываться.

– Путешественники у меня редко бывают: иногда заглянут глиномесы или торговцы, что продают уголь и всякие товары в окрестных деревушках, – рассказывал старик, на ходу доставая корзины из чулана.

– Зачем же ты держишь эту харчевню? – удивился Тимша.

Хозяин уже собрался и, стоя на пороге, пожал плечами в ответ:

– Разве мы выбираем, где и как нам жить? Харчевню ведь еще мой дед построил, много зим назад.

Старик вышел, а Мур, усмехнувшись, произнес первые слова за все время, пока охотник и зверолов беседовали с хозяином:

– Вот человек, который не считает, что каждый сам выбирает, как и где ему жить.

– Да уж, – сказал Тимша, – тут местечко не лучше Черных болот, и старик – совсем один, вряд ли он хотел такого.

Синигир же философски возразил:

– Просто он не воспользовался выбором, который есть всегда. Так ведь легче.

– Так жить, – юноша сделал широкий жест рукой, показывая на комнату, – я думаю, вовсе не легче.

– Я о другом. Легче сидеть на месте, ничего не делать, чтобы что-то изменить, говоря при этом: «Мы ничего не решаем, не выбираем – судьба у нас такая»

– Этот старик такой несчастный, худой, – заметил Тимша.

– А я о чем? Несчастливым быть легче, – твердо заявил Синигир, – чтобы сделать выбор, что-то поменять, надо иметь смелость. Конечно, сидеть сложа руки просто. Только храбрый человек выбирает и делает то, что должен, при этом подвергает себя опасности, может разочароваться, страдать.

– Иногда не знаешь, как правильно поступить, и выбор твой порой оказывается неверным, – подал голос Мур, – к тому же, несчастье приносит страдание не меньшее, чем опасности.

Тут вдруг дверь харчевни вдруг распахнулась, на пороге возник хозяин, держащий в руках полные корзины.

– Так повезло! – радостно закричал старик с порога, – встретил на дороге торговцев с холмов. Радость-то какая! Они уж и дорогу ко мне забыли. А тут гляжу: за поворотом повозки, полные разного добра! Все купил: и еду, и дрова! Вот сейчас приготовлю обед на славу: и дичь, и сыр, и овощи. Ах, давненько моя харчевня не видела столько постояльцев!

Через несколько минут в небольшой зале стало тесно: ее заполнили торговцы, шумные и веселые. Печь жарко пылала, ароматы раззадоривали аппетит.

– Видите, – довольно улыбнулся Синигир, – надо только приложить немного усилий – и всегда добьешься цели.

Глава одиннадцатая

в которой зверолов кое-что находит, мерзнет, Мур рассказывает о болотных огнях, плащ углежога спасает от ливня, потом происходит нечто невероятное и появляется чудесная птица

Проведя ночь в «Веселом привале», отдохнув, взяв запасы еды и воды на несколько дней для себя и лошадей, хворост для огня, рано утром путники отправились в дорогу. Уже через несколько часов они въехали на Черные болота, простирающиеся далеко на север. Они располагались между Бурой пустошью и Вонючими топями и тянулись с востока, упираясь на западе в Неприступные скалы.

Мрачная местность угрюмо простиралась до края неба. Черные болота вполне оправдывали свое название: все вокруг было покрыто буро-черным мхом. Ни жилья, ни деревьев, лишь вдалеке порой виднелись невысокие заросли серо-черных камышей. Пологие каменистые возвышенности угрюмо нависали над болотами, создавая впечатление, словно местность хмурится.

Синигир изредка посещал Черные болота: охотился на болотных кошек, едва ли не единственных их обитателей, достойных стать добычей охотника, но далеко вглубь болот не заходил. Он, конечно, слышал о свирепых болотных кабанах, и даже видел раз на торговце куртку из его шкуры, но сам никогда не мог выследить их, так как никто толком не мог сказать, в какой части болот водятся эти необыкновенные звери.

– А как мы будем ночевать? А, Синигир? Не то что бочек с водой – даже домика никакого не видно, – вывел охотника из задумчивости насмешливый вопрос Тимши.

Зверолов, оказавшись на Черных болотах, казался совершенно счастливым: улыбка блуждала на его лице, темные глаза-озера сияли, он время от времени радостно вскрикивал и частенько привставал в седле, словно стараясь рассмотреть что-то в таинственной глубине болот.

– Ах, бедняжка! Что ж ты станешь говорить, когда мы окажемся на Вонючих топях? – усмехнулся в ответ охотник.

– Вонючие топи – место гиблое, – воодушевленно, едва ли не восторженно воскликнул зверолов, не вступая в перепалку с Синигиром, – однако ведь надолго мы не задержимся?

Дорога постепенно превращалась в тропу, хотя довольно широкую. Кроме некоторых отважных охотников, еще змееловы и знахари захаживали в эти мрачные места: редкие травки, нужные для снадобий, росли только на болотах, здесь же водились змеи, яд которых использовался в приготовлении различных мазей и целебных бальзамов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.